

Алис Миллер

В НАЧАЛЕ БЫЛО ВОСПИТАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

АЛИС МИЛЛЕР

В НАЧАЛЕ БЫЛО ВОСПИТАНИЕ

МОСКВА
ФОНД «МИР»
2013

МОСКВА
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
2013

УДК 159.9
ББК 88
М 60

Миллер Алис

М 60 В начале было воспитание / Пер. с нем. И.В. Силаевой. — М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2013. — 223 с. — (Психологические технологии).

ISBN 978-5-8291-1435-0 (Академический Проект)

ISBN 978-5-919840-19-0 (Фонд «Мир»)

Автор показывает механизмы скрытой жестокости в воспитании детей и корни насилия. Анализируя ряд жизненных историй — пациентки-наркоманки, убийцы малолетних и Адольфа Гитлера, — Миллер раскрывает истоки крайней личностной деструктивности этих людей в их раннем детстве: будучи детьми, они подвергались жестокому обращению и унижению, что и сказалось на их личностных особенностях. Сформулированы основные принципы «губительной педагогики» — подавляющего и калечащего ребенка воспитания.

Для психологов, психотерапевтов, социальных работников, а также всех, кто интересуется проблемами детства.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-8291-1435-0
ISBN 978-5-919840-19-0

© Suhrkamp Verlag. Frankfurt a. M., 1979
© Силаева И.В., перевод, 2001
© Орлов А.Б., предисловие, 2001
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2013
© Фонд «Мир», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В этом кратком предисловии мне хотелось обозначить те смысловые акценты второй публикуемой на русском языке книги Алис Миллер, которые, на мой взгляд, представляются наиболее существенными и значимыми.

Прежде всего следует отметить принципиальную *антипедагогическую позицию* автора, в соответствии с которой *любое воспитание* — это насилие, негативно сказывающееся на психическом развитии ребенка, а *любая педагогика* — это теория и практика такого насилия. Это очень сильный тезис, и его крайне трудно принять. Однако вся аргументация автора направлена на то, чтобы не оставить у читателя ни малейшей иллюзии относительно «гуманистических» устремлений педагогики и педагогов. Именно педагогическая практика, существующая тысячи лет, замыкает человечество в порочном круге насилия, логическим финалом которого является уже достаточно хорошо просматриваемая глобальная катастрофа.

Если *педагогика* выступает для автора как исходная форма практики взаимодействия между людьми, как своего рода тезис, то антитезисом оказывается *психотерапия* — сравнительно молодая форма такой практики. Оппозиция педагогики и психотерапии — это принципиальное противоречие, конфронтация двух диаметрально противоположных идей, двух различных логик. Педагогической практике интериоризации и усвоения, контроля и произвольности, подавления и вытеснения, молчания, зависимости и неравенства противостоит психотерапевтическая практика экстериоризации и творчества, свободы и спонтанности, экспрессии и осознания, говорения, автономии и равенства. Именно психотерапия есть ответ человечества на совокупность всех тех угроз, которые уже нашли свое выражение в двух мировых войнах и продолжают искать своей реализации в возможной третьей (и последней) мировой войне. Внешним эквивалентом вытесненных в сферу бессознательного негативных переживаний боли и гнева оказываются чудовищные арсеналы оружия массового уничтожения. Расщепление интеллектуальной и

аффективной жизни людей обеспечивает беспрестанное совершенствование как самого этого оружия, так и средств его доставки. Педагогика ответственна за все эти внешние и внутренние «гроздьи гнева», за тот потенциал ненависти и насилия, который ждет лишь подходящего повода, чтобы вновь воплотиться в массовом безумии. Следует подчеркнуть, что осознание и понимание реальной связи между индивидуальной и социальной психической жизнью — характерная особенность воззрений не только А. Миллер, но и всех крупнейших психотерапевтов XX в. (от З. Фрейда и К. Юнга до В. Франкла и К. Роджерса).

Борение «теленка» психотерапии с тысячелетним «дубом» педагогики (да простит нам А. Солженицын такое использование его ироничной метафоры) является следствием и проявлением более общей социальной оппозиции *гражданского общества и политического государства*. Если гражданское общество базируется на отношениях любви (определяемых А. Миллер как открытость, принятие, адресованность, сензитивность к подлинным потребностям человека, к его сущностным проявлениям), то политическое государство являет собой нечто прямо противоположное — отношения власти, господства и подчинения — тоталитаризм. Основная свобода гражданского общества — это свобода слова (самовыражения), а основное право — право быть услышанным; основная свобода политического государства — это свобода реализации власти, свобода господствовать, а его основное право — право подчиняться.

Посредником в отношениях, существующих между гражданским обществом и индивидом, между политическим государством и индивидом является *семья*. При этом властные отношения в системе «политическое государство → семья → индивид» являются одновременно педагогическими отношениями — воспитанием. Фигуры «вождя» и «отца народа», «начальника» и «отца родного» постоянно совмещаются, а подчас (при торжестве тоталитаризма) и полностью совпадают. Напротив, в системе «гражданское общество → семья → индивид» все социальные институты создаются и поддерживаются индивидами в целях обеспечения их потребностей, прав и свобод. И социальные, и межличностные (в том числе и семейные) отношения являются в этом случае лишь средствами самовыражения и развития индивидов и, следовательно, по своей сути отношениями любви к каждому конкретному человеку — психотерапевтическими отношениями, психотерапией.

В сфере современного духовного производства педагогическая практика, практика обучения и воспитания повсеместно остается глобальным монополистом, продолжая наполнять личное и коллективное бессознательное людей непережитыми и неосознанными чувствами боли и гнева. Иллюстрируя свои теоретические представления подлинными материалами трех психобиографий (наркоманки, политического лидера и серийного детоубийцы), А. Миллер детально анализирует все нюансы взаимосвязей между внутренней и внешней жизнью этих людей,

между их переживаниями и их поступками, каждый раз выявляя при этом *одну и ту же закономерную последовательность событий*:

- любое насилие взрослых по отношению к ребенку есть одновременно проявление нелюбви (т. е. неоткрытости, непринятия, неадресованности, несензитивности к его сущностным проявлениям и подлинным, базовым потребностям в безопасности, понимании, самовыражении);
- естественный отклик ребенка на нелюбовь — боль и гнев;
- «нормальная» реакция взрослого на боль и гнев ребенка — запрет на их выражение ребенком;
- «нормальная» реакция ребенка на этот запрет — подавление и вытеснение в бессознательное собственных чувств боли и гнева;
- расщепление изначально целостного опыта ребенка на осознаваемый и неосознаваемый (репрессированный) опыт;
- трансформация неосознаваемых чувств боли и гнева в осознаваемую ненависть;
- проекция ненависти на замещающие фигуры и идеализация «родительских фигур» и «счастливого детства»;
- изживание ненависти в интра- и экстрадеструктивном поведении;
- трансляция «кольца насилия» (насилие → отклик → запрет → подавление → вытеснение → расщепление → проекция → изживание → насилие) в отношениях с другими людьми, выступающими в качестве экрана для проекции человеком его собственных подавленных и вытесненных в бессознательное переживаний и чувств;
- использование разного рода педагогических идеологий, обеспечивающих социальное санкционирование такого рода трансляции насилия под видом «воспитания» детей, отдельных социальных и этнических групп, национальных меньшинств, народов и даже рас «для их же собственного блага».

Любая, каждая встреча взрослого и ребенка содержит в себе две диаметрально противоположные перспективы. Одна из них — *педагогическая перспектива* — воспроизводит порочный «круг насилия». Другая — *психотерапевтическая перспектива* — размыкает этот порочный круг, освобождает репрессированный эмоциональный опыт детства из «темниц» бессознательного благодаря особому качеству терапевтических (принимающих, эмпатичных и конгруэнтных — по К. Роджерсу) отношений.

Депедагогизация массового и индивидуального сознания, повышение психологической и психотерапевтической культуры людей неизбежно усиливают их чувствительность ко всем формам, проявлениям и последствиям жестокости и насилия в обществе, что, в свою очередь, приводит к увеличению числа людей с позитивным (нерепрессированным) эмоциональным опытом. Дальнейшее размыкание «круга насилия» постепенно, эволюционно трансформирует современную («политиче-

скую») семью в «гражданскую» семью, современное (политическое) государство в гражданское общество.

От чего же зависит реальное осуществление психотерапевтических отношений в социуме?

Я отвечаю на вопрос метафорой, адресованной *каждому* читателю этой книги. От чего зависит реальность Вашего выздоровления, когда болезнь известна, диагноз поставлен, а лекарство под рукой? Ответ предельно прост, — исключительно и только от Вашей доброй воли, от Вашего желания выздороветь.

*Доктор психологических наук
А.Б. Орлов*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга выходит на русском и польском языках ровно через 20 лет после ее появления в оригинале. Тем не менее она, к сожалению, ничуть не утратила своей актуальности, ибо в ней освещаются проблемы, которые сегодня по-прежнему в более или менее явной форме существуют повсеместно, хотя чаще всего они остаются нераспознанными.

Приведенные мною в этой книге советы воспитателей XIX в., оправдывающие лицемерие взрослого человека по отношению к ребенку и насилие, разрушающее его личность, сегодня уже не формулируются в столь явной форме, однако основные принципы воспитания, как и прежде, большинство людей едва ли ставит под сомнение. Другого и нельзя ожидать. Ведь они, воспитанные в соответствии с принципами «черной педагогики», очень рано научились закрывать глаза на реальность и пренебрегать правами маленького ребенка и обращались с собственными детьми так же, как когда-то обращались с ними. Жестокость по отношению к ребенку считалась нормой и всегда превозносилась как нечто ценное. Поэтому сегодня по-прежнему существует так много людей, желающих детям добра, но не замечающих, что действия, сути которых они сами не понимают, разрушают личность ребенка. Они считают такое «воспитание» само собой разумеющимся, утверждая: «Физическое наказание пошло мне во благо, без него ребенок не станет порядочным человеком».

В 1998 г. я написала манифест, который затем по тому или иному поводу был опубликован в разных странах. В нем говорится о необходимости распространять хотя бы в самой сжатой форме информацию, которая должна заставить родителей и воспитателей задуматься, подчеркивается необходимость широкой дискуссии. Текст этого манифеста гласит:

«Многочисленные исследования доказали, что хотя с помощью телесных наказаний и можно вначале добиться послушания, но затем, если только специалисты не помогут своим вмешательством, наступают тяжелые последствия: расстройство характера и нарушение поведения.

Рядом с Гитлером, Сталиным, Мао и другими тиранами не было людей, которые могли бы им помочь. Поэтому они с детства рассматривали жестокость как норму, что и сделало возможным уничтожение миллионов людей. Другие миллионы людей, воспитанные также в духе насилия, им помогали при совершении злодеяний».

Детей нельзя использовать для того, чтобы срывать на них накопившуюся злобу. У нас по-прежнему часто отстаивают мнение, что мягкие наказания, например подзатыльники, безвредны, ибо мы, как и наши родители, очень рано усвоили это. Такая установка помогает ребенку не так серьезно относиться к своему страданию. Вред, однако, заключается как раз в широком распространении этого мнения. В результате — все новые и новые поколения родителей унижают детей, избивая их, и это никого не возмущает.

Когда в 1977 г. в Швеции вступал в действие закон о запрете телесных наказаний, 70 % опрошенных граждан были против. В 1997 г. таких оставалось только 10 %. Эта статистика показывает, что за какие-то 20 лет менталитет населения сильно изменился. Практике, разрушающей личность ребенка, удалось положить конец с помощью законодательства. Тем временем и другие европейские страны (Австрия, Дания, Норвегия, Финляндия, Кипр, Латвия, Италия) ввели запрет на телесные наказания.

Запланированный на европейском уровне запрет физических наказаний не должен вести к уголовному преследованию родителей, но призван защищать детей. Кроме того, родители, которые нарушают закон, должны ознакомиться с информацией о последствиях телесного наказания. Ведь государство обязывает водителей знать правила дорожного движения и даже сдавать соответствующие экзамены. О вреде «безобидных подзатыльников» должен узнать каждый воспитатель, поскольку незнание этого приводит к насилию, которое затем нередко ломает всю жизнь воспитанника.

...Вполне естественно, что душа жаждет свободного волеизъявления, но если в первые два года не найти к ней правильного подхода, впоследствии будет крайне затруднительно достичь намеченной цели. Преимущество первых двух лет, помимо всего прочего, в том, что в этом возрасте возможны насилие и принуждение. С годами дети забывают обо всем, что с ними произошло в раннем детстве. Если их тогда лишили воли, они уже не вспомнят, что когда-то имели ее, поэтому строгость, без которой не обойтись, не повлечет за собой дурных последствий.

...Непослушание суть то же самое, что объявление вам войны. Ваш сын хочет лишить вас власти и вы вправе употребить власть, применить силу, дабы укрепить ваш авторитет, без коего немислимо любое воспитание. Роль физического наказания не стоит недооценивать: оно должно убедить вашего сына в том, что отныне вы его повелитель.

(1752)

В Библии (Сирах 30,1) сказано: «Кто любит сына своего, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им».

(1902)

С юных лет меня настойчиво убеждали в необходимости немедленно и беспрекословно выполнять любые желания или распоряжения родителей, учителей, священников и т. д., одним словом, всех взрослых, включая прислугу. Какие-либо сомнения не допускались. Этот основополагающий педагогический принцип вошел мне в плоть и кровь.

*Рудольф Гесс,
комендант Освенцима*

Какое счастье, что люди не умеют думать. Можно сказать, что правителям очень повезло.

Адольф Гитлер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Психоаналитиков часто упрекают в том, что они в лучшем случае могут помочь только немногочисленному привилегированному слою населения. Эти упреки представляются нам вполне справедливыми, пока результатами *психоанализа* действительно пользуются избранные. Но так не должно быть.

Реакция на книгу «Драма одаренного ребенка» (*Das Drama des begabten Kindes und die Suche nach dem wahren Selbst*) показала, что моя точка зрения вызывает неприятие не столько простых читателей — в молодежной среде у нее вообще оказалось наименьшее количество противников — сколько у самих психотерапевтов. Поэтому представляется разумным и необходимым не хранить в библиотеках данные, полученные в результате лечения ограниченного круга лиц с помощью *психоанализа*, а сделать их достоянием общественности. Именно этот вывод и повлек за собой решение начать писать книги.

Я стремлюсь уделить основное внимание процессам, происходящим вне конкретной психоаналитической ситуации, а как бы в самой гуще жизни. Понять их суть, однако, можно лишь на основе психоаналитического опыта. Это отнюдь не означает, что сугубо теоретические выкладки «можно применять во всех сферах общественной жизни». Я лично полагаю, что сумею по-настоящему понять человека только тогда, когда смогу услышать и эмоционально воспринять его слова, не подгоняя их под какую-либо концепцию. Но анализ как подсознания посторонних людей, так и своего собственного *подсознания* позволяет проникнуть в глубины души, понять сущность многих жизненных явлений и обостряет чувственное восприятие, сохраняя его в таком состоянии также и за пределами кабинета психотерапевта.

Общественность пока еще далека от осознания и осмысления следующего непреложного закона: происшедшее с ребенком в первые годы его жизни неизбежно отражается на ситуации в обществе; психические расстройства, наркомания, рост преступности — это проявление скрытого в глубинах подсознания опыта первых детских лет. Многие оспаривают данный вывод или воспринимают его исключительно на уровне интеллекта. Поскольку эмоциональная сфера недоступна разуму, политические деятели, юристы и психиатры по-прежнему исходят из преимущественно средневековых представлений о том, что зло укоренено в человеческой душе. На самом же деле они лишь приписывают зло внешним объектам, пользуясь механизмом проекции. Может ли прочтение книги дать человеку возможность проникнуть в глубины эмоциональной сферы? Точного ответа я не знаю, но, на мой взгляд, надежда подвигнуть читателя на внутреннюю работу над собой вполне обоснованна. Поэтому в любом случае стоит попробовать.

После выхода в свет книги «Драма одаренного ребенка» я получила множество писем. Ответить на каждое из них просто невозможно и из-за недостатка времени, и по другим причинам. Однако я приняла близко к сердцу изложенные в них проблемы и поэтому предлагаю вашему вниманию следующую книгу. Ко всему прочему, я поняла, что должна более подробно объяснить читателям мои мысли и рассказать о накопленном мной опыте, ибо имеющейся специальной литературы до сих пор явно недостаточно. Поставленные вопросы позволили мне выявить два комплекса проблем: во-первых, мое собственное понимание такого понятия как психическая реальность раннего детства, отличающееся от традиционной психоаналитической трактовки, ставящей во главу угла удовлетворение естественных потребностей, во-вторых — необходимость более четко обозначить разницу между чувством вины и ощущением печали. С этим напрямую связан острый и наиболее часто повторяемый вопрос обеспокоенных родителей: что мы можем сделать для нашего ребенка, если мы поняли, насколько мы зависим от синдрома навязчивого повторения, в результате чего постоянно «возвращаемся в детство»?

Поскольку я не верю в эффективность рецептов и предложений, по крайней мере, если они касаются бессознательного поведения, то вижу свою задачу отнюдь не *в призыве к родителям* изменить своё отношение к детям, а в выявлении причинно-следственной связи и апелляции к *маленькому незащитному существу, по-прежнему живущему в подсознании многих взрослых*, с целью передать ему в образной и эмоциональной форме необходимые сведения. До тех пор, пока этот «взрослый ребенок» не в состоянии понять, что с ним произошло, часть его внутреннего мира остается как бы покрытой льдом. Он по-прежнему не воспринимает чувственно те унижения, которым его когда-то подвергли в детстве.

Он не может проявлять чуткость и *понимать окружающих*. Бесполезно говорить с ним о любви, солидарности и милосердии, бессмысленно взывать к его добрым чувствам. Он словно отгорожен от такого рода призывов прочной непробиваемой стеной.

Поэтому особенно тягостное впечатление производят профессиональные психологи, пытающиеся без эмпатии, а значит, без всякой пользы применить свои профессиональные знания. Вне зависимости от того, сколько времени они уделяют пациентам, они не смогут рассчитывать на успех. Нельзя не сказать и о беспомощности родителей, которые, не смотря на образование и обилие свободного времени, так же эмоционально невосприимчивы к детским проблемам, ибо они сами эмоционально дистанцировались от тех страданий, которые им пришлось испытать в детстве. Напротив, даже чрезмерно занятая на работе мать может при определенных условиях в течение нескольких секунд понять и правильно оценить ситуацию, в которой оказался ее ребенок, если она готова к эмпатии и в душе чувствует себя свободной.

Таким образом, моя задача заключается в том, чтобы привлечь внимание читателей к страданиям, переносимым ребенком в раннем детстве. Я стремлюсь помочь взрослым извлечь из подсознания смутные воспоминания о своем детстве. Для этого в первой части я описываю систему «черной педагогики», т. е. методы воспитания, отработанные на наших родителях, дедушках и бабушках. У некоторых читателей первая глава, возможно, даже вызовет ярость и, значит, окажет на них целительное воздействие. Далее, во второй части, речь пойдет о детстве троих, казалось бы, очень разных людей — наркоманки, главы государства и детоубийцы. Но все они претерпели в детстве тяжкие унижения и стали жертвами насилия. Двое из них сами описывают свою судьбу. Я стремилась помочь читателям с пониманием отнестись к этим потрясающим по силе воздействия свидетельствам. Все три судьбы есть убедительное подтверждение моего тезиса о губительной роли воспитания, уничтожении им живого начала в душе человека и его опасности для общества. В теории психоанализа, особенно в тех психоаналитических школах, которые во главу угла ставят удовлетворение человеком естественных потребностей, можно обнаружить взгляды, близкие к позиции педагогов. Сперва я намеревалась посвятить этой проблеме одну из глав, но затем поняла, что важность и объем темы требуют отдельной публикации. В ней я гораздо более четко отграничу свои выводы от отдельных психоаналитических концепций.

Эта книга написана на основе внутреннего диалога с читателями «Драмы одаренного ребенка» и потому является ее продолжением. Но в то же время это совершенно самостоятельное произведение. Если же описанные в ней ситуации вызовут не скорбь, а чувство вины, то имело бы смысл заглянуть в мою предыдущую книгу. В любом случае следует помнить, что, говоря о родителях и детях, я не имела в виду конкретных людей. Для меня главное — *статус ребенка и родителей вообще, и обычные ситуации, касающиеся нас всех*, поскольку все родители были когда-то детьми, а большинство нынешних детей когда-нибудь станут родителями.

Когда Галилео Галилей в 1613 г. представил математические доказательства правильности гелиоцентрической системы Коперника, церковь сочла их «неверными и абсурдными». Галилея заставили отречься от своей теории. В конце концов, от переживаний он даже ослеп. Лишь через 340 лет церковь решилась признать свои заблуждения и разрешила опубликовать сочинения Галилея, соответственно исключив их из «Индекса запрещенных книг».

Сейчас наша ситуация схожа с положением Галилея, но рискуем мы гораздо большим. От выбора в пользу истины или обмана зависит будущее всего человечества. В XVII в. так вопрос еще не стоял. Несколько лет назад окончательно стало ясно, что страшные последствия детских душевных травм неизбежно отражаются на общественном сознании. Однако общественность не хочет принять столь глобальный вывод.

Знание об этом, однако, касается каждого индивидуума и — в случае достаточно широкого распространения этого знания — повлечет коренные перемены в нашем обществе, которые выразятся, прежде всего, в трезвом взгляде на истинные причины насилия. Для лучшего понимания моей точки зрения я излагаю ее по пунктам:

1. Каждый ребенок рождается, чтобы развиваться, жить, пытаться реализовать себя, чтобы любить и выражать свои чувства и потребности, стремясь защитить себя и свой внутренний мир.
2. Взрослые обязаны относиться к ребенку с уважением, воспринимать его всерьез, оберегать его внутренний мир и, отбросив любые лицемерные отговорки, помогать ему ориентироваться в этой жизни. Иначе он не сможет развиваться.
3. Подавление жизненно важных потребностей ребенка в интересах взрослых, манипулирование или откровенное пренебрежение ими вкупе с побоями, наказаниями и обманом приводят к серьезным повреждениям душевной сферы ребенка. Иногда, правда, положение исправляет своевременное вмешательство посторонних лиц.
4. Гнев и боль — нормальная реакция на душевную травму. Но поскольку причинившие эту травму наложили запрет на любое открытое выражение недовольства, а переносить душевную боль в одиночестве просто невыносимо, ребенок вынужден подавлять эти чувства, вытеснять их в подсознание и идеализировать своих мучителей. Со временем он забывает о происшедшем.
5. Гнев, тоска, ощущение бессилия, отчаяние, страх и боль, причины которых человеком не поняты, находят выражение в разрушительных действиях по отношению к другим людям (преступность, геноцид) или самому себе (потребление наркотиков, алкоголизм, проституция, различные проявления психических заболеваний, суицид).
6. Жертвами очень часто становятся собственные дети, которым отводится роль козлов отпущения. Совершать над ними насилие в скрытой форме в нашем обществе пока еще можно на вполне законных основаниях, особенно когда его высокопарно именуют воспитательным процессом. Еще раз повторяю: нынешних родителей побуждает бить своих детей подспудное нежелание дать волю чувствам и открыто излить гнев на собственных родителей, которые когда-то так же измывались над ними. В этом и заключается трагедия.
7. Чтобы подвергшийся психическому насилию ребенок не стал преступником или душевнобольным, нужно, чтобы ему хоть раз в жизни встретился человек, твердо знающий: безумен не избиваемый ребенок, безумны его близкие родственники. Общество, в котором отсутствует понимание этого, вольно или невольно способствует медленной гибели многих своих членов. Наоборот, публично сказанная горькая правда может спасти им жизнь. И здесь очень мно-

- гое зависит от родственников, адвокатов, судей, врачей и тех, кто в силу своего профессионального долга должен заботиться о ребенке. От них требуется открыто встать на сторону детей и поверить им.
8. До сих пор общество защищает взрослых и обвиняет их жертвы. Оно как бы поражено слепотой. Одна из причин этой слепоты — теории, согласно которым в полном соответствии с архаичными педагогическими принципами и методами воспитания наших предков, ребенок рассматривается как лукавое, одержимое злом существо, склонное ко лжи, агрессивное по отношению к ни в чем не повинным родителям или даже испытывающее по отношению к ним сексуальные чувства. В действительности дети склонны винить во всем себя, снимая с родителей ответственность за жестокое обращение с ними.
 9. Лишь несколько лет тому назад благодаря применению новейших методов психотерапии удалось доказать, что перемещенные в подсознание воспоминания о полученных в детстве душевных травмах накапливаются и негативно влияют на дальнейшую жизнь человека. С помощью специальных приборов было установлено, что младенец уже в утробе матери реагирует и на ласку, и на жестокость. Взрослые, в большинстве своем, пока еще не знают об этом неоспоримом факте.
 10. Данный вывод позволяет обнаружить скрытую логику в, казалось бы, совершенно абсурдном поведении многих людей.
 11. Осознание таких ранее скрываемых ощущений, как гнев и боль, порожденных жестоким обращением в детстве, естественным путем положит конец насилию, от которого страдают все новые и новые поколения.
 12. Люди с ненарушенной в детстве целостностью душевной сферы, которые в детстве чувствовали, что родители относятся к ним с уважением, не лицемерят и готовы защитить их, в юности и в последующие годы становятся эмоционально восприимчивыми и способными к состраданию. Они будут радоваться жизни и не будут испытывать потребность калечить, а уж тем более убивать себя и других людей. Сила понадобится им для самообороны, а не для агрессии. Они с уважением станут относиться к слабым, а значит, и к своим детям. Они просто не смогут по-другому, ибо в их душах не останется места жестокости. Они никогда не поймут своих предков, создавших мощную военную промышленность исключительно для того, чтобы уверенно чувствовать себя в этом мире. Отсутствие необходимости подсознательно отгородить себя от знакомой с детства опасности позволит им гораздо более рационально и творчески воспринимать реальность.

СВЯЩЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ

Но особое тайное наслаждение мы испытываем, когда видим, как окружающие не сознают, что в действительности происходит с ними.

*Адольф Гитлер,
цит. по книге Раушинга, с. 181*

Людам, воспитанным в системе ценностей «черной педагогики» и не знакомым с психоанализом, моя откровенно антипедагогическая позиция, вероятно, внушит страх, причем это чувство будет вполне осознанным. Умом же они ее точно не примут. Они обвинят меня в индифферентном отношении к священным ценностям или, по меньшей мере, в граничащей с наивностью идеализации детей. Дескать, я смотрю на них сквозь розовые очки, не понимая, какими они могут быть несносными. Подобные обвинения меня несколько не удивят, т. к. я слишком хорошо знаю их подоплеку. Тем не менее, я хотела бы высказаться по поводу моего «индифферентного» подхода к пресловутым ценностям. Настоящий педагог, безусловно, считает, что лгать — это плохо, что нельзя причинять другому человеку боль и незаслуженно обижать его, что нельзя на жестокость родителей отвечать жестокостью. С другой стороны, ребенок, готовый всегда говорить правду, благодарный родителям за их добрые намерения даже в случае самого жестокого с ним обращения, безоговорочно принимающий их представления об окружающем мире, критически относящийся к своим представлениям, и, главное, беспрекословно выполняющий все требования взрослых, считается чуть ли не эталоном поведения. Но для того, чтобы привить ребенку эти коренящиеся как в иудаистско-христианской, так и в других традициях ценности, взрослые иногда вынуждены лгать, искажать факты, прибегать к насилию, унижать ребенка. Однако они не видят в этом ничего плохого, поскольку сами были воспитаны в соответствующем духе и теперь понимают, что *для достижения* священной цели, т. е. для внушения ребенку отвращения ко лжи, жестокости, злобе и эгоизму, такие средства вполне подходят.

Из всего вышесказанного следует, что в системе воспитания изначально традиционные моральные ценности всегда трактовались как нечто относительное. Определяющими факторами здесь являлись субординация и властные полномочия. По ним судили о поступках человека, о том, что хорошо, а что плохо. Этим же принципом руководствуются и в жизни: сильный всегда может навязать свое мнение окружающим, а победителю в войне рано или поздно прощают самые тяжкие преступления.

Но и анализ психической реальности приводит нас к выводу об относительности моральных принципов. Начнем с того, что человек, не

требующий от ребенка соблюдения «абсолютных» норм морали, не может не понимать, что если всегда говорить правду, то при этом обязательно кого-нибудь обидишь, что иногда приходится выражать благодарность, совершенно не ощущая ее, а значит — лгать, делать вид, будто не замечаешь, как жестоко обращаются с тобой родители, и одновременно уважать себя как автономную личность. Стоит только оставить в стороне абстрактную систему ценностей религиозной или философской этики и обратиться к психической реальности, как неизбежно возникают сомнения в абсолютном характере моральных ценностей. Людям, сохранившим в подсознании негативные воспоминания о своем детстве, подобное конкретное мышление совершенно чуждо. У них мое сомнение в абсолютном характере ценностей, на которых зиждется педагогика, из которого легко вывести сомнение в ценности воспитания вообще, почти наверняка вызовет шок или, по крайней мере, неприятие. В свое оправдание могу лишь сказать, что для меня также существуют вечные ценности, среди которых на первом месте — уважение к слабому, а, значит, и к ребенку, и просто уважение к жизни и к ее законам. Без этого уважения было бы невозможно никакое творчество. Добавлю, что, по моему мнению, человечество сможет выжить лишь в том случае, если будет руководствоваться именно этими ценностями. Для фашизма во всех его вариантах характерно, наоборот, пренебрежение жизненными законами, эта идеология убивает или калечит душу. Изучая биографии руководителей «Третьего рейха», я убедилась, что среди них нет ни одного, не прошедшего в детстве суровую школу воспитания. Разве уже одно это обстоятельство не должно заставить нас задуматься?

Люди, которым разрешалось с самого раннего детства адекватно, т. е. вспышками гнева реагировать на сознательно или неосознанно нанесенные им оскорбления, на отказы или обиды, точно также будут вести себя и в зрелом возрасте. Почувствовав гнев, они смогут выразить его в вербальной форме. Вряд ли у них возникнет потребность немедленно схватить обидчика за горло. Такую потребность испытывают только те люди, которые постоянно вынуждены сдерживать себя, боясь «психануть», «сорваться». Но как только они «срываются», их уже ничто не остановит. Большинство из тех, кто боится не совладать с собой, по вполне понятной причине опасается любых естественных реакций, а меньшинство срывает свой гнев на посторонних людях или совершает бессмысленные акты насилия и террора. Человек, воспринимающий гнев как частицу себя самого, никогда не будет применять в отношении других грубую силу. Но, если ему в детстве было запрещено выражать свой гнев, то это чувство вообще ему не знакомо, и со временем у него появится потребность в насилии, ибо он *не в состоянии обьяснить себе причину возникновения гнева.*

Понимая эту зависимость, уже не удивляешься статистическим данным, свидетельствующим, что 60 процентов лиц, совершивших в по-

следние годы в Германии акты террора, выросли в семьях священников. Трагизм данной ситуации заключается в том, что родители, несомненно, желали детям только добра. Они с самого начала хотели, чтобы их дети были добрыми, участливыми, непритязательными, послушными, любезными, благодарными, умели ставить чужие интересы выше собственных, чтобы они были начисто лишены упрямства, своенравия, эгоизма, а главное, отличались благочестием. Они стремились привить им эти свойства *любыми средствами*, включая применение силы, вымещая таким образом на детях свою неосознанную обиду на своих воспитателей. И если дети из этих семей, став подростками, сами позволяли себе применять грубую силу, то причину этого следует искать в вытесненных в бессознательное переживаниях боли и унижения.

Разве террористы, захватывая в заложники ни в чем не повинных женщин и детей ради достижения некоей великой цели, не делают то, что когда-то проделывали с ними? Ради воспитания ребенка в духе возвышенных религиозных идеалов взрослые приносили в жертву его душу и убивали в нем живое начало, полагая, что совершают доброе дело. Молодые люди, привыкшие в детстве подавлять свои чувства, не испытывают внутреннего протеста, когда им навязываются некие новые идеалы, к слову сказать, часто прямо противоположные тем «высшим» ценностям, которые им прививали раньше. Так, зачастую весьма неглупые и разные по характеру люди без всякого внутреннего протеста становятся рабами тоталитарной идеологии. А почему нет? Ведь когда-то взрослые уже навязывали им свою мораль...

Такова жестокая, трагическая закономерность, нашедшая выражение в пресловутом синдроме навязчивого повторения. Но не следует забывать и о его позитивной функции. Было бы гораздо хуже, если бы воспитательный процесс успешно завершился, окончательно убив душу ребенка, а общественность так ничего об этом и не узнала. Когда террорист во имя своих идеалов убивает беззащитных людей, то мы имеем дело как раз с *синдромом навязчивого повторения, навязчивого возвращения в детство*. Совершая свои преступления, он, *сам того не осознавая*, рассказывает обществу — и руководителю своей подпольной организации, и полиции, которая стремится поймать его — о том, *как в детстве его сознанием манипулировали взрослые во имя «святых ценностей воспитания»*. Рассказанная таким образом история — это сигнал бедствия, который может быть правильно воспринят обществом, а может остаться совершенно незамеченным. Но, как любой сигнал бедствия, он — признак жизни, которую еще можно спасти.

Но что произойдет, если от этой жизни не останется и следа? Наиболее характерный пример — биография Адольфа Эйхмана или Рудольфа Гесса. Их воспитывали в строгости, их приучали к послушанию и в результате превратили в людей, без тени сомнения выполнявших любые приказы. Они исполняли их не потому, что были убеждены в их правильности, а просто потому, что это были приказы. Их души не были

доступны каким бы то ни было увещаниям, они походили на здания с наглухо зацементированными окнами. Дынный феномен, в сущности, объясняется довольно просто: их родители последовательно применяли на практике принципы «черной педагогики».

Эйхман во время судебного процесса совершенно спокойно выслушивал показания свидетелей, но зато от густо покраснел, когда ему напомнили, что он забыл встать при появлении в зале судей. Привычка Гесса к беспрекословному послушанию также выдержала испытание временем. Разумеется, отец вовсе не хотел, чтобы его сын стал комендантом Освенцима, напротив, он полагал, что его сыну уготована карьера миссионера и воспитывал маленького Рудольфа в строгом соответствии с догматами католической веры. Но он еще в раннем детстве он приучил сына к мысли, что начальство всегда право и что нужно выполнять любые его требования.

«С годами мой отец становился все более религиозным. У нас дома часто бывали разные представители духовенства. Свободное время отец использовал для того, чтобы ездить со мной по местам паломничества как на родине, так и в Швейцарии и во Франции. Поэтому мне довелось побывать в Айнзидельне и в Лурде. Он истово молил небеса ниспослать мне благословение и сделать так, чтобы я оказался достойным сана священника. Сам я был глубоко верующим, насколько такое возможно в детские годы, регулярно молился, служил в церкви и очень серьезно относился к своим обязанностям. Родители воспитали меня в духе глубокого уважения к старшим, особенно к людям пожилого возраста вне зависимости от их происхождения. Они убеждали меня в необходимости выполнять любые пожелания или распоряжения взрослых: родителей, учителей, лиц духовного звания, даже прислуги. *Ни при каких условиях я не мог отказаться выполнять их указания. Я должен был запомнить, что они всегда правы.* Эти принципы воспитания вошли в мою плоть и кровь» (R. Hoss, 1979, S. 25).

И если начальство потребовало от Гесса наладить в Освенциме бесперебойное функционирование «машины смерти», разве мог он отказаться выполнить приказ? А когда после ареста Гессу предложили подробно изложить на бумаге историю своей жизни, он не только сделал это правдиво и честно, но и поблагодарил за возможность «скрасить интересным занятием пребывание в тюрьме». Благодаря его воспоминаниям мир узнал о предыстории преступления, совершенно непостижимого для человеческого сознания.

Вначале Гесс рассказывает, что в детстве родители постоянно заставляли его мыться, видимо, пытаясь тем самым избавить ребенка от грязи и нечистоплотности. Тоскуя по ласке и не встречая понимания со стороны родителей, маленький Рудольф отдыхал душой, играя с домашними животными. В его глазах они занимали гораздо более привилегированное положение по сравнению с детьми. Ведь животных родители ни разу не били...

Столь же трепетно относился к «братьям нашим меньшим» Генрих Гиммлер. Он, в частности, говорил: «Как вы можете стрелять из засады по этим невинным и беззащитным созданиям, пасущимся на опушке леса, господин Керстен! Ведь это, уж если быть до конца честным, чистойшей воды убийство... Природа так прекрасна, и любое животное имеет право на жизнь...» (цит. по: J. Fest, 1963, S. 169).

А вот еще одно высказывание Гиммлера: «Эсэсовец должен руководствоваться следующим высшим принципом: честными и порядочными мы должны быть только в отношении тех, в чьих жилах течет наша кровь. Только по отношению к ним действуют принципы верности и товарищества. Но меня совершенно не интересует, как обстоят дела у русских или у чехов. Если потребуется, мы силой заберем у них детей и воспитаем их в надлежащем духе, обеспечив нам тем самым приток свежей крови. Живут ли другие народы счастливо или погибают с голоду — я смотрю на их положение со следующей точки зрения: можем ли мы использовать их как рабов на благо нашей культуры или нет. Погибнет ли 10 тыс. русских женщин от истощения при рытье противотанкового рва или нет, меня интересует только с одной точки зрения: будет ли этот ров готов и пригодится ли он для защиты Германии. Мы никогда не будем без необходимости грубыми или жестокими, тут, очевидно, объяснений не потребуется. Мы, немцы, единственные в мире гуманно относимся к животным и вполне можем позволить себе такое же отношение к животным в человеческом облике, но мы не будем заботиться о них, а уж тем более внушать им какие-либо идеалы, это было бы преступлением по отношению к нашим единокровцам» (цит. по: J. Fest, 1963, S. 161).

Подобно Гессу, Гиммлер был также воплощением идеалов своего отца — *профессионального педагога*. И его сын, став одним из первых лиц в «Третьем рейхе», мечтал о том, чтобы воспитывать не только отдельных людей, но и целые народы. Во что пишет Фест в своей книге «Облик Третьего Рейха» («Das Gesicht des dritten reiches», 1963), откуда мы заимствовали приведенные выше цитаты: «Врач Феликс Керстен, с 1939 года регулярно лечивший Гиммлера и пользовавшийся его полным доверием, утверждает, что Гиммлер предпочел бы *не истреблять, а воспитывать чужие народы*. Оказывается, он мечтал „создать после войны особые, прошедшие соответствующую *выучку формирования и наделить их исключительно воспитательными функциями*“» (S. 163).

Но, в отличие от Рудольфа Гесса, превращенного воспитателем в бездумного исполнителя приказов, Гиммлер, видимо, зачерствел не окончательно. Во всяком случае, Фест достаточно убедительно объясняет совершение Гиммлером самых гнусных преступлений стремлением постоянно демонстрировать себе и окружающему миру свою душевную стойкость. Он считает: « В условиях тоталитарной системы с ее возведенными в абсолют „*нравственными*“ принципами, жестокость по отношению к слабым и беззащитным жертвам обусловлена *жестокос-*

тью по отношению к самому себе. „Не щадить ни себя, ни других и не бояться ни своей, ни чужой смерти“ — гласил один из наиболее любимых Гиммлером лозунгов СС. *Убивать других — это было нелегко, но это „закаляло“, как считал Гиммлер.* По той же причине он особенно гордился тем, что массовые убийства „не отразились на душевном состоянии членов нашего ордена“ и все они по-прежнему „оставались честными и благопорядочными людьми“» (S. 167).

Разве эти цитаты не иллюстрируют принципы «черной педагогики», о которых шла речь выше? Я привела только три примера, но ведь бесчисленное множество людей, прошедших в детстве так называемую «суровую школу», избрали аналогичную карьеру. Тотальное подчинение воле воспитателей повлекло за собой готовность взрослого человека полностью подчиниться чужой политической воле. Но плоды такого воспитания дают о себе знать уже в подростковом возрасте. Отсутствии четких и недвусмысленных указаний порождает у подростков душевную пустоту, и потому, едва покинув отчий дом, они тут же принимаются искать новых «пастырей и наставников». Военная служба, где офицер предписывает солдату, что ему нужно делать, кажется таким подросткам лучшим выходом из затруднительного положения. Стоит ли удивляться тому, что многие с ликованием встретили появление на политической сцене Адольфа Гитлера и способствовали его приходу к власти. Ведь он в каком-то смысле *заменял им строгого, но заботливого отца.* В книге Феста (*Das Gesicht des Dritten Reiches*, 1963) можно найти свидетельства раболепного, *по-детски восторженного и наивно-го отношения к Гитлеру* со стороны его будущих, печально знаменитых соратников. В чем-то эти облеченные огромной властью люди, которым Гитлер представлялся всеведущим, непогрешимым, воистину человеком-богом, так и остались детьми. Я позволю себе процитировать несколько высказываний, иначе современное молодое поколение не поймет, как мало внутренней стойкости было у людей, вознамерившихся изменить ход германской и мировой истории.

Так, Герман Геринг придерживался следующей точки зрения:

«Если католик убежден в абсолютной непогрешимости папы во всех вопросах религии и нравственности, то и мы, национал-социалисты, твердо считаем, что *фюрер никогда не ошибается* при отстаивании национальных интересов нашего народа... Германии необычайно повезло, ибо Гитлер удачно сочетает в себе способность к логическому мышлению, глубинные познания в философии, железную волю и неукротимую энергию» (S. 108).

А вот еще одно высказывание Геринга:

«У каждого из нас ровно настолько власти, сколько желает фюрер, это подтвердит каждый, кто хоть немного знает структуру власти в нашем государстве. Только рядом с фюрером чувствуешь себя по-настоящему сильным, способным использовать предоставленные тебе государством полномочия. Однако все склоняется перед его волей, и одно-

го его слова достаточно, чтобы *низвергнуть в пропасть* любого из нас, какой бы высокий пост он ни занимал. Мы не просто безоговорочно признаем его авторитет, но преклоняемся перед ним...» (S. 109).

Перед нами *типичный пример* восторженного отношения маленького ребенка к строгому отцу, практикующему авторитарный стиль воспитания. Геринг откровенно признавался:

«Я просто оболочка, это Гитлер живет во мне...»

Всякий раз, когда я оказываюсь с ним наедине, у меня душа уходит в пятки...

От волнения меня попросту вырвало, и до полуночи кусок в горло не лез. Вернувшись около девяти часов в Каринхалл¹, я был вынужден несколько часов просидеть в кресле, чтобы хоть немного успокоиться...» (S. 108).

Заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс (он носил те же имя и фамилию, что и комендант Освенцима) в своем выступлении 30 июня 1934 г. был совершенно искренен и не испытывал ни малейшего смущения, заявляя:

«Единственный, кто вне всякой критики, это фюрер. А все потому, что каждый чувствует и знает: *он всегда был и будет прав*. На нашей беззаветной преданности фюреру, на нашем понимании, что в случае сомнений не следует спрашивать: „Почему?“, на нашей готовности выполнить любой его приказ зиждется национал-социализм. Мы верим, что фюрер призван высшими силами изменить судьбу немецкого народа, и никакие сомнения здесь недопустимы» (S. 260).

Сегодня, по прошествии 46 лет, мы вряд ли сможем даже представить себе такую степень нескритичности у государственного деятеля. В этой связи Й. Фест отмечает: «В своем абсолютно нескритическом восприятии личности „верховного вождя“ и преклонении перед его авторитетом Гесс весьма схож со многими высокопоставленными деятелями нацистского государства, которые подобно ему воспитывались в так называемых *добропорядочных семьях, где с ними обращались довольно сурово*. Есть все основания утверждать, что популярности Гитлера в немалой степени способствовали свойственные эпохе ущербные методы воспитания, идеальным местом для которого считались плац и кадетский корпус. Наиболее типичный „старый боец“² — это человек, причудливым образом совмещающий в себе *агрессивность, низкопоклонничество* и внутреннюю несвободу. Этот человек, как *верный пес*, ждет от хозяина команды, чтобы немедленно выполнить ее. В основе его образа мышления и поведения — опыт первых детских лет. Даже если в подсознании Рудольфа Гесса — бывшего заместителя Гитлера по партии — сохранилось чувство протеста против действий безжалостного отца, вопреки желанию сына и вмешательству учителей заставив-

¹ Охотничий замок Геринга примерно в 60 км от Берлина, названный так в честь его первой жены. — *Прим. пер.*

² Почетное звание членов НСДРП, вступивших в нее до 1933 г. — *Прим. пер.*

шего его вместо дальнейшей учебы готовиться унаследовать торговое заведение в Александрии, он все равно искал того, кто был способен заменить ему строгого родителя. Отсюда его слепая вера в фюрера» (S. 260).

Иностранцы, ставшие свидетелями многочисленных выступлений Адольфа Гитлера и видевшие, с каким восторгом немецкая публика приветствовала его появление на экранах, были в полном недоумении. Полной неожиданностью для них стали и результаты выборов в 1933 г. Они не понимали, чем мог так очаровать немцев тщедушный человек, держащий себя нарочито самоуверенно. К тому же многие его аргументы не выдерживали никакой критики. Одним словом, они не воспринимали его как сурового и заботливого отца. С немцами дело обстояло гораздо сложнее.

Отрицательные качества характера своего отца ребенок не может осознать, но в подсознании они, безусловно, откладываются. И часто случается так, что при поиске лица-заместителя, могущего взять на себя функции отца, человек *подсознательно ищет именно эти отрицательные свойства*. Постороннему это очень трудно понять.

Мы часто спрашиваем себя, как та или иная женщина уживается с таким мужем или тот или иной мужчина с такой женой. Вполне возможно, что совместная жизнь доставляет женщине страшные муки, и она даже теряет радость жизни. Но у нее совершенно искаженные представления о жизни, она искренне считает, что если муж покинет ее, то она этого не переживет. В действительности именно расставание с ним дало бы ей возможность начать жизнь сначала. Но она не осознает этого до тех пор, пока не поймет, что страх быть покинутой порожден отнюдь не ее теперешней ситуацией, что он неизменно присутствует в ее жизни с ранних месяцев или лет, когда она еще полностью зависела от матери или отца. Вытесненные в подсознание переживания определяют ее отношения с мужем.

Приведу конкретный пример. Моя знакомая очень боялась потерять мужа. Отец ее, по профессии музыкант, в детстве старался, как ему казалось, заменить дочери покойную мать. Однако ему часто приходилось уезжать на гастроли, и внезапные расставания вызывали у дочери панический страх. Проанализировав вместе со мной свое тогдашнее состояние, эта женщина смогла трезво оценить характер отца и увидеть многие его недостатки, ранее скрытые под покровом слепой дочерней любви. Отец предстал перед ней в снах совсем другим: жестоким и бесчеловечным. Готовность принять эту горькую истину не только умом, но и сердцем положила начало избавлению моей знакомой от иллюзий и комплексов и постепенному становлению ее как личности.

Я привела данный пример для того, чтобы напомнить о психологических факторах, возможно, определивших результат выборов в рейстаг в 1933 г. Ошеломительный успех Гитлера объясняется не столько его громкими обещаниями (кто только не раздаст обещания накануне

выборов!), сколько его манерой обращаться к избирателям. Он вел себя излишне театрально, и его бурная, порой вызывающая у иностранцев смех, но так хорошо знакомая массам жестикация оказывала на них магическое воздействие. Именно так обычно реагирует ребенок на обращение к нему нежно любимого, достойного всяческого восхищения, смелого и сильного отца. Содержание его слов не имеет никакого значения. Главное не что, а *как* он говорит. Чем больше он хвалится, тем больше им восхищаются. (В первую очередь это относится к людям, воспитанным в соответствии с принципами «черной педагогики».) Порой строгий, кажущийся недоступным отец внезапно снисходит до разговора с ребенком. Столь «великое» событие, несомненно, стоит отказа от собственного Я. Ребенку не дано проникнуть в душу отца и увидеть, что этот вроде бы сильный человек на самом деле деспотичен, неискренен и, в сущности, совершенно не уверен в себе. Привыкший с детства подчиняться человек, переживания которого загнаны глубоко в подсознание, не способен извлекать для себя уроки и потому становится легкой добычей политических авантюристов.

Нимб, сотканный вокруг отца из таких приписываемых ему качеств, как мудрость, доброта, смелость, не позволяет ребенку увидеть его в истинном свете, тем более что отец всегда представляется ребенку сильным, могущественным, влиятельным — единственным и неповторимым. Он подобен Адольфу Гитлеру, который крикнул немцам, как своим детям: «Какое счастье, что у вас есть я!»

Если отец подавляет в своих детях способность к критическому анализу, то его отрицательные черты, не осознанные ребенком, остаются, как я уже говорила, в подсознании. Это в значительной мере объясняет тот мистический страх, который нагонял Гитлер на свое окружение. Вот что пишет в своей книге, изданной в 1973 г., Герман Раушинг¹:

«Когда Герхарта Гауптмана представили фюреру, тот пожал ему руку и заглянул в глаза. Как правило, от его взгляда у людей мороз пробежал по коже, а один известный пожилой юрист даже признался мне, что, встретившись глазами с Гитлером, мечтал только об одном: как можно скорее оказаться дома и, уединившись, попытаться избавиться от ощущения полного бессилия. Но вернемся к эпизоду с Гауптманом. Гитлер еще раз пожал ему руку, и все присутствовавшие при их встрече подумали, что сейчас он произнесет слова, которые, наверняка, войдут в историю. Но фюрер в третий раз пожал руку знаменитому драматургу и молча перевел взгляд на стоящего рядом... Гауптман говорил потом своим друзьям, что эта встреча с Гитлером стала главным событием в его жизни...

Многие признавались мне, что Гитлер внушает им страх, что им кажется, будто он вот-вот схватит их за горло, швырнет им в лицо чернильницу или совершит еще какой-нибудь бессмысленный поступок.

¹ Один из приближенных Гитлера, президент сената Данцига, еще до начала Второй мировой войны разочаровавшийся в нацизме и эмигрировавший в Швейцарию.

Это ожидание вызывало у них сильный всплеск эмоций. Да и после встречи они неизменно рассказывали о ней, как о „великом событии“; но мне всегда казалось, что они себя обманывают, что *выдают желаемое за действительное*. Ибо когда я начинал подробно расспрашивать их, они вдруг признавались, что в фюрере, если внимательно приглядеться, нет ничего особенного. Оказывается, он не сказал ничего толкового. И вид у него довольно непрезентабельный. Вот только ореол действует завораживающе» (Rausching, S. 274–275).

Приходится констатировать, что если некто обращается к взрослому человеку властным тоном и ведет себя так, словно он его отец, этот человек часто тут же забывает о своих гражданских правах, легко позволяет манипулировать собой, восторженно приветствует нового «отца», безгранично доверяет ему и, наконец, оказывается полностью в его власти, не замечая, что постепенно попадает в положение раба, т. к. к *такому отношению к себе он привык с детства*. Если взрослый человек зависит от кого-либо, словно ребенок от родителей, он уже не может быть свободным. Как ребенок не может никуда убежать, так и взрослый не в состоянии избавиться от диктата тоталитарного государства. Отдушину он находит в воспитании своих детей. Полностью зависимые от власти граждане «Третьего рейха» компенсировали отсутствие свободы тем, что давали почувствовать собственным сыновьям и дочерям их полную незащищенность. Эти люди никак не могли воспитать своих детей свободными людьми.

Теперь взрослым открылись новые перспективы. Многие из них распознали сущность традиционной педагогической концепции и поняли, какие опасности она в себе таит. Они энергично и самоотверженно ищут новые жизненные пути для себя и своих детей. Некоторые из них, главным образом писатели, обрели себя, испытав свойственное детям ощущение *причастности к истине*, которое напрочь отсутствовало у их отцов и дедов. В этой связи очень интересны размышления Бригитты Швайгер: «Я слышу, что отец зовет меня. Опять ему что-то нужно. Он далеко, в другой комнате. И поэтому он вспоминает обо мне. Если же ему от меня ничего не нужно, он забывает о моем существовании. Проходит мимо и даже не замечает меня...

Если бы ты, отец, носил дома капитанский мундир военных лет, то многое, наверное, было бы понятнее...

Оказывается, настоящий отец — это человек, которого нельзя обнимать и который готов в пятый раз спрашивать одно и то же, лишь бы убедиться в готовности дочери покорно отвечать ему. Настоящий отец также имеет право резко прервать тебя на полуслове» (Schwaiger, 1980, S. 24, 27).

Как только у детей появляется возможность разобраться в хитросплетениях системы воспитания и понять ее истинную подоплеку, зарождается надежда на освобождение новых поколений из тисков «чер-

ной педагогики», поскольку эти дети *запомнят то, что прочувствовали*.

Отсутствие запрета на проявление чувств приоткрывает завесу молчания и устраняет все препятствия на пути постижения истины. Когда человек открывает в себе способность ощутить боль и горечь прежних лет, он поймет, где правда и ему уже не помешают бесплодные дискуссии о том, что «истина — понятие относительное». С помощью этих дискуссий апологеты «черной педагогики» пытаются оградить себя от критики. Сошлюсь хотя бы на книгу Кристофа Мекеля (Suchbild, Christoph Meckel, 1980). Вот как он описывает своего отца:

«Почти в каждом взрослом человеке таится ребенок, который хочет играть.

Почти каждый взрослый человек в душе хочет карать и миловать.

В моем отце таился ребенок, который хотел бы создать для меня земной рай. Но одновременно отец остался чем-то вроде офицера, жестокими мерами наводящего порядок в своей части.

Бесполезная слепая любовь отца. Вслед за расточителем, щедро раздававшим пряники, неизбежно следовал офицер с кнутом. У него было нечто вроде системы наказаний, можно сказать целый регистр. Вначале он приходил в ярость и начинал дико ругаться (это было еще вполне терпимо и проходило быстро, словно удар грома). Затем начиналось следующее: отец трепал и щипал детей за уши, раздавал пощечины и подзатыльники. Далее следовало изгнание из комнаты и запираение в подвал. И вот еще что: ребенок как личность его совершенно не интересовал, надменным молчанием он постоянно унижал его и заставлял испытывать стыд. В наказание он часто заставлял детей выполнять различные поручения, приговаривал их к постельному режиму или отправлял таскать уголь. В довершение всего, отец мог прибегнуть к телесному наказанию, чтобы провинившийся, да и другие дети надолго извлекли уроки из случившегося. Отец оставлял за собой право вершить правосудие над собственным ребенком и беспощадно вбивал в него свои представления о дисциплине, послушании и гуманизме, дабы они навсегда врезались в его память. Итак, проснувшийся в отце офицер заставлял его приговорить ребенка к порке, затем взять трость и первым войти в подвал. Ребенок следовал за ним, не очень-то сознавая свою вину. Он должен был вытянуть руки ладонями вверх или, согнувшись, лечь животом вниз на колени отца. Об „условном осуждении“ не могло быть и речи. Отец бил изо всех сил, нанося удары с точностью механизма, в полный голос или полупшепотом считая их. Потом „офицер“ констатировал свое сожаление в связи с тем, что был вынужден прибегнуть к столь жестокой мере и говорил, что он очень страдает. Видимо, он действительно страдал. Шоковое воздействие сменяло весьма продолжительное и не менее отвратительное действие: „офицер“ приказывал веселиться. Сам он первым начинал нарочито громко смеяться, как бы стремясь разрядить грозную атмосферу, и очень злился, если ребенок

не хотел следовать его примеру. Обычно он „воспитывал“ ребенка перед завтраком, постепенно превратив наказание в ритуал, а показное веселье — в настоящую пытку.

После о наказании следовало забыть. Все разговоры об искуплении грехов, о праведных и неправедных поступках откладывались на потом. Но дети никак не могли заставить себя улыбнуться, они сидели подавленные, с белыми как мел лицами, молчали или тихо всхлипывали, с нарастающим в душе ожесточением не желая сдаваться, но все же чувствуя свою полную незащитность. Даже ночью они не могли забыть обрушившийся на них град ударов и слова отца, отныне ставшие для них символом „справедливости“. Офицер даже в отставке оставался офицером, он по-прежнему побоями доказывал детям свою правоту и чувствовал себя уязвленным, когда они спрашивали, почему он не хочет снова пойти воевать» (Meckel, 1980, S. 55–57).

Правдивость рассказа не вызывает никаких сомнений. Во всяком случае, в каждой из процитированных фраз чувствуется выстраданная автором правда. Если же кто-либо из читателей усомнится в достоверности приведенных в книге фактов, посчитав их просто чудовищными, пусть он ознакомится с рекомендациями сторонников «черной педагогики». Нет недостатка в изощренных психоаналитических теориях, которые на полном серьезе предлагают считать описанные Кристофом Мекелем детские впечатления отражением «агрессивных или гомосексуальных желаний» ребенка, а кошмарную реальность порождением детской фантазии. Ребенок, лишенный адептами «черной педагогики» чувства уверенности в «правильности» своих ощущений, став взрослым, не только не обретет это чувство, но еще и окончательно окажется во власти порочных теорий, совершенно противоречащих его эмпирическому опыту.

Поэтому удивительно, что взрослые, прошедшие в детстве через «хорошее воспитание», еще способны к написанию книг, подобных произведениям Кристофа Мекеля. Возможно, оно появилось на свет лишь потому, что отец несколько лет воевал, а потом был в плену. Его отсутствие, безусловно, благотворно сказалось на детях. Но, как правило, все те, с кем в детстве и в юности обращались именно так, как рассказано в книге, не в состоянии написать правду о своем отце, т. к. в решающие для дальнейшей жизни годы их последовательно отучали испытывать чувство душевной боли. Без него путь к правде закрыт. Им уже не удастся трезво взглянуть на свое детство и увидеть его в истинном свете. Им суждено остаться заложниками концепций, снимающих вину с родителей и возлагающих ее на их жертву.

Когда вдруг человек в ярости избивает другого, такое состояние обычно является следствием глубокого отчаяния. Однако «идеологии битья» как части «черной педагогики» и вере в безвредность побоев *отводится маскирующая роль*; они призваны сделать ребенка невосприимчивым к душевной и физической боли и закрыть ему доступ к

правде о себе самом и окружающих. Пережитые чувства, разумеется, способны преодолеть эту преграду, но ведь именно на них наложен строгий запрет...

МЕХАНИЗМЫ «ЧЕРНОЙ ПЕДАГОГИКИ»: ОТЩЕПЛЕНИЕ И ПРОЕКЦИЯ

В 1943 г. Гиммлер произнес свою знаменитую «Познаньскую речь», в которой от имени немецкого народа выразил благодарность войскам СС за уничтожение евреев. Тридцать лет я тщетно пыталась понять причину этой страшной трагедии. После прочтения в 1979 г. речи Гиммлера у меня словно пелена спала с глаз. Поэтому я вставила в свою книгу большой фрагмент из речи Гиммлера:

«Я хочу здесь, стоя перед вами, открыто затронуть вопрос об одной непростой акции. Мы просто обязаны со всей откровенностью обсудить ее между собой, хотя то, о чем мы будем говорить, никогда не станет достоянием гласности... Я имею в виду эвакуацию евреев, которая есть ни что иное как их полное истребление. Многие с легкостью произносят это слово, словно речь идет о самых обыденных вещах. Возьмите любого из членов партии, и каждый без колебаний подтвердит, что „еврейский народ должен быть уничтожен, об этом четко и ясно сказано в нашей программе“. Но опять-таки чуть ли не у каждого из 80 млн славных, добропорядочных немцев находится знакомый еврей — „ну очень приличный человек“. Дескать, все евреи — скоты и негодяи, но вот их знакомый — замечательный человек. Ни одному из тех, кто так говорит, не довелось пережить то, что *испытали вы*. Вы видели горы трупов, сотни, тысячи трупов. *Вынести такое и остаться чистым душой* — я не беру элементарные человеческие слабости — *вот, что закалило наши сердца и укрепило нашу волю*. Но эта *славная страница* нашей истории так и останется известной только нам с вами... Я категорически приказал передать все их богатства в имперскую казну. Себе мы не взяли ничего. Я с самого начала отдал приказ: любого, кто возьмет хоть одну марку, ждет смерть. Некоторые эсэсовцы — их было немного — нарушили приказ и были безжалостно казнены. Наш долг перед собственным народом и наше моральное право — уничтожить евреев за то, что они хотели нас уничтожить. Но у нас нет права обогащаться за их счет, и никто не смеет взять себе даже шубу, часы или сигарету. Мы должны были *выжечь очаг смертоносной заразы*. Но наша миссия не завершена, пока *смертоносные микробы слабохарактерности еще представляют опасность для наших товарищей*. Если здесь возникнет даже *крошечный очаг распространения этих гнусных микробов*, мы, в том числе и я лично, сделаем все возможное, чтобы ликвидировать его. Однако, в общем и целом, мы справились с этой невероятной трудной задачей и при ее выполнении руководствовались исключительно любовью к нашему народу. Мы не запятнали свою совесть,

не очернили душу и наш характер не испортился» (J. Fest, 1963, S. 162, 166).

В речи Гимmlера представлены все элементы сложного психодинамического механизма, основанного на отщеплении и проекции частей собственного Я, на котором зиждется, как мы уже смогли убедиться, вся «черная педагогика». Ее сторонники полагали, что ребенок должен быть внутренне стойким, и воспитывали в нем бессмысленную жестокость, призывали *вытравить из его души слабость*, т. е. страх, отчаяние, сострадание, способность переживать и сопереживать, иначе говоря, хотели заблокировать всю эмоциональную сферу. С целью облегчить своим подданным борьбу против человеческого начала в них самих правители «Третьего рейха» представили им в качестве носителя самых отвратительных и опасных качеств (против которых в детстве боролись воспитатели) еврейский народ. Так называемый «истинный ариец» мог проявлять жестокость, чувствовать себя сильным, мужественным, принципиальным и морально чистоплотным человеком, напроочь избавленным от таких «дурных» свойств человеческой природы, как спонтанное душевное волнение, только если все его детские страхи воплотятся в евреях. Тогда с ними можно будет *каждый раз заново* начинать ожесточенную борьбу, чувствуя за собой поддержку мощного отряда единомышленников.

По-моему, мы обречены жить в атмосфере, порождающей преступления такого масштаба до тех пор, пока не поймем их причины и психологический механизм.

Чем больше я занимаюсь анализом психодинамики людей с противоестественными наклонностями, тем сомнительнее мне кажется широко распространенная после войны версия, возлагавшая вину за холокост¹ на извращенное сознание узкой группы лиц. Ведь у них отсутствовали такие специфические признаки психопатии, *как ощущение полной личной и социальной изоляции, стыд и отчаяние*. Убийцы многих миллионов людей отнюдь не чувствовали себя изгоями, они занимали видное общественное положение, им не было стыдно за свои преступления, напротив, они даже гордились ими. Эйфория или полнейшее равнодушие — вот два наиболее характерных для них состояния души.

Другие видят первопричину в преклонении немцев перед авторитетом верховной власти. С их выводом можно согласиться, но для понимания феномена холокоста этого явно недостаточно. Ведь в данной ситуации речь шла не просто о безоговорочном подчинении, но о выполнении приказов, которые *не воспринимались как навязанные извне*.

Человек, способный на глубокие чувства и переживания, не может по мановению волшебной палочки стать способным на массовые убийства. Однако «окончательное решение еврейского вопроса» было поручено мужчинам и женщинам, с младенчества *избавленным от собст-*

¹ Так на Западе принято называть массовое уничтожение евреев в годы Второй мировой войны.

венных чувств и приученным всем сердцем воспринимать желания родителей как свои собственные. Ведь в детстве они гордились закаленным характером, старались никогда не плакать, «с радостью» выполняли свои обязанности и не испытывали страха, т. е., в сущности, не имели внутреннего мира.

В своей книге «Wunschloses Unglück» Петер Хандке (Peter Handke, 1975) описывает свою мать, покончившую с собой, когда ей был 51 год. Сострадание к матери и понимание ее поведения красной нитью проходят через все повествование. Читатель также постепенно понимает, почему ее сын так отчаянно ищет свои «Подлинные ощущения» («Wahre Empfindungen») — название другой повести австрийского писателя). Истоки этого поиска скрыты в далеком детстве, когда мальчика убедили, что в такое тяжелое время его естественные чувства могут ухудшить болезненное состояние матери. Хандке следующим образом описывает моральный климат в своей родной деревне:

«Никто ничего не рассказывал о себе; даже раз в год, во время пасхальной исповеди, никто не решался излить душу и все невнятно бормотали заученные фразы из Катехизиса, в которых собственное Я представлялось человеку более чуждым, чем даже частица далекого лунного пейзажа. Если кто-либо вдруг начинал рассказывать о себе что-то серьезное, а не просто потешные истории, говорили, что он „себе на уме“. Религиозные обряды, местные обычаи и „добрые нравы“ настолько обезличивали человека и лишали его ответственности за собственную судьбу, что если у него и оставались какие-либо сугубо индивидуальные свойства, то вспоминал он о них только в отрывочных и бессвязных снах. Выражение „он какой-то не такой, как все“ считалось чем-то вроде ругательства, и если кто-то жил без особой оглядки на других, к нему относились так, словно человек занимался каким-нибудь неблагоприятным делом. Лишенные собственных чувств и знания подлинной истории своей жизни люди с годами начинали, подобно некоторым домашним животным, бояться всего нового, неизвестного. Они замыкались в себе и почти не открывали рот, а другие, уже не вполне в своем уме, орали на весь дом» (P. Handke, 1975, S. 51, 52).

Бесчувственность, привитая воспитанием, нашла свое выражение не только в произведениях П. Хандке, но и в картинах ряда художников-абстракционистов, и в творчестве других писателей. Вот как описывает Карин Штрук одного маленького мальчика:

«Дитгер не умеет плакать. Но смерть горячо любимой бабушки сильно потрясла его. Придя с похорон, он сказал, что на кладбище ему даже захотелось выдавить из себя пару слезинок. Он так и сказал: „выдавить“...

По словам Дитгера, ему не нужны сны. Он очень гордится тем, что не видит их. Он говорит: у меня крепкий здоровый сон без всяких сновидений. Ютта говорит: „Дитгер не желает признавать, что иногда все же видит сны, и скрывает свои истинные чувства“» (K. Struk, 1973, S. 279).

Дитгер — продукт послевоенной эпохи. (Думается, что многие педагоги посчитали бы его идеалом воспитанного мальчика.) А что чувствовали его родители? Их поколение имело гораздо меньше возможностей выразить свои естественные чувства, чем нынешнее, поэтому сохранилось мало свидетельств.

Кристоф Мекель публикует в своей книге «Скрытый образ» (Suchbild) отрывок из записей отца — поэта и прозаика, ранее придерживавшегося либеральных взглядов. Эти записки как раз относятся ко времени Второй мировой войны.

«Со мной в купе женщина... Она рассказывает о произволе немецких чиновников, об их продажности, о безумных ценах, об Освенциме и тому подобных вещах... Как солдат *я от всего этого далек*, в сущности, эти проблемы меня *совершенно не интересуют*. Я сражаюсь за Германию и *не буду наживаться на войне, зато хочу вернуться с нее домой с чистой совестью*. Многие штатские, действительно, ведут себя мерзко, и я сам искренне презираю их. Может я дурак, но солдаты постоянно оказываются в дураках и за все платят своей кровью. Но зато чести у нас никто не отнимет (24 января 1944 г.).

Пошел за обедом, пришлось сделать небольшой крюк, и я стал свидетелем публичного расстрела на склоне возле спортивной площадки двадцати восьми поляков. Множество людей толпилось на прилегающих улицах и берегу реки. Гора трупов — зрелище, конечно, жуткое и *отвратительное*, но оно меня *никак не тронуло*. Ведь расстрелянные убили двух солдат и одного имперского¹ немца. Я воспринял увиденное как сцену из новой постановки народного театра (27 января 1944 г.).»

Человек с подавленными в детстве чувствами способен настолько отождествить себя с государством, что автоматически действует так, как ему предписано, даже при отсутствии внешнего контроля:

«Узнав, что полковнику что-то нужно от меня, я приказал позвать его. Он кое-как выбрался из машины, подошел поближе и через безбожно коверкающего немецкий язык старшего лейтенанта начал жаловаться. Оказывается, нехорошо пять дней почти не кормить их. Я коротко ответил, что нехорошо переходить на сторону Бадальо². А вот когда другие <итальянские> офицеры, продолжавшие, якобы, придерживаться фашистских взглядов, предъявили мне все мыслимые и немыслимые документы, я распорядился включить у них в машине печку и вообще стал разговаривать более вежливо (27 октября 1943 г.)» (Chr. Meckel, 1980, S. 62 и 63).

Доведенное до совершенства умение приспосабливаться к общепринятым образцам поведения позволяет говорить о ком-либо как о «нор-

¹ Так назывались немцы, проживавшие на территории фашистской Германии в границах 1938 г. — *Прим. пер.*

² Бывший начальник Генерального штаба, в результате государственного переворота в июле 1943 г. сменивший Муссолини на посту премьер-министра и 8 сентября объявивший о капитуляции Италии. — *Прим. пер.*

мальном человеке», но это умение позволяет легко использовать его в самых разных целях. При этом происходит *не утрата индивидуальности, поскольку таковой не было и нет*, а постоянная замена одних ценностей другими. Какими именно — не имеет значения для данного лица, т. к. краеугольный камень его системы ценностей — послушание. Образ вождя или идеологические установки легко занимают в его сознании место чрезмерно идеализированных требовательных родителей. Так как они всегда правы, их подросток также не задумывается над тем, справедливы или нет требования, предъявляемые новыми «властителями дум». И откуда он возьмет критерии оценки, когда вопрос о том, что справедливо, а что нет, решался без него? Ведь у него не было возможности хоть раз дать волю своим чувствам, его убедили в том, что любая критика поступков родителей опасна для его жизни. В результате у него отсутствуют даже зачатки критического мышления. Если человек не сумел к определенному возрасту выстроить свой собственный внутренний мир, он оказывается в полной зависимости от властей. Маленький ребенок точно так же всецело зависит от родителей. В этом взрослый и ребенок поразительно схожи друг с другом. Слово «нет» по адресу власть имущих тоже кажется ему опасным для его жизни.

Те, кому довелось стать свидетелями резких смен политического курса, рассказывают, что многие с поразительной легкостью приспосабливались к новой ситуации и без тени смущения меняли свои убеждения на прямо противоположные. Смена властных элит буквально стирала у них память о прошлом.

И тем не менее, даже если это верно по отношению к большинству, всегда находились люди, которых невозможно было заставить изменить своим принципам. На основании данных, накопленных за время многолетней психоаналитической деятельности, я попыталась ответить на вопрос, почему одни так легко подчиняются диктату личности или референтной группы, а другие — нет.

Многие искренне восхищаются людьми, которые нашли в себе мужество противостоять тоталитарному государству, сохранив верность своим убеждениям и моральным принципам. Другие порой смеются над их наивностью, приговаривая: «Неужели они не понимают, что словами с такой машиной не справиться? И что им придется дорого заплатить за свою строптивость?» И те, кто восхищается, и те, кто не скрывает своего презрения, не замечают главного: человек, не желающий приспособляться к условиям тоталитарного режима, поступает так вовсе не из чувства долга. Было бы неправильно также считать, что на столь ответственный шаг его подтолкнула наивная недооценка силы противника. Просто он не может изменить самому себе. Чем дольше я занималась этой проблемой, тем чаще приходила к следующему выводу: гражданское мужество, честность и способность к состраданию надо воспринимать не как «добродетельные черты характера» или нравственные категории, а как милостивый дар судьбы — следствие того, что человеку в детстве повезло с воспитателями.

Понятие морали и чувства долга способны лишь заменить главное. Чем сильнее человеку в детстве травмировали душу, тем мощнее у него должен быть интеллект и тем чаще он должен прибегать к морали как к субституту чувств. Но не нравственность и чувство долга являются источником жизненных сил и порождают стойкую приверженность принципам. Они не способны сделать человека чутким. Их можно сравнить с протезами, на которые всегда можно опереться. Но в протезах нет кровеносных артерий, да и пользоваться ими может кто угодно. Считавшееся вчера хорошим и добрым сегодня по указанию правительства или партии рассматривается как злое и губительное или наоборот. Но человек с незаблокированной эмоциональной сферой всегда остается самим собой. Ведь он не хочет терять свое Я. Яростные нападки, бойкот, утрата уважения и любви не оставят его равнодушным, он будет страдать и бояться, но ни при каких условиях не захочет отказаться от собственного Я. В ответ на требования, противоречащие его натуре, он всегда скажет решительное «нет». Он просто по-другому не может.

Вспомогательный характер моральных законов и норм поведения наиболее наглядно демонстрируют отношения между матерью и ребенком. Здесь не помогут ни ложь, ни лицемерие. Ведь чувство долга не может породить любовь, скорее оно способно привести к возникновению у ребенка чувства вины. Наряду с парализующим эмоциональную сферу чувством благодарности оно может навсегда превратить ребенка в заложника мнимой материнской любви. Роберт Вальзер как-то заметил: «Многие матери делают своим любимцем одного из детей, но их поцелуи схожи с побиванием камнями. Они... ставят под угрозу все его существование». Если бы Вальзер *почувствовал*, что эти слова в первую очередь относятся к нему самому, он вряд ли бы закончил жизнь в психиатрической больнице.

Сама мысль о том, что разум и обретенный с годами здравый смысл способны разблокировать эмоциональную сферу, представляется мне полной глупостью. Тот, кто еще в нежном возрасте из боязни потерять родительскую любовь, а вместе с ней и жизнь, привык слепо выполнять неписанные законы и отказался от естественных чувств, будет в дальнейшем столь же ревностно исполнять законы государства и окажется перед ним вновь совершенно беззащитным. Но поскольку человек не может жить совсем без эмоций, он рано или поздно примкнет к той организации, которая позволит ему в рамках коллектива в полной мере испытать те чувства, на которые в детстве был наложен запрет.

Любая идеология дает индивидууму возможность *эмоциональной разрядки*. *Идеализируемая личность* или коллектив заменят мать как первичный объект. (Этот перенос облегчается эмоциональной несостоятельностью первичного объекта.) Благодаря идеализации группы у ее членов появляется возможность ощутить «коллективное величие» и за счет этого получить заряд энергии. Но поскольку любая тоталитарная идеология нуждается во врагах, ими становятся не только объекты,

находящиеся вне референтной группы, но и частичка собственного Я членов коллектива. В глубине души эти люди так и остались *презираемыми слабыми детьми*, однако невозможность ощутить себя таковым и запрет на проявление эмоций придали ощущению беззащитности негативный оттенок. Вот именно с этой слабостью и беззащитностью и следует бороться как со «внутренним врагом». Задача борьбы значительно облегчается, когда в действие вступает механизм отщепления и проекции. При этом воплощением слабости становится внешний объект, выступающий в роли «козла отпущения». Обещание Гимmlера быть беспощадным с такой «заразой», как слабохарактерность, и его высказывания о евреях достаточно четко определяют роль, которая отводилась внешнему объекту в борьбе с «внутренним врагом».

Понять феномен холокоста невозможно без глубокого анализа способа функционирования психологического механизма отщепления и проекции. В свою очередь, благодаря изучению истории «Третьего рейха» гораздо более отчетливо видны последствия претворения в жизнь принципов «черной педагогики». Видя, как детям неуклонно не давали вести себя естественно, начинаешь понимать, почему множество мужчин и женщин без особых колебаний отправили в газовые камеры миллион детей. Ведь они олицетворяли для них самую страшную и ненавистную часть собственной души. Можно даже легко представить себе, как эти люди орали на детей, избивали или просто фотографировали их, стремясь излить, наконец, накопившуюся с раннего детства ненависть. С самого начала целью их воспитания было постепенное умерщвление в них детского начала живости, непосредственности. Они стали жертвой психического насилия и поэтому позднее подсознательно стремились найти тех, кто мог стать такой же жертвой. Ведь если быть до конца откровенным, отравляя в газовых камерах еврейских детей, они тем самым как бы убивали собственное детство.

В своей книге «Насилие над детьми и права детей» («Kindesmißhandlung und Kindesrechte», Gisela Zenz) Гизела Ценц широко использовала данные, полученные денверскими психотерапевтами Штилем и Полоком. В их клинике проходили курс лечения как родители, жестоко обращавшиеся со своими детьми, так и их жертвы. Описание поведения этих детей может помочь нам увидеть корни поведения лиц, совершивших преступления против человечности. Ведь их в детстве, несомненно, жестоко избивали...

«Дети вели себя не по возрасту, ни на что спонтанно не реагировали, были лишены непосредственности, почти не обращали внимания на врачей и крайне редко выражали свои симпатии и антипатии. Мало кто проявлял интерес к личности психотерапевта. После шести месяцев интенсивного лечения один ребенок даже не смог вспомнить имя врача, хотя регулярно посещал его два раза в неделю. Любопытно, что пребывание в психотерапевтическом кабинете вроде бы благотворно действовало на детей, они становились заметно раскованней, легче шли на контакт и, тем

не менее, в конце сеанса всегда уходили с таким видом, словно они не знакомы с врачом и он для них никто. По мнению психотерапевтов, такое поведение, с одной стороны, объяснялось необходимостью настроиться на возвращение в привычную домашнюю среду, а с другой — перерывами в их отношениях с врачом. Поэтому еще более отчужденно они вели себя после каникул или болезни. Почти все дети дружно заявляли, что отношения с врачом им не важны и они не боятся их прекращения. Лишь через какое-то время кое-кто все же начал признаваться, что на каникулах скучал по своему врачу и даже иногда устраивал истерики.

Наибольшее впечатление на авторов произвела неспособность *детей расслабляться и радоваться жизни*. Некоторые из них за несколько месяцев ни разу не улыбнулись, они входили в психотерапевтический кабинет, словно „сумрачные взрослые в детском обличье“, находящиеся в состоянии тяжелой депрессии. Даже в играх они участвовали скорее *из желания сделать врачу приятное*. Многие дети, похоже, даже понятия не имели об играх и игрушках и были поражены, когда психотерапевты с нескрываемой радостью начали принимать участие в играх. Дети постепенно *стали отождествлять* себя с ними, на лицах стала появляться радость, а игра начала доставлять удовольствие.

Почти все дети *относились к себе крайне негативно*, называли себя в сочинениях „дураками“ и писали, что их „никто не любит“. Некоторые говорили, что „ни к чему не способны“ и называли себя не иначе как „скверный ребенок“. Правда, кое-что им в себе нравилось, но они никак не могли заставить себя признаться в этом. Они никак не решались заняться чем-нибудь новым, *очень боялись сделать что-нибудь не так и с легкостью раскисались в своих поступках*. Самосознание многих из них было совершенно не развито. В целом, на их манеру поведения наложили отпечаток взгляды родителей, *не воспринимавших своего ребенка как самостоятельную личность*. Они *откровенно пренебрегали его интересами и потребностями, манипулируя им в своих целях*. Весьма важную роль в формировании мировосприятия детей, вероятно, сыграла частая смена приемных родителей. Так, шестилетнюю девочку попеременно брали на воспитание *десять семей*. В результате она никак не могла понять, *почему так важно навсегда запомнить свое настоящее имя*. Характерно, что дети почти не умели рисовать людей, зато изображения неодушевленных предметов вполне соответствовали их возрасту. Многие из них были не в состоянии нарисовать себя.

У них были достаточно устоявшиеся представления о добре и зле. Важное место в их психической сфере занимала идея неизбежности наказания за прегрешения. Они *бурно возмущались и негодовали, если кто-либо из сверстников выходил за жесткие рамки их этических норм*. [...]

Почти не было случаев *открытой агрессии по отношению к взрослым и недовольства ими*. Дети просто не могли позволить себе ничего подобного. Зато они любили рассказывать страшные истории и *отдавали предпочтение жестоким играм*. Кое-кто из детей обращался с

игрушками так же, как обращались с ними дома. *Куклы и вымышленные лица постоянно становились в их играх объектом побоев, издевательств, унижений.* Ребенок, который в младенческом возрасте три раза получал черепно-мозговую травму, постоянно разыгрывал сцены с животными и людьми, *ранеными в голову.* Другой ребенок, *которого мать сразу после родов пыталась утопить, всякий раз во время игротерапии окунал куклу в ванну с водой, а затем громко просил вызвать полицию, чтобы мать посадили в тюрьму.* В подсознании детей продолжал жить страх, хотя внешне это проявлялось далеко не всегда. Словami они не могли выразить свою тревогу, однако продолжали *накапливать в душе ярость и желание мести, одновременно опасаясь их прорыва в сознание.* Со временем психотерапевт занимал место первичного объекта, и тогда он становился адресатом агрессии, имевшей, впрочем, полупассивную форму: то в него „случайно“ попадали мячи, то так же „нечаянно“ приходили в негодность его вещи. [...]

С родителями психотерапевты почти не общались, тем не менее у них создалось впечатление *чрезмерной сексуализации отношений между детьми и родителями.* К примеру, одна из матерей, когда чувствовала себя одинокой или несчастной, ложилась к своему семилетнему сыну в постель, а другая постоянно обзывала четырехлетнюю дочь „глупой кокеткой“, намекала на то, что она слишком сексуально выглядит и утверждала, что „дочь будет шлюхой“. И вообще, то мать, то отец часто требовали от своих детей проявления нежности, при этом их желания часто противоречили друг другу. Да и многие дети, как выяснилось, испытывали эдипов комплекс. Таким образом, возникало впечатление, что родители пытались, даже в скрытой форме, удовлетворить за счет детей свои сексуальные потребности. В этом нет ничего удивительного. Ведь *родители считали, что дети существуют только для того, чтобы удовлетворять их желания*» (G. Zenz, 1979, S. 291).

Похоже, Гитлер «сделал гениальный ход», предложив немцам, воспитанным в строгости, с детства привыкшим повиноваться и подавлять собственные чувства, в качестве объекта для проекции части их собственного Я именно евреев. Впрочем, использование этого психологического механизма имеет давние традиции. Тому пример история многих завоевательных войн, крестовых походов, инквизиции, а также события недавнего прошлого. Но вряд ли кто-нибудь обратил внимание на следующее обстоятельство: *без специфического воспитания людей этот механизм никак нельзя было использовать в политических целях.* И наоборот: воспитание основывалось на механизме отщепления и проекции.

Особенность развязанного против евреев массового террора заключается в том, что его организаторы и те, кто выполнял их бесчеловечные приказы, боролись не с реальным врагом, угрожавшим их существованию, а с частицей собственного Я. Поэтому феномен холокоста и просто агрессивные выходы субъекта, направленные против посторонних лиц, — совершенно разные вещи.

Во многих случаях воспитание мешает человеку давать возможность жить в его ребенке тому, что он когда-то убил в себе или с презрением отверг. В книге «Страх перед отцом» (*Morton Schatzman. «Die Angst vor dem Vater»*) Мортон Шатцман убедительно доказал, что методика, разработанная в свое время знаменитым педагогом Даниэлем Штребером, основана на яростной борьбе против элементов собственного Я. Штребер, как и многие родители, ненавидел и преследовал в своих детях то, что *было основной частью его Я* и ему самому внушало страх.

Штребер писал: «Зародыши благородных свойств человеческой натуры по причине своей чистоты дают всходы сами по себе, а зародыши дурных свойств следует, как и сорняки, *своевременно уничтожать*. Главное здесь — непрерывность и упорство. К сожалению, многие совершают пагубную ошибку и тешат себя надеждой, полагая, будто дети со временем сами избавятся от своих пороков. Разумеется, при определенном стечении обстоятельств те или иные порочные свойства души сделаются менее явными, но, если ничего не предпринимать, из ядовитых корней вырастут буйные побеги и не позволят разрастись благородному дереву жизни. Дурные привычки портят характер взрослого человека и развращают его, направляют на несправедливый путь» (цит. по: M. Schatzman, 1978, S. 24).

«*Подавляй в ребенке все, удаляй от него все, что на твой взгляд противно его натуре, и настойчиво подводи его ко всему тому, что может быть ей полезно*» (там же, S. 19).

Страстным желанием «облагородить натуру ребенка» можно оправдать любую жестокость родителей по отношению к нему. Но если ребенок разгадает всю лживость их помыслов, его ожидает более страшная участь.

Твердое убеждение педагогов в необходимости с самого начала «наставить ребенка на путь истинный» обусловлено их потребностью в *отщеплении от собственного Я тех его частей, что подсознательно внушают тревогу, и желанием спроецировать их на какой-нибудь объект. Лучше всего для этого подходит беззащитный ребенок, т. к. его незрелым сознанием очень легко манипулировать. Отныне враг — не в себе самом, отныне он персонафицирован в другом, пусть даже очень близком человеке, и ему можно объявить войну.*

Социологи, исследующие проблемы войны и мира, начинают постепенно понимать подлинное значение психодинамических механизмов, однако пока они не поймут, что их корни — в системе воспитания, они не смогут разобраться в них до конца. И если ничто не изменится, то дети, ставшие олицетворением дурных и ненавистных свойств родителей, всегда будут наиболее подходящим объектом для проекции, без которой воспитатель не сможет ощутить себя добрым, благородным, «высоконравственным» и гуманным человеком. К тому же такого рода механизм легко сочетается с любой идеологией.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «БЕЛАЯ ПЕДАГОГИКА»?

НАСИЛИЕ В БАРХАТНЫХ ПЕРЧАТКАХ

Средства для борьбы с эмоциональной сферой ребенка далеко не всегда представляют собой ярко выраженное насилие. Это хорошо видно на примере истории нескольких поколений одной семьи.

В XIX в. молодой миссионер вместе с женой отправился в Африку с целью обратить в христианство как можно больше ее обитателей. Таким образом ему, похоже, удалось избавиться от сомнений в правильности избранной им веры, которые терзали его в юности. Теперь он стал настоящим христианином, подобно своему отцу, который не жалел сил на приобщение других людей к учению об искупительной жертве Сына Божьего. У супругов родилось 10 детей. Восемь, по мере достижения ими школьного возраста, родители отправили в Европу. Один из них позднее стал отцом некоего А. и часто говорил сыну, как тому повезло, что он вырос в домашних условиях. Ведь он сам лишь в 30 лет вновь увидел своих родителей. Оправдались самые худшие предположения: на вокзале он их не узнал. Об этом он частенько рассказывал, причем без всякой грусти, на лице его играла улыбка, и вообще А. говорил о своем отце как об очень добром, чутком, довольном жизнью и по-настоящему верующем человеке. Все родственники и знакомые искренне восхищались им и совершенно не понимали, почему у его сына с годами развился тяжелый невроз навязчивого состояния.

А. с детства мучили навязчивые агрессивные мысли, но он был совершенно неспособен воспринимать досаду, недовольство, ярость и гнев как вполне адекватные эмоциональные реакции на какие-либо жизненные неудачи или воздействие внешних раздражителей. С детских лет он также очень страдал от того, что «не унаследовал природное, искреннее, проникнутое светлыми чувствами благочестие отца, которое давало ему уверенность в себе». Не помогало даже чтение духовной литературы, и А. постоянно посещали «нечестивые» мысли, т. е. сомнения в вере, вызывавшие у него панический страх. Благодаря психотерапии, но далеко не сразу, А. удалось приучить себя к мысли о том, что критические суждения вовсе не должны внушать ему ужас и порождать мучительные мысли о своей неполноценности. Здесь очень помогло то обстоятельство, что его сын-школьник объявил себя приверженцем марксизма. А. было совсем несложно в полемике с ним обнаружить ограниченность и непоследовательность этой пронизанной духом нетерпимости идеологии. В конечном итоге А. понял, что для работавшего с ним психотерапевта психоанализ также своего рода «религия», к которой следует подойти критически. На отдельных стадиях психоте-

рапевтического сеанса он начал постепенно ощущать весь трагизм своей неразрывной связи с отцом. Он понял, что в детстве был жестоко обманут, и в ярости усомнился во всех без исключения религиях и политических идеологиях. Но от неврозов навязчивого состояния А. смог избавиться лишь в тот момент, когда чувство гнева начало ассоциироваться с давно умершим, горячо любимым отцом.

На сеансах психотерапии А. постоянно ощущал кошмарное убожество своей жизни, первопричиной которого была позиция его отца. От мальчика требовалось быть таким же добрым, вежливым и благородным, как отец, никогда не плакать, никого не критиковать, ничего ни от кого не требовать, всегда быть довольным и помнить о «тех, кому еще хуже, чем тебе». Ранее неведомое чувство глубокого возмущения заставило А. по-новому оценить свое детство и увидеть, что все, не совпадавшее с представлениями отца, безжалостно искоренялось. И лишь после того, как душа А. восстала (раньше он срывал гнев на собственном сыне, используя механизм отщепления и проекции), он увидел другую ипостась своего отца. Никто не смог рассказать ему о ней. К пониманию истины он пришел сам через пережитые боль и ярость. Скрытые черты психики отца оставались тайной для всех, проявившись лишь в неврозе навязчивого состояния, который мучил сына в течение 42 лет. Отцу хотелось выглядеть в глазах сына не просто благочестивым, но еще и в высшей степени добропорядочным человеком. Навязывание этого образа обернулось для А. тяжелым нервно-психическим расстройством. Можно даже сказать, что отец сохранял благочестие за счет психического здоровья сына.

Вернув себе детские ощущения, А. смог понять, какие эмоции испытывал в детстве его отец. Он спросил себя: «По-христиански ли поступили мои дедушка и бабушка, отправив в Европу своих восьмерых детей и *со спокойной совестью продолжая проповедовать в Африке извечную христианскую заповедь „Возлюби ближнего своего как самого себя“*. Интересно, задавал ли себе такой вопрос их сын, т. е. мой отец, и не следовало ли ему поставить под сомнение не только их искренность, но и сам смысл такого рода деятельности, которая оборачивается откровенной жестокостью по отношению к собственным детям?» Но его строгая и глубоко верующая тетья, у которой он жил, никогда бы не допустила таких сомнений. Она бы быстро выгнала его из дома. Что же оставалось делать шестилетнему мальчику, родители которого находились в нескольких тысячах километров от него? Естественно, он был вынужден поверить в Бога, потребовавшего таких странных и непонятных жертв (и это оправдывало в его глазах поступок родителей). Он заставил себя демонстрировать приверженность христианской вере и показной оптимизм. Он должен был постоянно помнить об оказанных ему услугах и никому не быть в тягость, чтобы, не дай Бог, не прослыть неблагодарным. И характер у него всегда должен быть легким, спокойным. Иначе он не будет любим, иначе ему просто не выжить.

Как только такой человек сам становится отцом, на него наваливаются события, грозящие обрушиться с таким трудом возведенное здание. Он видит перед собой живое существо и понимает, каким может быть человек, если ему не мешать. Но тут вдруг к этим мыслям примешивается страх: «Нет, такого не должно быть! Ведь если оставить ребенка таким, какой он есть, то тогда получается, что я сам напрасно пожертвовал собой, отвергнув собственное Я. Разве можно воспитывать ребенка без принуждения и подавления его воли, без испытанных веками средств борьбы с его эгоизмом и упрямством? Родители даже в мыслях не могут позволить себе такие вольности, иначе они окажутся в весьма затруднительном положении и потеряют почву под ногами». А такой почвой является традиционная идеология, в которой подавление живого начала в ребенке и манипулирование им представляют высшую ценность.

Все вышесказанное относится к отцу А. (Его мать также воспитывалась в духе этой идеологии, но я ограничилась анализом поведения отца, т. к. в случае с А. именно он сыграл главную роль.)

Он сразу же попытался установить контроль над естественными потребностями новорожденного, и довольно скоро последний подсознательно воспринимал это как должное. Вместе с женой он активно приучал младенца к чистоте и аккуратности, а когда крохотный А. в неурочный час криком просил есть, «лаской» отвлекал его. Ведь кормить младенца следовало только в определенное время и строго по правилам. Когда А. подрос и, скажем, отказывался от какого-нибудь блюда или, напротив, «слишком жадно» ел, или «неподобающе» вел себя за столом, родители ставили его в угол, а сами продолжали преспокойно поглощать пищу. Вероятно уже тогда А. мучила мысль, почему и за какие грехи любимые родители так отдалили его от себя.

А. не помнит, чтобы отец хоть раз бил его. Однако отец, даже не сознавая этого, обращался с ним жестоко потому, что тем самым хотел заглушить в себе душевную боль. Он хотел *сделать* из него «довольного жизнью ребенка», т. к. в нем самом в глубине души продолжало жить маленькое незащитное существо. Он *систематически пытался убить в своем первенце все живое*. И если бы сохранившиеся остатки живого начала не нашли прибежища в неврозах навязчивого состояния и не давали бы таким образом знать о себе, душа сына была бы по-настоящему мертва, А. представлял бы собой только бледную тень отца, не имел бы собственных потребностей, не способен был бы на бурный всплеск эмоций и страдал бы от депрессий, т. к. внутри его царили бы пустота и страх перед собственными комплексами. Благодаря психоанализу А. в возрасте сорока двух лет наконец понял, каким он был живым, любознательным, умным ребенком, какое он имел чувство юмора, и осознание этого пробудило в нем творческие силы. Со временем А. стало ясно, что неврозы, с одной стороны, явились следствием подавления живого начала его подлинного Я, а с другой — отражали кон-

фликты, вытесненные в подсознание отца и потому раздиравшие его душу. Они выдавали всю шаткость религиозных убеждений отца, всю жизнь страдавшего от невозможности открыто усомниться в религии. Сумей он это сделать, его сын имел бы шанс начать жить собственной полноценной жизнью, не прибегая к помощи психоаналитика.

ВОСПИТЫВАТЬ НУЖНО НЕ ДЕТЕЙ, А САМИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Читатель уже, конечно, давно заметил, что принципы «черной педагогики» свойственны всей педагогической науке в целом, хотя в наши дни они выражаются в весьма завуалированной форме. Я рекомендую читателям обратиться к книгам Эккехарда фон Браунмюля, поскольку в них достаточно аргументировано разоблачается вся абсурдность воззрений адептов современной педагогики и дано подробное описание их жестокого поведения. Могу лишь добавить: я не разделяю его оптимизма, т. к. считаю, что чрезмерная идеализация собственного детства сильно мешает родителям осознать свои ошибки и стать на путь исправления.

Я лично выступаю не против какого-либо конкретного направления педагогической науки, но против нее в целом. Не составляют исключения и антиавторитарные концепции. В основе моей позиции лежит мой опыт, о котором я скажу ниже. Но сразу же хочу подчеркнуть, что и «культ природы и естественности» Руссо не внушает мне ни малейшего оптимизма.

Во-первых, на мой взгляд, ребенок растет не в абстрактных «естественных» условиях. Его окружают вполне конкретные люди, референтные лица, чье подсознание оказывает значительное влияние на его развитие.

Во-вторых, педагогика Руссо по сути своей тоже направлена на манипулирование человеком. Правда, не все педагоги так считают, но Эккехард фон Браунмюль, долго занимавшийся этой проблемой, достаточно убедительно подтвердил правильность моего вывода. В качестве одного из доказательств он приводит отрывок из знаменитого произведения Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании». Позволю себе также процитировать его:

«При воспитании идите окольными путями. И пусть воспитанник всегда полагает, будто это он ведет вас, а не вы его. *Нет более совершенного метода подчинить себе его, чем создание видимости свободы.* Так можно даже покорить его волю. *Разве несчастный ребенок, который ничего не знает, ничего не может и ничего не в состоянии распознать, не всецело зависит от вас?* Разве вы не распоряжаетесь полностью всем, что его окружает? *Разве вы не в состоянии по собственному усмотрению распоряжаться его впечатлениями?* Его занятия, игры, радости и горести — *разве вы не можете подчинить их своим желаниям*

так, чтобы он даже не заметил этого? Безусловно, пусть он делает все, что хочет, но пусть хочет того же, что и вы. Пусть не делает ни одного шага, который не был бы заранее вами предусмотрен, пусть не раскрывает рот, если вы не знаете, что он хочет сказать» (цит. по: E.v. Braunmühl, 1979, S. 35).

Мое глубокое убеждение в том, что любое воспитание приносит вред, основывается на следующем опыте: все педагогические рекомендации более или менее отчетливо свидетельствуют, что за ними скрываются многочисленные, по-разному выраженные *потребности воспитателей*, удовлетворение которых лишь препятствуют свободному развитию детей. Это происходит даже в тех случаях, когда взрослые искренне убеждены в том, что действуют исключительно в интересах детей.

Вот перечень этих неосознанных потребностей:

1. Заставить других страдать за собственные унижения.
2. Получить возможность на кого-то излить отрицательные эмоции, вытесненные в детстве в подсознание.
3. Иметь под рукой живое существо — объект для манипулирования.
4. Не допустить прорыва *вытесненного в подсознание* в сознание, т. е. не позволить лишиться себя иллюзии относительно собственного, якобы счастливого детства (это выражается опять-таки в неосознанном желании подтвердить правильность родительских принципов воспитания путем их применения на собственных детях).
5. Уйти от страха неизвестности, которую несет с собой свобода.
6. Убить живое начало в душе ребенка (в своей душе оно уже вытравлено).
7. Отомстить за перенесенную душевную боль.

Поскольку в любой системе воспитания реализуется хотя бы одна из перечисленных потребностей, каждая из этих систем как нельзя лучше подходит для того, чтобы *сделать из воспитанника хорошего воспитателя*. Но никогда ни одна из них не будет способствовать формированию по-настоящему свободного человека. Ведь если ребенку проповедовать мораль, он приучается проповедовать мораль, если предостерегать его от чего-либо, он тоже будет со временем предостерегать людей от чего-либо, если с ним ругаться, он тоже будет ругаться со всеми, если его высмеивать, он тоже будет высмеивать других, если его унижать, он будет делать тоже самое с другими, если убить его душу, он научится убивать душу. Свою, чужую или обе вместе — это зависит только от него.

Все это отнюдь не означает, что ребенок непременно должен быть полностью предоставлен сам себе. Нужно только с уважением относиться к его личности, проявлять терпимость к его чувствам и воспринимать его потребности и обиды как свои собственные. *Искренность родителей, ощущение себя свободными людьми — вот что естествен-*

ным образом заставляет ребенка сдерживать себя и соблюдать правила приличия. С помощью педагогических догм такого эффекта не добиться.

Как родителям, так и педагогам наиболее трудно быть искренними и ощутить себя свободными. Это объясняется следующими причинами:

1. Если родителей с ранних лет приучали не прислушиваться к голосу собственных чувств, не принимать их всерьез и даже презирать их, издеваться над ними, то для общения с детьми им будет крайне не хватать этого умения. Заменить они его попробуют педагогическими принципами. Например, они откажутся похвалить или приласкать ребенка, боясь тем самым испортить или избаловать его, и никогда не признаются, что их родители причиняли им боль, поскольку такое признание противоречило бы заповеди «Почитай отца твоего и мать твою».
2. Родители, которых в детстве лишили права в полной мере ощущать свои потребности или отстаивать свои интересы, утратили жизненные ориентиры и потому полностью зависят от «незыблемых» педагогических принципов. Тем не менее они, как правило, не уверены в себе, и ребенок не может не чувствовать эту неуверенность. Ситуация усугубляется тем, что родители могут бросаться из одной крайности в другую, ведя себя то как садисты, то как мазохисты. Вот только один пример. Человек, которому с малых лет жестокими мерами привили послушание, в определенных условиях будет так же и теми же методами воспитывать своего ребенка, чтобы впервые в жизни удовлетворить потребность в уважительном к себе отношении. Но одновременно в промежутках между садистскими действиями он вполне может вести себя как мазохист, т. е. позволять делать с собой практически все, что угодно, молча сносить насмешки, оскорбления и т. д., т. к. он привык терпеть. После несправедливого и жестокого наказания собственного ребенка у него может внезапно возникнуть чувство вины, сопровождающееся любвеобильностью, и ребенок, почувствовавший перемену в поведении отца и не знающий, каково же его подлинное лицо, в свою очередь начинает вести себя агрессивно, провоцируя отца. Отец, как правило, не противится этому, ибо подсознательно помнит, что именно так обращались с ним его собственные родители. Ситуации, в которых «детям позволяют заходить слишком далеко», используются педагогами как доказательство необходимости применения суровых наказаний.
3. Поскольку ребенок зачастую символизирует для отца и матери их собственных родителей, к нему предъявляется множество самых противоречивых требований, которые просто физически невозможно выполнить. И тогда у доведенного до крайности ребенка развивается психоз, либо единственным выходом для него оказываются наркотики или самоубийство. Очень часто ощущение

бессилия вызывает повышенную агрессивность, которая опять же служит для педагогов доказательством необходимости самых суровых мер.

4. Такие же проблемы возникают и при так называемом «антиавторитарном» воспитании, которым ознаменовалась педагогика шестидесятых годов. Это воспитание предполагает, что детей мягко приучают к той манере поведения, которая в детстве оказалась недоступной их родителям и которая, по их мнению, соответствует современным общественным представлениям. При этом часто опять-таки совершенно не учитываются истинные потребности детей. Мне известен случай, когда ребенка, по натуре своей отнюдь не склонного веселиться, радостно призывали разбить стакан именно в тот момент, когда он предпочел бы забраться к матери на колени. В данном случае следует вести речь о непонимании ребенка, переходящем в манипулирование им. Если вести себя с ребенком таким образом на протяжении достаточно длительного времени, он оказывается по-настоящему беспомощным и по вполне понятным причинам начинает проявлять агрессивность.

Вопреки широко распространенному мнению и к ужасу всех педагогов я не могу придать самому термину «воспитание» какой-либо позитивный смысл. Для меня он обозначает «вынужденную самооборону взрослых» и их подсознательное стремление манипулировать чужими душами, порожденное отсутствием подлинной свободы и неуверенностью в себе. Я понимаю, что преступников нужно сажать за решетку, но вовсе не считаю, что строго регламентированная тюремная жизнь, основанная на подчинении и приспособленчестве, способствует исправлению заключенных, т. е. развитию в них жизненного начала и творческого духа. В само слово «воспитание» уже заложено представление о вполне определенных целях, которые просто обязан достичь воспитанник, а это уже значительно снижает возможности его развития. Но отказ от манипулирования ребенком и разработки для него жизненных ориентиров вовсе не равнозначен предоставлению его самому себе. Ведь каждый ребенок остро нуждается в присутствии взрослых рядом с собой. Иначе даже не может быть и речи о каком-либо полноценном физическом и духовном развитии. Но здесь необходимо наличие следующих фактов:

1. Уважение к ребенку.
2. Соблюдение его прав.
3. Понимание его чувств и потребностей.
4. Готовность наблюдать за поведением ребенка с целью:
 - а) проникнуть в его сущность;
 - б) увидеть собственное детство в истинном свете, чтобы, оплакивая его, обрести тем самым способность искренне скорбеть и печалиться;

в) понять присущие внутреннему миру ребенка закономерности, которые проявляются у него гораздо более отчетливо, чем у взрослых, ибо он испытывает гораздо более сильные и, если не создавать препятствий, гораздо более искреннее ощущения.

Опыт нового поколения свидетельствует, что такая готовность часто есть даже у того, кто сам стал жертвой воспитания.

Однако жизни одного поколения вряд ли хватит для освобождения от насаждаемых веками комплексов. Одна только мысль о том, что наши новорожденные дети могут сообщить нам о законах жизни гораздо больше, чем наши родители, представляется многим смешной и нелепой. К этой идее с недоверием относятся не только представители старшего поколения, но и молодые люди, которые под воздействием определенного рода книг по психологии и слишком хорошо усвоенных принципов «черной педагогики» потеряли уверенность в себе. Так, например, один отец, будучи неглупым и очень отзывчивым человеком, спросил меня, не приведет ли желание научиться чему-либо у ребенка к скрытому манипулированию им. Поскольку вопрос был задан человеком 1942 г. р., сумевшим преодолеть табу, присущие жизни целого поколения, я поняла, что в своих публикациях нам — психологам и психотерапевтам — надлежит быть крайне осторожными, чтобы не спровоцировать у наших читателей неуверенность.

Может ли искреннее желание научиться чему-либо у своего ребенка обернуться насилием над его психикой? Без готовности воспринять эмоциональные импульсы другого человека невозможно установить с ним настоящий контакт. Эмоциональные переживания ребенка необходимы нам для создания атмосферы взаимопонимания и любви. С другой стороны, ребенку нужен своеобразный «оперативный простор» для адекватного эмоционального реагирования на происходящее с ним. Таким образом, отношения между ребенком и взрослым развиваются в форме диалога и по законам диалектики. Способность извлекать для себя уроки во время общения с собственным ребенком формируется лишь в том случае, если взрослый готов сочувственно воспринять его эмоции и с пониманием отнестись к ним. В конечном итоге он становится еще более способным к *вчувствованию*. И здесь нет никакого несоответствия между целью и средствами. Итак, нам необходима эмпатия, чтобы научиться чему-то от ребенка, но при этом уроки опять же развивают нашу способность к эмпатии. Педагоги же, напротив, стремятся овладеть душой ребенка, изменить ее и вообще превратить ребенка в свое «второе Я» ради достижения каких-то мифических «священных» целей. Тем самым они не позволяют ему свободно выражать свои чувства и одновременно упускают свой собственный шанс чему-то научиться. Поэтому применительно к такому подходу мы, конечно, вправе говорить о (часто бессознательном) манипулировании. Впрочем, оно присуще не только воспитательному процессу, оно вообще свойственно отношениям между людьми, с дет-

ства воспринявшими многие установки педагогов и теперь расплачивающимися за это.

Произведения авторов, которые придерживаются исключительно антипедагогических позиций (Э. фон Браунмюль и др.), могут стать серьезным подспорьем для молодых родителей, если только воспринимать их не как «пособие по формированию качеств, необходимых родителям», а как *источник полезной информации, позволяющий по-новому взглянуть на свои отношения с детьми и избавиться от предрассудков.*

«ЧЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА»

Наказание последовало сразу же и было очень жестоким. Десять дней, так долго, что, наверное, ни одна совесть не простит, отец бил по вытянутым крошечным ладошкам четырехлетнего ребенка острой палочкой. Семь ударов ежедневно по каждой руке: в общей сложности больше ста сорока ударов. В конце концов, с чистой детской помыслов было покончено. Что бы там ни произошло в раю — Адам, Ева, Лилит, хитроумный змей и яблоко, справедливый гнев Всевышнего и Его указующий перст — все это было мной позабыто. Не кто иной, как родной отец, изгнал меня из рая.

Chr. Meckel, 1980, S. 59

Тот, кто спрашивает нас о нашем детстве, желает узнать кое-что о нашей душе. Если вопрос не риторический и если у спрашивающего хватит терпения выслушать нас, он, несомненно, поразится следующему обстоятельству: оказывается мы со страхом в душе любим и с необъяснимой любовью ненавидим то, что причиняло нам сильнейшие боли и тяготы.

Erika Burkart, 1979, S. 352

ВВЕДЕНИЕ

Каждый, у кого есть дети и кто достаточно честен перед собой, прекрасно знает, каким скверным бывает характер собственного ребенка. Осознание этого дается особенно тяжело, если мы по-настоящему любим сына или дочь и действительно хотим, но не можем воспринять их такими, какие они есть. Одно лишь рассудочное знание не может породить такие качества как великодушие и терпимость. Если человек был не в состоянии вернуть детское восприятие презрительного отношения к себе со стороны взрослых и еще раз, но уже сознательно пережить его, значит, отрицательные эмоции сохранятся в его подсознании и в зрелом возрасте, и он будет выплескивать их на своих детей. Чисто интеллектуальное понимание законов развития ребенка не спасет нас от чувств досады или гнева, вызванных несоответствием поведения ребенка нашим представлениям или потребностям, особенно, когда оно ставит под угрозу действие наших защитных механизмов.

С детьми дело обстоит совершенно по-другому: отсутствие жизненного опыта — как негативного, так и позитивного — побуждает их проявлять терпимость по отношению к родителям. *Эта терпимость не знает границ.* Любовь не позволяет ребенку адекватно реагировать на осознанно или неосознанно жестокие поступки родителей. Они же,

пользуясь полнейшей безнаказанностью, зачастую творят с детьми что им заблагорассудится. Подтверждение тому — новейшие публикации, основанные на личном горьком опыте авторов. См., например, Ph. Ariès (1960), L. de Mause (1974), M. Schatzman (1978), I. Weber-Kellermann (1979), сборник под редакцией R.E. Helfer и С.Н. Kempe (1978).

Если раньше ребенка физически уродовали, эксплуатировали и чуть ли не открыто преследовали, то теперь измываются именно над его душой, называя это благозвучным термином «воспитание». У некоторых народов оно вообще начинается сразу после рождения ребенка, и потому нет никаких гарантий, что он в юном возрасте сумеет обнаружить истинное положение дел. Из-за своей зависимости от родительской любви он также едва ли сможет распознать истинную причину своего психического расстройства. Зачастую человек, привыкнув в раннем детстве идеализировать родителей, так до конца жизни и не поймет, что именно они причинили ему душевную травму.

Отец описанного Фрейдом параноика Шребера в середине XIX в. написал множество педагогических трактатов, необычайно популярных не только в Германии, но и за ее пределами. Многие его книги выдержали до сорока переизданий и были переведены на ряд иностранных языков. В них постоянно подчеркивалось, что начинать воспитывать ребенка нужно как можно раньше, приблизительно уже на пятом месяце. Дескать, только так «можно вырвать с корнем зло». С аналогичным мнением я сталкивалась, читая письма и дневники многих родителей. Любой мало-мальски сведущий человек сразу бы понял подлинные причины тяжких душевных заболеваний их детей, ставших позднее моими пациентами. Но сами родители вряд ли смогли извлечь для себя какую-либо пользу из этих дневников. Потребовалось провести долгий и глубокий психоанализ, чтобы они, наконец, должным образом восприняли описанные там события. Но сперва им потребовалось разорвать незримую связь с родителями и превратиться в людей, способных распоряжаться своей собственной судьбой.

Очень многие по-прежнему полагают: родители всегда правы и всякое совершенное ими — осознанно или неосознанно — по отношению к ребенку насилие есть лишь выражение их любви к нему. Этих людей сложно переубедить потому, что их представления обусловлены впечатлениями первых месяцев жизни, когда они еще не отделились от объекта любви.

Два характерных примера педагогических пособий доктора Шребера наглядно демонстрируют, как обычно происходит педагогический процесс:

«В качестве первых образчиков, на которых надлежит опробовать принципы духовного воспитания, нужно рассматривать беспричинные крики и плач, говорящие о проявлении младенцами своего настроения... При отсутствии какого-либо обременительного или болезненного состояния можно с твердой уверенностью сказать, что крик есть лишь

выражение *настроения или причуды*. Тут нам дети впервые показывают свой *нрав*. Ни в коем случае нельзя вести себя исключительно спокойно и выжидающе. Следует энергично противостоять этому, оказав на ребенка тем самым положительное влияние. Надо немедленно *отвлечь его, использовать суровые выражения, пригрозить ему и, наконец, громко постучать по кровати...* Если же это не поможет, надлежит перейти к мерам мягкого *физического воздействия*, применять которые следует, разумеется, вполсилы, но упорно и неоднократно, с небольшими перерывами, пока ребенок не успокоится или не заснет.

Достаточно всего лишь *один-два раза — больше не требуется — проделать такую процедуру, и ребенок навсегда окажется в вашей власти*. Отныне хватает *взгляда, слова, угрожающего жеста*, чтобы *повелевать* ребенком. Помните, что этим вы оказываете ребенку величайшее *благодетение*, ибо оберегаете его от мешающих дальнейшему развитию и преуспеванию волнений и тревоги, а главное, избавляете от тех томящих душу злых духов, которые со временем размножаются и легко становятся заклятыми и почти непобедимыми врагами человека» (Schatzman, 1978, S. 32).

Доктор Шребер даже не знает, что, в сущности, он борется с собственным желанием отомстить за зло, причиненное ему в детстве, но зло он вымещает на ребенке. Он твердо убежден, что использует власть исключительно в интересах ребенка:

«Если родители не изменяют себе, в награду между ними и ребенком *установятся настолько прекрасные отношения*, что сыном или дочерью можно будет *повелевать одним только взглядом*» (там же, S. 36). (Курсив здесь и далее мой. — А. М.)

Воспитанные таким образом дети даже в зрелом возрасте зачастую позволяют манипулировать собой. Для этого достаточно лишь «по-дружески» поговорить с ними.

Часто спрашивают, почему в «Драме одаренного ребенка» я так много внимания уделяю матерям и так мало — отцам. Просто словом «мать» я обозначаю личность, на которой в основном сосредоточены интересы ребенка на первом году его жизни. Такою отнюдь не обязательно является его биологическая мать и вообще женщина.

Для меня очень важно было указать в предыдущей книге на следующее обстоятельство: брошенные на младенца укоризненные и презрительные взоры могут в дальнейшем вызвать уже у взрослого человека такие психические расстройства как, например, склонность к извращениям и невроз навязчивого состояния. В семье Шреберов именно отец «устремлял повелительные взоры» на сыновей в младенческом возрасте. Впоследствии оба сына страдали манией преследования.

Ранее я никогда не занималась социологическими концепциями роли отца или матери в воспитании детей.

В последние десятилетия значительно увеличилось число отцов, взявших на себя выполнение позитивных материнских функций. Они

относятся к детям с нежностью, теплотой, прекрасно понимают и чувствуют их потребности. В отличие от патриархата, мы находимся теперь на уровне общественного развития, позволяющем проводить здоровые эксперименты с переменами социальных ролей отца и матери. Поэтому мне трудно говорить об этих ролях, не прибегая к устаревшим нормативным категориям. Могу только сказать, что для так необходимой в жизни ребенка эмпатии подходят *и отец, и мать*. Ни отец, ни мать не должны ни в коем случае управлять детьми.

В первые два года жизни ребенка с ним можно делать что угодно: корежить его натуру, полностью распоряжаться им, прививать ему полезные привычки, жестоко наказывать его. С воспитателем ничего не произойдет. Ребенок не будет ему мстить. Несправедливые поступки, однако, не повлекут за собой тяжкие последствия для ребенка, если он будет защищаться, т. е., если ему позволят *выражать боль и гнев*. Но если ему не позволяют *нормально реагировать*, если родители терпеть не могут, когда он кричит, плачет или негодует, и сразу же бросают на него суровые взгляды или в духе укоренившейся педагогической традиции *запрещают ему вести себя естественно*, тогда ребенок постепенно научится молчать. *Его молчание*, правда, подтверждает эффективность применения традиционных методов воспитания, но одновременно оно таит в себе *опасность, способную предопределить дальнейшее развитие человека*. *Отсутствие адекватных реакций* на обиды, унижения и насилие в самом широком смысле слова может привести к разрушению личностной структуры и подавлению определенных эмоций. Потребность выражать эмоции останется, но надежда на ее удовлетворение пропадет. Именно подсознательное ощущение душевной травмы *при отсутствии надежды* на исцеление является первопричиной многих тяжелых психических заболеваний. Неврозы, как известно, порождены не событиями реальной жизни, а синдромом вытеснения в подсознание, невозможностью выражать отрицательные эмоции, что само по себе трагично. Я попытаюсь доказать, что эта невозможность приводит не только к появлению неврозов.

Воспрепятствование удовлетворению ребенком своих импульсивных потребностей через бурный эмоциональный всплеск есть только элемент системы, направленной на подавление обществом индивидуума. Но т. к. оно начинается не в зрелые годы, а уже с первых дней жизни и исходит от зачастую вполне доброжелательно настроенных родителей, сам индивидуум без посторонней помощи не способен увидеть последствия такого подавления. Ведь человек не может без зеркала разглядеть надпись у себя на спине. Поэтому психоанализ я сравниваю именно с зеркалом.

Аналитическая психотерапия продолжает оставаться привилегией немногих, ее эффективность часто оспаривают. Но когда неоднократно видишь, какие силы пробуждаются в самых разных людях при устранении последствий воспитания, когда видишь, как эти дремлющие силы

повсюду используются в деструктивных целях, чтобы уничтожить жизненное начало в себе самом и других людях, ибо оно считается злым и ущербным, тогда у тебя возникает желание поделиться с обществом своими знаниями, почерпнутыми из многочисленных *психоаналитических* ситуаций. Пока, однако, остается без ответа вопрос, насколько удачным окажется это мое начинание. Во всяком случае, общество вправе — если такое вообще возможно — знать, что происходит в кабинетах врачей-*психоаналитиков*. Ведь результаты их деятельности затрагивают всех нас, а не только частную жизнь душевнобольных или просто запутавшихся в жизни людей.

РАССАДНИКИ НЕНАВИСТИ (ОБЗОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ ЗА ДВА СТОЛЕТИЯ)

На протяжении довольно длительного времени я постоянно спрашиваю себя, что мне следует предпринять, дабы в наглядной форме показать, как жестоко поступают с детьми уже в самом начале их жизненного пути, и как это отражается на обществе в целом. Причем апеллировать я хотела бы не к разуму, а к чувствам. Я также часто размышляю над тем, как мне довести до сознания читателей мысль о необходимости проделать мучительную работу над собой с целью восстановить в памяти и заново пережить эпизоды первых детских месяцев и лет. Трудности поиска доступной манеры изложения усугубляются извечным конфликтом: с одной стороны, нельзя забывать о врачебной тайне, с другой — я убеждена, что обнаруженные мной закономерности не должны быть достоянием узкого круга посвященных лиц. Ко всему прочему я знаю, что у многих читателей, никогда не контактировавших с психотерапевтом, включаются защитные механизмы и возникает чувство вины, когда речь заходит о насилии по отношению к другим людям: они еще не могут в полной мере прочувствовать скорбь. А без эмоциональных переживаний грустные размышления бесполезны, если не вредны.

Мы настолько привыкли воспринимать услышанное как указание или нравоучение, что иногда даже не в состоянии усвоить информацию, ибо относимся к ней как к упреку. Когда нас еще на ранней стадии развития обременяют моральными нормами (а иногда и навязывают их), тогда мы с полным правом отвергаем новые требования. Любовь к ближнему, самоотверженность — как красиво звучат эти слова и какая жестокость может скрываться за ними, если эти понятия *навязываются* ребенку, да еще когда ему пока даже не дано понять, что значит любить ближнего своего. Принуждение способно только убить зачатки этой любви, и бесполезно потом всю жизнь заставлять себя любить. Здесь уместно сравнение с твердой каменной почвой, на которой ничто не может прорасти. Остается лишь надежда добиться любви от собственных детей путем их воспитания в соответствующем духе. Ведь в процес-

се воспитания можно безжалостно предъявлять к детям все новые и новые требования.

На этом основании я хотела бы воздержаться от нравоучений. Я *не собираюсь* открыто призывать к каким-либо поступкам или к отказу от них, т. к. считаю такие призывы совершенно бессмысленными. *Задача моя* заключается в том, чтобы *раскрыть истоки ненависти* и выяснить, почему лишь немногим дано *увидеть их*.

Когда я начала заниматься этой проблемой, мне в руки попала книга Катарины Рутшки «Черная педагогика» (Katharina Rutschky, «Schwarze Pädagogik»). Общая направленность представленных в ней педагогических трактатов, как, впрочем, и подробно описанные воспитательные приемы, подтверждают выводы, к которым я пришла за время занятия психоанализом. Поэтому я решила привести несколько отрывков из этой превосходной, однако весьма объемной книги, чтобы читатель с их помощью самостоятельно ответил на поставленные мной вопросы. Называю их в следующем порядке: Как воспитывались наши родители? Как они обращались с нами? Как им следовало к нам относиться? Заметили ли мы в детстве какие-либо негативные моменты в их отношении к нам? Сумели ли мы по-другому отнестись к своим детям? Можно ли вообще разорвать этот порочный круг? И, наконец, смягчается ли наша вина, если мы и дальше будем делать вид, что ничего не происходит?

Вполне вероятно, что я стремлюсь к достижению невозможного или даже совершенно ненужного. Ведь, если человек не желает что-либо замечать, то он просто вынужден отгораживаться от этого любыми приемлемыми для него способами. Если же то, что я хочу сказать, он узнал уже раньше, я ему не нужна. И все же я не отказываюсь от своего намерения. Имеет смысл попытаться установить контакт с читателями, хотя очень немногие из них способны извлечь пользу из приведенных ниже цитат.

В них, на мой взгляд, разоблачаются педагогические методы, в той или иной степени сделавшие эмоционально невосприимчивыми не кого-то чужого, а *всех нас* и в первую очередь наших родителей, дедушек и бабушек.

Я намеренно пишу «разоблачаются», хотя эти трактаты вовсе не хранились за семью печатями, а, напротив, выходили большими тиражами, что свидетельствует об их необычной популярности. Но наш современник может обнаружить в них сведения, касающиеся непосредственно его и оставшиеся недоступными его родителям. После прочтения этих трактатов у него может возникнуть чувство сопричастности к некоей тайне, может даже показаться, будто он открыл нечто новое, но почему-то давно и хорошо ему знакомое — то, что не только скрывало от него прежнюю жизнь, но и в значительной степени определяло жизнь сегодняшнюю. Именно такие ощущения возникли у меня при чтении «Черной педагогики». Теперь я отчетливее вижу воздействие этой педагогики на многие психоаналитические концепции, поведение

политических деятелей и различные условности повседневной жизни, вынуждающие человека вести себя соответствующим образом.

Наибольшее беспокойство у педагогов издавна вызывали «строптивость» детей, их своенравие, упрямство и неумение сдерживать свои чувства. Они постоянно подчеркивали, что с самого раннего детства нужно заставлять ребенка слушаться взрослых. В качестве примера мы приводим следующие высказывания Й. Зулцера:

«Что же касается *своенравия*, то оно вполне естественным образом проявляется уже в первые годы жизни, когда дети начинают активно выражать жестами свои требования. Они видят какую-нибудь вещь, им очень хочется ее заполучить, и, когда им ее не дают, они приходят в ярость и начинают кричать и биться в истерике. Бывает и так, что детям, например, дают то, что им не нравится, и они с диким криком отшвыривают этот предмет в сторону. Такие *выходки* очень опасны, т. к. ставят под угрозу срыва весь воспитательный процесс и не позволяют развиваться хорошим качествам. Своенравие и нетерпимость — вот главные враги правильного воспитания. Как только у ребенка проявляется склонность к этим порокам, *самое время дать отпор злу*, иначе оно войдет в привычку, укоренится в характере детей и окончательно испортит их.

Поэтому я советую всем, кто собирается воспитывать детей, стремиться *прежде всего к изгнанию духа непослушания из них* и не останавливаться до тех пор, *пока эта цель не будет достигнута*. Поскольку, как я уже отмечал выше, дети просто не *могут осознавать причины своего поведения*, охоту к своеволию у них следует *отбивать чисто механическим способом*. Это означает, что их нужно держать в строгости. Любые послабления здесь неуместны. Если дети хоть раз увидели, что злобой и криками могут добиться своего, они снова прибегнут к этим испытанным средствам. В конце концов, они начинают повелевать родителями и прислугой, характер у них все более ухудшается, становясь невыносимым, они становятся злыми, упрямыми, и превращают жизнь отца и матери в ад. Если же родители не дают спуска детям и *вовремя прибегают к порке*, их сыновья и дочери *вырастают послушными и покладистыми людьми*, способными также дать хорошее воспитание своим детям. При воспитании необходим неустанный труд, итогом которого должно стать полное избавление ребенка от своенравия. Никто не должен думать, что ему удастся добиться успехов в воспитании, не устранив своенравие и нетерпимость, ибо без этого как раз невозможно заложить основы воспитанности.

Итак, борьба с этими двумя пороками — главная задача воспитания ребенка *на первом году жизни*. На втором и третьем году жизни, когда он уже начинает мыслить и говорить, следует расставить акценты воспитания по-другому. Однако это сделать можно будет лишь после того, как *удалось побороть своенравие и нетерпимость*. Наша основная обязанность — воспитать своих детей добропорядочными и добродетель-

ными людьми. Об этом родители никогда не имеют права забывать. Они должны *использовать любую возможность, чтобы воспитывать своих детей*. При этом они должны четко представлять себе конечную цель воспитания — добродетельный характер своего ребенка. Поэтому родители, в первую очередь, должны привить детям любовь к порядку, т. к. без него немислима никакая добродетель. Это можно осуществить в первые *три года*, опять же механическим путем. Во всем от детей следует требовать соблюдения определенного порядка. Дети должны опрятно одеваться, быть аккуратными при еде и питье, ложиться спать в положенные часы. Вообще, весь их быт должен быть упорядочен, и его ни в коем случае нельзя даже чуточку изменять в угоду их своенравию или причудам, дабы дети сразу же начали учиться жить по правилам. Упорядоченный образ жизни, бесспорно, окажет влияние на склад характера, и дети, с ранних лет привыкшие жить в соответствии с твердо установленными правилами, *сочтут их вполне естественными, не зная, что без искусства воспитания здесь не обошлось*. Любые перемены в распорядке ребенка ради удовлетворения его прихотей неизбежно вынудят нас и дальше идти на уступки. Ребенок придет к выводу, что распорядок не так уж и важен, что им всегда можно пожертвовать в угоду той или иной прихоти. Однако такие представления будут иметь фатальные последствия в моральном плане, ибо, как я уже отмечал, без порядка нет добродетели. Поэтому детям нужно постоянно внушать, что распорядок жизни незыблем. [...]

Далее нужно приложить все усилия к тому, чтобы ребенок уже на втором и третьем году жизни научился беспрекословно слушаться родителей и вообще взрослых и принимал бы любые их поступки. Умение подчиняться — важное качество, которое обеспечивает не только успех воспитания, но и успех в самостоятельной жизни. Ребенок, привыкший повиноваться родителям, став хозяином своей судьбы, будет жить по законам разума, *т. к. не знал и не узнает, что такое жить по своей воле*. Можно сказать, что *воспитание послушания — суть любого воспитания*. Повсеместно признано, что высокопоставленные особы, предназначенные повелевать целыми государствами, с детства должны привыкнуть к послушанию, иначе им не усвоить искусство управления. И это не случайно, ибо, научившись повиноваться родителям, человек будет повиноваться и закону, а без этого немислим правитель. И так, после того, как в первые два года нам удалось побороть своенравие и нетерпимость, нужно сделать акцент на воспитании послушания, что само по себе непростая задача. Вполне естественно, что душа жаждет свободного волеизъявления, но *если в первые два года не найти к ней правильного подхода*, впоследствии будет крайне затруднительно достичь поставленной цели. *Преимущество первых двух лет, помимо всего прочего, в том, что в этом возрасте возможно насилие и принуждение. С годами дети забывают обо всем, что с ними произошло в раннем детстве*. Если их тогда лишили воли, они уже не вспомнят, что

когда-то имели ее, поэтому строгость, без которой не обойтись, не повлечет за собой дурных последствий.

Таким образом, как только ребенок начнет воспринимать окружающий мир, т. е. *практически сразу после рождения*, необходимо, используя вербальные и невербальные средства, требовать от него послушания. *Послушание состоит в том, что дети, во-первых, охотно делают то, что им приказывают, во-вторых, не делают того, что им запрещают, и, в-третьих, внутренне принимают любые указания взрослых»* (J. Sulzer, Versuch von der Erziehung und Unterweisung der Kinder, 1748–(2), цит. по: Katharina Rutschky, «Schwarze Pädagogik», S. 173).

Просто поразительно, какими психологическими знаниями обладал этот педагог, живший более 200 лет назад. Действительно, с годами дети забывают о том, что произошло в раннем детстве. Как совершенно справедливо замечает Й. Зулцер, «если их тогда лишили воли, они уже не вспомнят, что когда-то имели ее». Но вывод, который он делает — «поэтому строгость, без которой не обойтись, не повлечет за собой дурных последствий», — все же неверен.

Наоборот, юристы, политические деятели, врачи, психиатры и тюремные надзиратели, в большинстве случаев не сознавая этого, всю свою жизнь сталкиваются именно с *дурными последствиями* такого воспитания. Психоаналитику требуются годы, чтобы подобраться к их истокам. Впрочем, успешная психотерапия дает пациенту возможность полностью от них избавиться.

Несведущие люди постоянно утверждают, что у одних тяжелое детство не приводит к появлению неврозов, а другие, хотя и выросли в «теплых условиях», страдают психическими заболеваниями. Тем самым они отрицают влияние родителей и сводят всю проблему к врожденной склонности к невротическим состояниям.

Приведенный выше отрывок помогает понять причину этих заблуждений, которые характерны (и не могут быть не характерны) практически для всех слоев населения. Неврозы и психические расстройства не являются прямым следствием фрустрации, они — проявление синдрома вытеснения в подсознание когда-то перенесенных душевных травм. Если детей достаточно рано начать *воспитывать так, чтобы они не замечали*, что взрослые используют их в своих целях, и ничего толком о себе не знали, в зрелом возрасте они, несмотря на весь свой интеллект, становятся слепыми исполнителями чужой воли, воспринимая ее как свою собственную. Если же ребенок пережил голод, бомбежку, если его семья была вынуждена разделить участь беженцев, но при этом родители относились к нему как к автономной личности, с должным уважением, реальный кошмар никогда не приведет к психическому заболеванию. Воспоминания о пережитом ужасе могут даже обогащать внутренний мир.

Следующий пассаж из произведения Й. Крюгера показывает, почему для воспитателей так важно побороть в детях «строптивость»:

«На мой взгляд, детей никогда нельзя бить за ошибки, совершенные из-за слабости характера. Единственный порок, заслуживающий побоев,— это *строптивость*. Не следует бить ребенка за плохую оценку в школе, за то, что он упал на улице, по небрежности что-нибудь разбил, если он почему-либо плачет. Но если он что-нибудь делает *назло*, то его *следует* бить и за более мелкие прегрешения. Если сын *назло* вам не хочет учиться, если он намеренно плачет или *назло* вам портит какую-либо вещь, *тогда бейте его и пусть он кричит: „Не надо, папа, не надо!“* Ведь столь откровенное *непослушание есть не что иное, как объявление вам войны*. Ваш сын *хочет лишить вас власти, и вы вправе в ответ применить силу, чтобы укрепить свой авторитет*, без которого ни о каком воспитании даже речи быть не может. Роль физического наказания не стоит недооценивать: оно должно *убедить вашего сына в том, что отныне вы повелитель*. Поэтому его нужно бить до тех пор, пока он не выполнит требуемое. Если вы отступитесь прежде этого, то дадите возможность его сердцу возликовать от ощущения победы над вами, и тогда уже даже порка не поможет, ибо ребенок будет чувствовать себя вашим господином. Стоит ему хоть раз признать себя побежденным и смириться, он никогда больше не осмелится бунтовать. Наказывая ребенка таким образом, однако, следите за тем, чтобы самим не попасть во власть гнева. *Ребенок достаточно проницателен, и ваше наказание в этом случае он будет рассматривать как проявление гнева, а не как средство достижения справедливости*. Так что если вы чувствуете, что не в состоянии сдержаться, поручите порку кому-нибудь еще, но потребуйте от него не прекращать экзекуцию до тех пор, пока ребенок не исполнит вашу волю и не придет к вам просить прощения. Как правильно писал Лаке, не следует говорить ребенку, что вы его не прощаете, однако *не следует его прощать сразу, прощение следует обставить рядом условий*. В первую очередь ребенок должен *полным повиновением загладить вину* и всем своим поведением доказать, что готов находиться от вас *в полной зависимости*. *Если детей воспитывать с известной долей ума, то это в дальнейшем почти избавит вас от необходимости прибегать к столь суровым мерам*. Но если дети проявляют своенравие, без телесных наказаний нельзя достичь дисциплины. Порой, однако, если дети честолюбивы, даже при совершении тяжких проступков можно обойтись без побоев, но *в назидание следует заставлять детей ходить босиком, голодать или прислуживать за столом*. Любое другое наказание также возможно, но оно обязательно должно *причинять ребенку боль*» (J.G. Krüger, Gedanken von der Erziehung der Kinder, 1752, цит. по: Rutschky, S. 170).

В этом сочинении автор излагает свою позицию еще достаточно открыто. В новейших педагогических трактатах притязания родителей на безраздельную власть над детьми уже довольно ловко завуалирова-

ны. Их авторы разработали набор утонченных аргументов, доказывающих необходимость телесных наказаний ребенка ради его же блага. Современные педагоги уже не употребляют таких выражений как «повелитель» или «полная зависимость», обнажающих суть «черной педагогики». Однако истинные мотивы, побуждающие родителей причинять своим детям физические страдания, остались прежними. В свое время они утратили власть над отцом и матерью и теперь хотят обрести власть над собственными отпрысками. *Ту опасность, которая исходила от их родителей и которую они успели забыть (см. у Зульцера), они почувствовали вновь, но теперь в качестве источника этой опасности они рассматривают своих детей и решительно защищаются.* Механизм этой защиты постоянно совершенствуется на протяжении поколений. Родители бьют детей и издеваются над ними *всегда* потому, что это нужно им, потому что они хотят защититься, однако общество не сомневается в том, что они делают это, поскольку желают детям добра. Уже то обстоятельство, что сторонники насилия над детьми слишком уж тщательно аргументируют свою позицию, заставляет усомниться в чистоте их помыслов. Как бы ни были изощрены эти аргументы, передаваемые из поколения в поколение, они противоречат всему накопленному опыту психологических наблюдений. Почему же имеет место такое массовое заблуждение?

Видимо, оно имеет причины, лежащие глубоко в эмоциональной сфере человека. Ведь никто бы не смог на протяжении длительного срока возвещать «истины», противоречащие законам природы (например, что для ребенка полезно зимой расхаживать в купальном костюме, а летом надевать шубку). Рано или поздно такого человека неизбежно подняли бы на смех. Но считается вполне естественным оправдывать побои, унижения и чрезмерную опеку, используя такие специально подобранные термины как «наказание», «воспитание» и «наставление на путь истинный». Выдержки из «Черной педагогики» позволяют увидеть, какую выгоду извлекает педагог из этой идеологии. Ведь именно благодаря ей он способен удовлетворить свои скрытые потребности. Этим объясняется также яростное сопротивление усвоению и использованию сведений о закономерностях человеческой психики, полученных в последние десятилетия.

Во многих книгах подробно рассказывается о вредных и жестоких методах воспитания. Среди их авторов такие достойные люди, как, например, Б. фон Браунмюль, Л. де Моз, К. Рутшки, М. Шатцман, К. Циммер (B.E. von Braunmühl, L. De Mause, K. Rutschky, M. Schatzman, K. Zimmer). Почему же в обществе господствует прежняя точка зрения? Я лично полагаю, что, хотя причины такого отношения к детям могут быть сугубо индивидуальны, основная причина кроется в стремлении взрослых к осуществлению абсолютной власти над ребенком. Лишь эту власть можно осуществить скрыто и абсолютно безнаказанно. Стремление к осуществлению этой власти — *универсальная психологическая*

закономерность. Никто из нас, на первый взгляд, не заинтересован в том, чтобы открыть и осознать ее. (Действительно, кто откажется от возможности дать волю накопившимся эмоциям, «выпустить пар», тем более, что изощренная система педагогической аргументации позволяет сохранять чистую совесть?) Однако откровенный разговор об этом неизбежен, если нас хоть немного волнует судьба последующих поколений. Ведь сейчас одним нажатием кнопки можно уничтожить миллионы людей, и потому общество должно знать *всю правду о том*, откуда у человека появляется желание посягнуть на жизнь великого множества своих сородичей. Помимо телесных наказаний, которые *всегда* унизительны, ибо ребенок ничего не может им противопоставить, более того, ожидается, что он должен быть родителям за них благодарен, имеются гораздо более утонченные, трудно распознаваемые ребенком и потому гораздо более губительные для детской души формы насилия. Давайте мы, взрослые, попробуем понять, что чувствует ребенок, воспитанный по системе П. Вильома:

«Застигнутого за совершением известного неблагоприятного деяния ребенка нетрудно *заставить признаться во всем* — ведь его видели за совершением этого деяния. Но я бы предложил предпринять несколько обходных маневров.

Например, скрыв то, что вы знаете, расспросить ребенка о его болезненном состоянии, а затем обратиться к нему со следующими словами: «Теперь ты видишь, дитя мое, что мне известны твои страдания. Скажу больше, мне даже известно, что в дальнейшем они умножатся. И потому слушай меня внимательно. Кожа на твоём лице станет дряблой и приобретет коричневый оттенок, на лице появятся нарывы. Руки у тебя будут дрожать, глаза потускнеют, рассудок и память ослабеют, ты потеряешь сон и аппетит, забудешь, что такое радость жизни».

Вряд ли хоть один ребенок не испугается таких речей. Далее: «А знаешь ли ты, откуда происходят твои страдания? Безусловно, нет, *но зато я знаю. Ты сам в них виноват! Я знаю, что ты хотел от меня скрыть*».

И если ребенок не сделался совсем уж упрямым, он непременно расплатится и признает свою вину.

Есть еще один способ заставить ребенка говорить правду. Я почерпнул его из собрания педагогических трактатов.

Я обращаюсь к мальчику, страдающему эпилепсией: — Эй, Генрих, твои припадки меня очень тревожат. Не могу понять, в чем их причина. Можешь ты мне ответить?

Генрих: — Нет, я тоже не знаю. (Конечно, он не знает, ведь во время припадка он теряет сознание.)

Я: — Странно. Может быть, ты, перегревшись на солнышке, сразу выпил холодной воды?

Генрих: — Нет, Вы же знаете, что я уже давно не хожу гулять самостоятельно, а только с Вами.

Я: — Странно. Мне, правда, известна грустная история об одном двенадцатилетнем мальчике (Генриху столько же). Представляешь, он так же бился в судорогах, как и ты, и в конце концов умер. (Я описываю при этом внешность «другого мальчика», такую же как у Генриха.) У него были такие же припадки, как у тебя, кроме этого, ему казалось, что его кто-то щекочет.

Генрих: — Боже мой! Но ведь я не умру? Ведь у меня такие же ощущения.

Я: — Время от времени у него от щекотки захватывало дух.

Генрих: — У меня тоже так бывает. Разве Вы не видели? (По этой реплике видно, что ребенок действительно не понимает, в чем причина его страданий.)

Я: — От щекотки он просто покатывался со смеха.

Генрих: — Мне так страшно... Впору бежать от самого себя. (Этот смех воспитатель придумал, по-видимому, чтобы скрыть свои намерения. По-моему, этого ему делать не следовало бы. — Прим. П. Вильома.)

Я: — Это продолжалось некоторое время, затем у него начался такой сильный припадок смеха, что он задохнулся и умер. (На протяжении всего разговора я сохраняю полнейшее спокойствие, мое лицо и жесты выражают дружеское участие.)

Г.: — Он умер от смеха? Но ведь так не бывает?

Я: — Почему же? Бывает. Разве у тебя от сильного смеха не щемит в груди и не выступают слезы на глазах?

Г.: — Да, так оно и есть.

Я: — Ну а если это состояние продолжалось бы достаточно долго, ты уверен, что ты бы его выдержал? Тебе не приходилось выдерживать это состояние достаточно долго, т. к. твой смех был вызван внешним раздражителем. Как только человек, предмет или ситуация, вызвавшие твой смех, переставали казаться тебе смешными или просто исчезали, ты мог прекратить смеяться. С несчастным мальчиком дело обстояло совершенно по-иному, будто ему кто-то теребил или щекотал нервы. Поэтому он не мог прекратить смеяться. Вот истинная причина его смерти.

Г.: — Бедный мальчик! Как его звали?

Я: — Генрих... (Он замирает, я продолжаю равнодушным тоном.)
Сын купца из Лейпцига.

Г.: — Да-а... А в чем была причина этого? (Вот этого-то вопроса я и ждал! До сих пор я ходил по комнате взад-вперед, а теперь я останавливаюсь и смотрю ему прямо в лицо, чтобы видеть все, что с ним происходит.)

Я: — А как ты сам думаешь, Генрих?

Г.: — Не знаю.

Я: — Вот что я скажу тебе. (Стараюсь говорить медленно, выделяя каждый слог.) Генрих видел, как другой мальчик сознательно щекотал свои чувствительные нервы, делая при этом странные гримасы. Не зная, что этим он вредит себе, он стал подражать ему, испытывая при этом

необычайное наслаждение. Постоянно щекоча свои нервы, он ослабил их, что и должно было привести к смерти. В итоге он сам убил себя. (На щеках Генриха выступает багровый румянец, он явно растерян.) Что с тобой, Генрих?

Г.: — Нет, ничего.

Я: — Опять приступ?

Г.: — Нет-нет! (После паузы.) Можно я пойду?

Я: — Но почему, Генрих? Разве тебе со мной плохо?

Г.: — Нет, нет, что Вы! Но...

Я: — Что?

Г.: — Ничего.

Я: — Послушай, Генрих, я твой друг, не так ли? Тогда говори правду и ничего не скрывай от меня. Почему история про несчастного мальчика тебя так встревожила? Почему ты так покраснел?

Г.: — Я? Нет, не знаю... Мне просто стало жаль его.

Я: — И все? Нет, Генрих, твое лицо выдает тебя. *Скажи лучше правду. И тогда ты станешь угоден Господу Богу, отцу нашему, и всем людям на Земле.*

Г.: — Боже мой... (Начинает громко плакать, я, не выдержав, всхлипываю, он хватается меня за руку и целует ее.)

Я: — Ты плачешь. Хочешь, объясню, почему ты плачешь? Ты понял, что вел себя, как тот несчастный мальчик, верно?

Г.: — Да-да-да, истинно так!

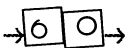
Второй метод предпочтительнее при воспитании детей *с мягким по-датливым характером*, первый же более жесток, агрессивен» (P. Villaume, 1787, цит. по: Rutschky, S. 19).

В данной ситуации ребенок не испытывает возмущения и не приходит в ярость, т. к. не понимает истинного предназначения педагогических действий. Зато в его душе зарождаются страх, стыд и *ощущение полной беспомощности*. Может быть, эти ощущения будут забыты, как только ребенок найдет жертву, на которую можно излить накопившиеся эмоции. Как и другие воспитатели, Вильом заботится о том, чтобы дети не разгадали сути его методов:

«Нужно иметь постоянный надзор за ребенком, *но он не должен замечать этого надзора*. Иначе он замкнется в себе, станет недоверчивым, и вам будет сложно что-либо с ним сделать. Деяние интимного свойства, о которых идет речь, детьми обычно скрываются из чувства стыда. Так что задача воспитателя отнюдь не проста.

Если за ребенком наблюдать (*всегда незаметно!*) в особенности в *укромных местах*, т. е. шанс застать его за совершением *этого деяния*.

Например, можно заставить ребенка лечь спать раньше, чем обычно. *Как только он заснет, можно осторожно снять одеяло*, чтобы посмотреть, как лежат руки — иногда положения рук вполне достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Так же можно поступить и утром, пока ребенок еще спит.

Если дети чувствуют или подозревают, что их действие предосудительно, то они испытывают стыд и обычно прячутся от взрослых. Поэтому целесообразно поручить наблюдение другу этого мальчика, а если речь идет о девочке, то подруге или проверенной прислуге. Естественно, однако, что наблюдающие должны знать суть порока, о котором идет речь, либо должны находиться в таком возрасте, что о сути этого порока их можно просветить без ущерба для их нравственности. Итак, наблюдающие должны *имитировать дружелюбное отношение к ребенку* (а, по сути, это и есть дружелюбное отношение, ибо невозможно оказать ребенку большей услуги, чем это наблюдение). Я бы порекомендовал, если вы вполне уверены в ваших помощниках и если это представляется целесообразным, устроить так, чтобы они *спали с ребенком в одной кровати*. В постели стыд и негодование быстро улечиваются. Во всяком случае, ребенок *быстро выдаст себя словами или делами* (P. Villeneuve, 1787, цит. по: Rutschky, S. 316).

Намеренное унижение, *удовлетворяющее тайные потребности воспитателя*, разрушает самосознание ребенка и замедляет его развитие, однако превозносится как благодеяние:

«Всем известно, что нередко воспитатели, выделяя подлинные или мнимые достоинства ребенка, зарождают и усиливают в нем излишнюю гордость за самого себя. Происходит это по очень простой причине: зачастую сами они, в сущности, просто большие дети, и души их переполнены такой же *гордостью*. [...] Необходимо избавить ребенка от нее, ибо как и другие формы себялюбия, *надменность несовместима с нравственным образом жизни*, не говоря уже о том, что такая манера поведения, несомненно, покажется другим неприятной или смешной. Кроме того, себялюбие ограничивает возможности воспитания, ибо ребенок полагает, что воспитатель ему совсем не нужен: ведь он же уже имеет те добродетели, которые ему стремятся привить. Принуждения будут истолкованы ребенком как признак чрезмерной тревоги воспитателя за него, порицания — как свидетельство излишней жестокости. *Помочь здесь может только приучение к смирению*. Но как можно добиться смирения? В первую очередь, конечно *не словами*. С помощью слов невозможно утвердить мораль, изжить аморальность; они лишь вспомогательный инструмент. Ни длинные назидательные речи, ни яростная брань, ни откровенные едкие насмешки не приведут к достижению цели. Чрезмерная назидательность скучна и действует отупляюще, а все другое способно лишь обозлить и подавить ребенка. Следует помнить, что жизнь наилучший учитель. Поэтому переполненному гордыней ребенку нужно *создавать жизненные условия*, дающие возможность *почувствовать собственное несовершенство*. Ребенку, который слишком гордится своими знаниями, следует дать *задание, с которым он пока еще не может справиться*, и пусть он пытается его выполнить — не нужно ему ни помогать, ни мешать; однако следует всячески пресекать его попытки решить задачу поверхностно, не докапываясь до сути.

Тому, кто чрезмерно гордится своим прилежанием, не следует спускать никакой мелочи, даже пропущенного или неправильно написанного слова в домашней работе; однако важно, чтобы ученик *не заподозрил вас в излишней пристрастности, не разгадал вашу цель*. Не менее действенны примеры из великого прошлого или из области изящных искусств, когда воспитатель рассказами о выдающихся деятелях заставляет своего подопечного сравнивать себя с ними. Талантливому ребенку следует привести примеры, из которых явствовало бы, что другие имели еще больший талант или даже, не имея никакого таланта, упорным трудом добились гораздо большего, чем их одаренные, но недостаточно прилежные товарищи. Не следует открыто проводить параллель между этими великими людьми и вашим воспитанником — пусть он это сделает сам. Сравнение, наверняка, будет не в его пользу. Наконец, хорошо бы ненавязчиво постоянно напоминать ребенку о бренности всего земного, чтобы удерживать его от погони за материальными благами. Полезно *иногда подвести ребенка к гробу с телом усопшего юноши, чаще рассказывать о крахе торговых домов и т. д. Такие наглядные примеры куда более эффективны, чем простые напоминания и упреки*» (K.G. Hergang, Pädagogische Realenzyklopädie, 1851, цит. по: Rutschky, S. 412).

Обходительность — это лишь маска, призванная скрыть холодный расчет и жестокость:

«Когда я однажды спросил школьного учителя, как ему удастся заставить детей слушаться, не прибегая к побоям, он ответил: я стремлюсь всем своим поведением убедить учеников в моем хорошем к ним отношении и, приводя наглядные примеры и рассказывая притчи, показываю, *что от непослушания один только вред*. Далее, я стараюсь поощрять *наиболее послушного, наиболее усердного* тем, что на уроках *отдаю ему предпочтение*, позволяя зачитывать вслух свое сочинение, спрашиваю чаще, чем других, прошу за меня сделать записи на доске. Таким образом я развиваю в других детях стремление к усердию, к послушанию: ведь каждому хочется, чтобы его выделяли. Провинившимся же я не даю возможности отличиться, не спрашиваю их и *делаю вид, будто вообще их нет в классе*. Дети *воспринимают такое обращение настолько болезненно, что порой даже плачут навзрыд*. Если же кто-либо окажется невосприимчив к столь мягкому наказанию, я, разумеется, бью его. Но сама *подготовка к экзекуции продолжается долго, что оказывается гораздо болезненнее самих побоев*. Я наказываю не тогда, когда ребенок провинился, а переносу кару *на второй или даже третий день*, получая тем самым целых два преимущества. Во-первых, я успеваю успокоиться и наказываю *с холодной головой*, и, во-вторых, провинившийся испытывает *десятикратно большую боль*, ибо страдает не только его спина, но и *душа, терзаемая муками ожидания*.

В назначенный день я сразу после утренней молитвы обращаюсь с проникновенной речью к детям и говорю, что с горечью в сердце вы-

нужден причинить боль одному из своих любимых учеников. И тут на глазах у *многих (не только провинившихся) выступают слезы*. По окончании речи я вновь усаживаю детей и начинаю урок. *Лишь после окончания занятий* я приказываю юному грешнику встать перед классом, объявляю приговор и спрашиваю мальчика сознает ли он свою вину? Если он говорит „да“, *я считаю в присутствии всего класса удары*, а затем говорю всем ученикам: „Как бы мне хотелось, чтобы мне никогда больше не приходилось бить ребенка“» (С.G. Salzmann, 1796, цит. по: Rutschky, S. 392).

В результате ребенок, чтобы выжить в этом мире, приспосабливается к нему, запоминает внешне любезную и даже дружелюбную манеру обращения взрослых с ним. Кроме этого, наступает полное смирение и «маленьким преступником» утрачивается способность спонтанно выражать свои естественные ощущения.

«Благословенны те родители и учителя, которые благодаря правильному воспитанию своих детей добились того, что их *совет воспринимается как приказ*. В этом случае крайне редко приходится прибегать к наказанию, а если уж оно неизбежно, то в качестве самых строгих мер наказания можно применить *лишение ребенка каких-либо приятных вещей (без которых он и так может обойтись)*, отказ от общения с ним, рассказ о его недостойном поведении тем людям, мнением которых ребенок дорожит и т. д. Но, к сожалению, так обстоит дело лишь в некоторых семьях. В остальных родителям приходится прибегать время от времени к более суровым наказаниям. Однако если вы хотите добиться от детей истинного послушания, наказывая их, вы должны следить за тем, чтобы выражение вашего лица и ваши слова были серьезными, но ни в коем случае не злыми и недружелюбными.

Наказывая ребенка, нужно быть серьезным и сосредоточенным. Сначала нужно объявить о предстоящей экзекуции, затем приступить к ней и не разговаривать с ребенком, пока не закончено наказание. По его окончании также не следует говорить с маленьким преступником, ибо пока он еще не в состоянии воспринимать новые советы и приказы. [...]

После телесного наказания боль продолжается, как правило, еще некоторое время. Естественно, что ребенку, ее испытавшему, нельзя запретить плач и стоны. Если же дети прибегают к плачу и крикам, чтобы отомстить вам, следует после наказания им предложить какое-нибудь занятие, чтобы они рассеялись. Если же и это не помогает, им надо запретить плакать после наказания и наказывать за слезы дополнительно, пока вы не добьетесь желаемого результата» (J.V. Basedow, Methodenbuch für Väter und Mütter der Familien und Völker. 1773—(3), цит. по: Rutschky, S. 391).

Итак, вслед за нормальной реакцией на боль — плачем — в ряде случаев следовало новое наказание. Для подавления чувств применялись разнообразные методы.

«Теперь давайте посмотрим, какие есть упражнения по подавлению эмоций. Каждый знает, как трудно противостоять выработавшейся вредной привычке: для этого нужны самопреодоление и упорство. Эмоции можно рассматривать как своего рода укоренившиеся привычки. Чем сильнее и настойчивее характер, тем упорнее человек будет преодолевать конкретные дурные привычки и наклонности. Таким образом, любые упражнения, заставляющие ребенка преодолевать себя, развивающие его упорство и настойчивость, могут использоваться для *борьбы с его дурными наклонностями*. Поэтому использование таких упражнений — *первейшая задача любого воспитателя*, что, к сожалению, еще мало кем осознается.

Подобных упражнений очень много. Дети часто выполняют их даже с охотой, если педагогу удастся найти к ним правильный подход, например, можно предложить выполнить упражнение именно в тот момент, когда у ребенка хорошее настроение. В качестве такого упражнения можно предложить ему выдержать в течение некоторого времени молчание. Спросите ребенка: ты можешь несколько часов молчать, не говоря ни слова? Постарайтесь его заинтересовать в этом упражнении и сделайте так, чтобы оно ему в первый раз удалось. После этого пытайтесь его всячески убедить в том, что преодолевать себя — это хорошо. Повторите упражнение, усложняя его, например, требуя все более длительного молчания или задавая ребенку во время молчания вопросы. Или сделайте так, чтобы ребенок в это время ощущал потребность в какой-либо вещи, но, естественно, не мог об этом спросить. Продолжайте это упражнение до тех пор, пока не убедитесь, что у ребенка выработался навык молчания. После этого попробуйте посвятить его в какую-либо тайну и проверьте, сможет ли он молчать и в этом случае. Итак, ребенок научился держать язык за зубами, и это делает ему честь, ибо он сможет преодолеть себя и в других ситуациях. Осознание этого ему приятно, и он охотно будет подвергать себя другим испытаниям. Важно научиться *отказываться от вещей, которые тебе нравятся*. Детям особенно приятны чувственные удовольствия. Проверьте, может ли ребенок от них иногда отказаться. Дайте ему его любимые фрукты и, как только он соберется их с аппетитом съесть, спросите его: «А ты можешь эти фрукты съесть завтра? А можешь ли ты кому-нибудь их подарить?» Далее усложняйте упражнение как описано выше. Дети любят движение, их трудно заставить сидеть на одном месте. Следовательно, их следует приучать и этому. Это тоже *важное упражнение на самопреодоление*. Если позволяет их здоровье, нужно подвергать испытаниям их тело: пусть они испытывают голод и жажду, переносят жару и холод, выполняют тяжелую физическую работу. Впрочем, к подобным испытаниям детей нельзя принуждать, они возможны только на основе добровольности, иначе они не дадут желаемого эффекта. Я гарантирую вам, что благодаря таким упражнениям дети станут сильными, мужественными, выносливыми, упорными и тер-

пеливыми, готовыми настойчиво работать над преодолением своих дурных наклонностей. Допустим, ребенок грешит чрезмерной говорливостью: все, что ему приходит на ум, ему надо обязательно высказать другим. С этой дурной привычкой можно бороться следующим способом. Сначала необходимо разъяснить ребенку всю порочность его поведения. Затем следует сказать ему: «А теперь проверим, сможешь ли ты побороть свою говорливость. Я буду считать, сколько раз ты сегодня начнешь говорить, предварительно не подумав». Таким образом, вам следует каждый день внимательно следить за ребенком, указывать ему на его прегрешения и тщательно подсчитывать их число. Если у ребенка хоть немного честолюбия, он приложит усилия, чтобы ему делали все меньше и меньше замечаний, и постепенно расстанется с дурной привычкой.

Мы рассказали об упражнениях общего характера, но кроме них необходимы и специальные, цель которых — научить ребенка *подавлять свои эмоции и порывы*. Впрочем, к ним следует переходить лишь после тех упражнений, о которых шла речь выше. Приведу лишь один пример таких упражнений, чтобы не утомлять читателя чрезмерным многословием. Допустим, что *ребенок слишком мстителен*, что мы ему в достаточной мере разъяснили, что мстительность — плохая черта характера, и он заверил нас, что готов с ней бороться. В этом случае его следует подвергнуть испытанию для того, чтобы проверить, готов ли он сдерживать свое слово. Но сначала предупредите его, чтобы он был начеку и при появлении озлобленности был готов подавить ее. Затем *найдите кого-нибудь, кто бы по вашей просьбе причинил ему душевную боль в самый неожиданный момент*. Посмотрите, как он отреагирует на причиненную обиду. Если он докажет, что научился преодолевать себя, его следует похвалить, дав ему возможность почувствовать то громадное удовлетворение, которое дает человеку самопреодоление. После этого *испытание следует повторить*. Если же он не смог подняться над своими эмоциями, его следует *с любовью наказать* и дать ему наставление вести себя в следующий раз более достойно. Чрезмерная строгость не нужна. Можно использовать и поощрение того воспитанника, который справился с испытанием, в присутствии других детей.

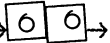
Во время этих упражнений не нужно создавать детям чрезмерных трудностей: им нужно помогать, настраивая их соответствующим образом на предстоящее испытание. Их нужно мотивировать, чтобы они выполняли эти упражнения без внутреннего сопротивления, не боялись трудностей. Повторяю, что эти упражнения должны выполняться на основе добровольности, при наличии у детей соответствующего желания. В противном случае они не дадут результата» (J. Sulzer, 1748—(2); цит. по: Rutschky, S. 362).

Воздействовать на ребенка начинали *в младенческом возрасте*, когда еще не начало формироваться его самосознание, что, естественно, роковым образом сказывалось на дальнейшем развитии.

«Есть еще одно важное правило, невыполнение которого приведет к плачевным последствиям. Даже оправданные желания ребенка следует выполнять *только тогда*, когда ребенок находится в хорошем расположении духа или хотя бы спокоен. *Никогда* не следует идти у него на поводу, если он кричит или каким-либо другим образом переходит в своем поведении границу дозволенного. Даже если, например, подошло время очередного кормления, подождите, пока он успокоится, *выдержите затем еще небольшую паузу и лишь после этого приступайте* к кормлению. Эта небольшая пауза необходима, ибо у ребенка не должно оставаться *и тени сомнения в том, что криком и неблагоприятным поведением он от взрослых ничего не добьется*. Наоборот, благодаря такой тактике ребенок уже в младенческом возрасте научится сдерживать (впрочем, пока еще бессознательно) свои эмоции и поймет, что лишь благодаря *выдержке, самопреодолению* можно чего-то добиться. Положительный стереотип поведения (как, впрочем, и отрицательный) вырабатывается на удивление быстро. И если он возник, то воспитателю удалось добиться уже весьма многого, ибо выработавшаяся в детстве привычка *сохранится надолго и будет определять многие аспекты дальнейшей жизни ребенка*. Очевидно, однако, что изложенные выше соображения (как и другие подобные крайне важные наставления) не могут быть применены на практике, если родители самоустраиваются от воспитания ребенка, доверяя его прислуге (что чаще всего и случается). По понятным причинам слуги часто не могут постичь глубинный смысл подобных наставлений.

Итак, после того как, благодаря использованию описанной методики, ребенок *научится терпеливо ждать*, следует перейти к выработке умения спокойно реагировать на *неосуществление своих желаний*. Как вы наверняка уже поняли, воспитатель должен быть готов противопоставить недозванным желаниям и требованиям ребенка свою железную волю независимо от того, будет ли исполнение этого желания иметь вредные последствия для ребенка. Никакие исключения недопустимы. Однако недостаточно просто отказаться выполнить просьбу. Необходимо, чтобы ребенок научился к этому спокойно относиться. В случае необходимости нужно воздействовать на ребенка с помощью убеждения или пригрозить ему. Опять же не стоит делать и малейших исключений (ибо они лишь разрушают систему воспитания); при этом выяснится, что формирование привычки пойдет легче и быстрее, чем полагает большинство воспитателей. *Дозволенные желания ребенка, однако, следует выполнять с готовностью*.

Лишь таким путем можно научить ребенка *управлять своей волей, подчинять ее внешним обстоятельствам* (что следует рассматривать как полезное, крайне необходимое умение), научить ребенка самостоятельно различать между дозволенным и недозванным. Идти по пути устранения внешних соблазнов, могущих породить недозванные желания, неверно, т. к. необходимо достаточно рано заложить основы

→ →

сильного характера и постоянно укреплять его — а это возможно лишь через постоянное упражнение. Если начать эти воспитательные мероприятия позже, то достижение цели осложнится. Кроме того, ребенок, не знакомый с такими методами, может в этом случае не принять их и обидеться на педагога.

Другое подходящее для этого возраста упражнение, призванное приучить ребенка отказывать себе в выполнении своих желаний заключается в следующем. Необходимо создавать ситуации, когда другие люди едят и пьют на виду у ребенка, он же должен подавлять возникающее у него естественное желание присоединиться к ним» (D.G.M. Schreber, 1858, цит. по: Rutschky, S. 354).

Ребенок должен с самого рождения учиться подавлять свое собственное Я. Цель — как можно раньше убить в нем все, что «не угодно Богу».

«В Писании сказано: „Преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется всякое Отечество на небесах и на земле“ (Ефесянам 3,15). Поэтому любовь родителей к детям — подобие и отражение любви Спасителя к нам. Помыслы о Нем рождают и подпитывают родительскую любовь. Итак, *любовь Всевышнего просветляет, очищает и усиливает естественную любовь родителей к своим детям.* Цель этой освященной именем Господа любви — освободить маленького человечка от власти плоти, обеспечить ему душевную гармонию, возвысить его над суетой, сделать его внутренне независимым от окружающего мира. Поэтому родители с самого начала *приучают ребенка к самопреодолению, подавлению своих порывов и самоконтролю*, дабы он не следовал слепо требованиям плоти, а подчинялся бы велению духа. Нужно быть то мягким, то жестким, то проявлять щедрость, то накладывая ограничения. Здесь не обойтись без *причинения боли ради священной любви.* Воспитателя можно уподобить врачу, вынужденному прописывать наряду со сладкими также и горькие лекарства, или хирургу, знающему, что его действия вызывают боль, и, тем не менее, делающему разрез, чтобы спасти жизнь человеку. И как тут не вспомнить мудрые слова царя Соломона из Библии: „Ударив ребенка розгами, ты спасешь его душу от геенны огненной“. Строгость в воспитании ребенка — отнюдь не самоцель, она не имеет ничего общего ни с аскетизмом стоиков, ни с соблюдением буквы государственного закона. Нет! Из-под внешнего покрова суровости, подобно солнцу из-за облаков, *просвечивают участие, доброжелательность, дружелюбность*, снисхождение, терпение. Родители, обладающие истинной любовью, могут быть и строгими. Но они всегда свободны и твердо *знают смысл всех своих поступков.* Истинная любовь — любовь, твердо знающая смысл всех своих поступков» (Enzyklopädie des gesamten Erziehungs und Unterrichtswesens, под редакцией К.А. Schmid, 1887—(2), цит. по: Rutschky, S. 25).

Поскольку воспитатель знает, что следует рассматривать как порок, а что — как добродетель, он борется с «пороками», в частности, со

склонностью к бурному выражению чувств, свидетельствующей о внутренней силе, желая «обуздать вспыльчивость».

«Порождениями внутреннего мира ребенка являются *вспыльчивость и вообще склонность к слишком бурной реакции на происходящее*. Эти внутренние качества ребенка *лежат на границе допустимого*, проявляясь в самых разнообразных формах. Если желание ребенка не удовлетворено сразу и непосредственно, то он начинает выражать неудовольствие, приводя в действие свои мускулы либо крича и плача. Для младенца, еще не умеющего говорить, характерен хватательный рефлекс. Так вот, стоит ему не получить какую-либо вещь или стоит родителям отобрать у него какой-либо предмет, он поднимает страшный крик, дергает руками, ногами. Это свидетельствует о том, что он склонен к вспыльчивости, *из которой естественным образом формируется злобность*. (Злобность — это извращение, заключающееся в том, что человек не только потерял способность к участию в других людях, но и радуется их горю и их боли.) Кроме того, у таких детей часто *развивается и мстительность*. Причина этого заключается в том, что ребенок *все чаще ощущает внутреннюю неудовлетворенность* в связи с тем, что не все его желания в силу объективных причин могут быть удовлетворены. Эта неудовлетворенность и находит свое выражение в мести (то есть в причинении своему ближнему боли и горя). Чем чаще человек получает удовлетворение от акта мести, тем больше вероятность того, что у него выработается потребность мстить другим людям всегда и везде, используя любые средства и возможности. Напомним, что эта пагубная потребность развивается на основе вспыльчивости, склонности и бурному выражению эмоций и должна компенсировать ребенку потерю внутреннего удовлетворения от исполнения своих желаний. Ребенок боится наказания за свою мстительность, поэтому в нем, естественно, пробуждается *лживость и хитрость*. Достаточно, чтобы он несколько раз обманул других — и вот уже эти качества вошли в его плоть и кровь. (Впрочем, таким же образом развивается и патологическая злобность, о которой уже шла речь, и склонность к воровству.) Попутно развивается и *упрямство*, еще одна порочная черта характера.

[...] Матери часто не могут эффективно бороться со склонностью к чрезмерно бурным реакциям. Между тем, именно они, как правило, воспитывают детей в раннем возрасте.

[...] Болезнь, тем более серьезную, всегда легче предупредить, чем лечить. Поэтому необходимо сделать упор на *тщательную профилактику*. Необходимо *лишить зло питательной среды*. Поэтому необходимо руководствоваться *следующим правилом, не терпящим исключений: следует по возможности не допускать влияния на ребенка любых обстоятельств, могущих привести к возникновению бурных эмоций, как положительных, так и отрицательных*» (S. Landmann, Über den Kinderfehler der Heftigkeit, 1896, цит. по: Rutschky, S. 364).

Здесь, как мы видим, автор перепутал причину и следствие: он предлагает бороться с тем, что вызвано применением его собственных педагогических методов. Подобные рассуждения встречаются не только на страницах трактатов по педагогике, ни и в трудах по психиатрии и криминалистике. На самом деле «пороки», которые предлагается выжигать каленым железом, есть не что иное, как реакция человеческой психики на подавление в ней эмоционального начала.

«[...] В школе *главное не преподавание, а дисциплина*. В педагогике есть незыблемый принцип: сперва воспитание, а уже потом обучение. *Приучение к дисциплине без обучения, безусловно, возможно, но нет обучения без дисциплины*.

Итак, мы придерживаемся следующей точки зрения. Обучение само по себе не есть приучение к дисциплине, не есть оно и нравственное стремление, но без дисциплины никакое обучение невозможно.

Средства обеспечения дисциплины должны быть соответствующими цели. Как мы уже отмечали, дисциплины можно *добиться делом, а не словом*, а уж если речь идет о слове, должна быть использована не форма наставления, а форма *приказа*.

«[...] Из вышеизложенного можно сделать еще один вывод. Дисциплина предполагает применение наказания. Да и в Ветхом Завете для обозначения понятий „дисциплина“ и „наказание“ используется одно и то же слово *tusar*. Воспитатель должен сломить волю воспитуемого, если воспитанник не в состоянии полностью контролировать эту волю своим сознанием и использует ее во вред себе и другим. *Дисциплина, выражаясь словами Шлейермахера, есть, по меньшей мере, воспрепятствование свободной жизнедеятельности и ограничение ее определенными рамками; здесь не обойтись без наложения частичного запрета на наслаждение жизнью*. Причем в ряде случаев речь идет о лишении человека духовных радостей. Так, например, согрешивший христианин может быть временно лишен права принимать участие в таинстве причастия, и этот запрет длится до тех пор, пока его воля соблюдать христианские нормы не окрепнет. *При приучении к дисциплине педагог никогда не сможет обходиться без телесных наказаний, и это проистекает из того толкования, которое мы дали понятию наказания выше*. Своевременное и ограниченное применение телесных наказаний является основой подлинной дисциплины, *ибо в первую очередь надлежит сломить власть плоти*. [...]

Там, где *не хватает авторитета педагога*, чтобы сохранить дисциплину, *на помощь приходит божественный авторитет, силой заставляющий* как отдельных людей, так и целые народы *искупать свою порочность»* (Enzyklopädie des gesamten Erziehungs und Unterrichtswesens, 1887–(2), цит. по: Rutschky, S. 381).

Моралисты и педагоги типа Шлейермахера не понимают или не желают понять, что «воспрепятствование свободной жизнедеятельности», необходимость которого ими неприкрыто признается и которое даже

рассматривается как добродетель, портит детскую душу и в ней уже не прорастает любовь к ближнему. К ней можно, правда, принудить (можно и розгами), но тогда это уже будет чистойшей воды лицемерие.

Рут Реманн описывает в своей книге «Человек на церковной кафедре» (Ruth Rehmann, «Der Mann auf der Kanzel», 1979) атмосферу в доме ее отца-священника.

«Детям в таких семьях говорят, что ценности, на которых они воспитываются, выше всех земных ценностей, поскольку имеют нематериальный характер. Поскольку дети убеждены в том, что им доступны высшие ценности, они ведут себя надменно, будучи уверенными в своей непогрешимости; чванство перемежается со смирением, которого ждут от детей взрослые, и, в конце концов, перемешивается с ним, входя в плоть и кровь ребенка. Любое действие (или бездействие) ребенка становится предметом оценки не только со стороны родителей, но и со стороны сверхъестественного существа, которое присутствует везде и повсеместно. Обидеть его — просто невозможно, расплата за это — муки совести. Поэтому гораздо легче во всем подчиняться родителям, „быть молодцом“, чтобы снискать любовь Всевышнего. Да, они именно так и говорят: „снискать любовь“; не „любить“, а „питать любовь“. Глагол „любить“ превращается в существительное, которому нужен вспомогательный глагол! Так у стрелы языческого бога они отламывают наконечник, а саму стрелу сгибают в обручальное кольцо. Опасный огонь любви теперь должен гореть лишь в семейном очаге. Впрочем, тот, кто хоть раз позрелся у этого очага, будет потом мерзнуть всю жизнь» (S. 40).

В итоге Рут Реманн делает следующие выводы:

«Нашему дому была присуща совершенно особая атмосфера пугающего одиночества, которое на первый взгляд на одиночество не похоже: ведь ребенок окружен множеством людей, желающих ему добра. Но одинокий человек не может приблизиться к ним, не посмотрев на них сверху вниз, как святой Мартин, сидящий высоко в седле, на жалкого бедняка. Можно попытаться *делать добро, помогать, дарить, советовать, утешать, наставлять, даже служить* — это не изменит ничего, ибо все эти действия лишены смысла по отношению к тому, кто находится волею судьбы наверху: он просто не в состоянии принять это добро, этот совет, это утешение, это наставление, даже если они ему крайне необходимы. В отношениях между святым Мартином и бедняком нет взаимности, при всей любви нет объективной сопричастности заботам другого. Как бы ни была велика нужда ближнего, *надменно-смирненный всадник не соизволит сойти со своего коня на грешную землю.*

Итак, это была особая атмосфера одиночества, при которой, несмотря на ежедневный мелочный контроль за соблюдением божьих заповедей, вполне можно было совершить грех, не понимая, что то, что ты делаешь, по сути греховно. *Ведь понимание того, что греховно, а*

что нет, возможно лишь на основе чувственного восприятия и анализа того, что тебя окружает, оно недоступно затворнику, умеющему вести теологические беседы, но не знающему реальной жизни. Камило Торрес¹ помимо теологии изучал также социологию, чтобы понять нужды своей паствы и действовать соответствующим образом. Церковь это не одобряла. Чрезмерная любознательность представлялась ей гораздо большим грехом, чем невежество. Церкви была более по нраву позиция тех, кто искал суть всего „в невидимом, а к очевидному относился как к несуществующему“» (S. 213).

Получается, что педагог достаточно рано должен погасить в ребенке интерес к знаниям. Это, между прочим, и залог успеха дальнейших педагогических действий.

«Ребенок: Откуда берутся дети, уважаемый господин учитель?

Гувернер: Они вырастают в теле матери и, как только не находят в нем места, начинают давить изнутри. При этом они выходят из тела матери примерно так же, как выходит из нашего тела излишняя пища в уборной. Матерям они, правда, причиняют сильную боль.

Ребенок: И тогда ребенок рождается?

Гувернер: Да.

Ребенок: Но как же ребенок попадает туда?

Гувернер: Этого никто не знает, известно лишь, что он в теле матери увеличивается в размерах.

Ребенок: Странно.

Гувернер: Ничуть. Смотри, вон там на одном месте разросся целый лес. Ничего в этом нет удивительного, ведь деревья растут из земли. Поэтому ни один разумный человек не удивляется тому, что ребенок вырастает в чреве матери.

Ребенок: А правда, что когда рождается ребенок, присутствует повивальная бабка?

Гувернер: Правда. Ведь мать испытывает такую сильную боль, что нуждается в помощи. Но ведь не каждая женщина имеет достаточно мужества смотреть на страдания другого, поэтому-то в каждой деревне и есть повивальная бабка, которая получает определенную сумму денег за то, что остается с матерью до тех пор, пока боль не утихнет. Впрочем, обмывать или переодевать покойника тоже будет не каждый. Поэтому за эту услугу тоже платят деньги.

Ребенок: Я хочу посмотреть на то, как рождается ребенок.

Гувернер: Если ты хочешь получить представление о страданиях матери, тебе необязательно присутствовать при родах. Ведь мать и сама не знает, в какую минуту начнется эта боль. Я лучше отведу тебя к доктору Р. Когда он отрезает пациенту ногу или извлекает из его тела камень, тот кричит и стонет как раз так, как матери во время родов.

¹ Колумбийский священник, примкнувший впоследствии к партизанской группировке маоистского толка. — Прим. пер.

[...] Ребенок: Мне мама недавно говорила, что *повивальная бабка* сразу узнает, кто родился: *мальчик или девочка. Как это возможно?*

Гувернер: Это очень просто. У мальчиков шире плечи и толще кости. А самое главное — их *ступни и ладони намного шире и не такие изящные*. Посмотри на свою сестру. Хотя она и старше тебя почти на полтора года, твоя ладонь намного шире, да и пальцы более толстые и мясистые. Они кажутся даже более короткими, чем у твоей сестры, хотя это не так» (J. Neusinger, 1801–(2), цит. по: Rutschky, S. 332).

С оглупленным такими ответами ребенком можно сделать все, что угодно.

«Вам совсем незачем говорить детям, почему вы не выполняете те или иные их желания. Иногда сообщать об этом им даже вредно. Даже если Вы готовы сделать желаемое, приучите их к тому, что они должны *уметь терпеливо ждать, довольствоваться лишь частью* того, что они желали себе, и *быть рады, если вместо ожидаемого благодеяния им окажут другое*. Если дети требуют недозволенного, сделайте так, чтобы это требование исчезло само собой, заняв их каким-либо делом либо удовлетворив какое-либо другое желание. *Во время еды, питья или игры* потребуйте от ребенка серьезным тоном на несколько минут *прерваться* и заняться другим делом. Если вы уже отказали ребенку в выполнении какой-либо просьбы, никогда не изменяйте своей позиции. Попытайтесь добиться того, *чтобы ребенок был доволен и вашим неопределенным ответом на просьбу о выполнении какого-либо желания*. Дав неопределенный ответ, запретите ребенку повторять просьбу, а *если он нарушит запрет, не выполняйте ее ни в коем случае*. Если вы не обещаете ребенку ничего определенного, то вы не обязаны и выполнять его желания. Впрочем, некоторые желания следует в таком случае все же выполнить, а другие — нет.

Если ребенка *тошнит от того или иного блюда*, выясните, какой конкретно продукт тому виной. Если речь идет о чем-либо экзотическом, то в этом нет большой беды, и приучать желудок к нему необязательно. Если же тошноту и рвоту вызывает употребление в пищу какого-либо обычного продукта, то спросите ребенка, что для него предпочтительнее: длительное время переносить голод и жажду или все же съесть предложенное блюдо. Если ребенок готов голодать, но никак не хочет есть то, что ему противно, *подмешивайте понемногу этот продукт в другие блюда*. Если ребенок их ест с охотой, уличите его в том, что он просто настроил себя соответствующим образом, и поэтому его тошнит. Если же и при употреблении малых доз этого продукта появляются тошнота и рвота, то не раскрывайте ребенку свой замысел, а продолжайте, невзирая на тошноту, действовать описанным способом, постепенно увеличивая количество подмешиваемого продукта. Если и это не поможет, то придется прекратить дальнейшие попытки, если же выяснится, что ребенок просто настроил себя против конкретного продукта или блюда, заставьте его длительное время голодать или приме-

ните к нему другие меры принуждения. Эти меры, однако, окажутся безрезультатными, если ребенок будет постоянно видеть, что его родители или воспитатели брезгуют тем или иным блюдом. [...]

Если родители или воспитатели не могут принимать горькое лекарство без гримас, то необходимо позаботиться о том, чтобы дети не были свидетелями этого. Наоборот, взрослые должны *притворяться, что принимают противные лекарства*, и подчеркивать, как стойко они это переносят — ведь не исключено, что такие лекарства придется принимать их детям. Большое подспорье в преодолении многих трудностей — *привычка детей к безусловному послушанию*. Известно, какие трудности возникают, если ребенку предстоит *хирургическая операция*. Если необходима только одна операция, то *маленьким детям о ней нельзя заранее говорить ни слова*, все приготовления от них нужно скрыть; пусть затем врач молча приступает к делу. И лишь по окончании операции следует сказать: «Дитя мое, ты теперь здоров. Боль скоро пройдет». Если же предстоит повторная операция, то трудно дать какие-либо советы общего характера, ибо все здесь зависит от конкретного ребенка.

Если дети боятся темноты, то в этом виноваты мы сами. Уже в *первые недели жизни* ребенка необходимо при кормлении в ночное время *иногда выключать свет*. Если этого не сделано, приучать ребенка к темноте следует постепенно. Выключив свет, следует включать его не сразу и постепенно увеличивать время нахождения ребенка в темноте, а тем временем люди, сидящие рядом с ним, должны вести беседы бодрым тоном и делать для ребенка что-то приятное. И вот уже ночью свет не включают вовсе, вот уже воспитатель может вести ребенка за руку через комнаты, в которых темным-темно, вот уже ребенка можно послать в такую темную комнату, чтобы он принес какую-либо вещь, привлекательную для него самого. *Если же родители и воспитатели сами боятся темноты, то им ничего не остается делать, как притворяться»* (J.V. Basedow, 1773—(3), цит. по: Rutschky, S. 258).

Вообще, лицемерие оказывается универсальным средством овладения человеческими душами. Окончательная победа в педагогике так же как, например, и политике рассматривается как «удачное разрешение» конфликта любым способом.

«[...] От воспитанника также нужно требовать выдержки и самоограничения, для этого необходимы специальные упражнения. Об этом очень хорошо написал в своей энциклопедии Стой. Он отмечает, что ребенка *нужно учить наблюдать за собой, но не восхищаться собой*. *Самонаблюдение необходимо, чтобы ребенок знал о своих недостатках, на преодоление которых ему предстоит направить свою волю*. Кроме этого к нему следует предъявлять и другие требования. Ребенка *нужно приучать к лишениям, к невыполнению некоторых его просьб, он должен спокойно научиться выслушивать брань в свой адрес и не раздражаться, когда его заставляют прервать игру, должен уметь терпеть неприятные вещи и хранить тайну*. [...]

При формировании способности к самоограничению трудно сделать только первый шаг. *Успех порождает уверенность в своих силах и желание продолжать работу над собой.*

Многие педагоги любят повторять, что с каждой новой победой внутреннее сопротивление слабеет и, в конце концов, „противник окончательно сдается“. *Нам приходилось сталкиваться с мальчиками, не знавшими удержу в гневе, которые уже через несколько лет никак не могли понять, что может заставить так злиться других. Как же они потом благодарили воспитателя...»* (Enzyklopädie..., 1887–(2), цит. по: Rutschky, S. 374).

Чтобы снискать такого рода благодарность ребенка, нужно достаточно рано привести его в соответствующее состояние, т. е. заставить беспрекословно слушаться взрослых.

«Вполне понятно, что если *определить направление роста молодому деревцу*, то успех обеспечен, тогда как это совершенно бессмысленно по отношению к старому дубу. [...]

Мы можем рекомендовать еще один педагогический прием. Как известно, младенец любит проводить время за игрой. По время игры воспитателю следует *невинно улыбаясь и придав своему лицу дружелюбное выражение*, совершенно спокойно забрать у ребенка игрушку и заменить ее другой. Он быстро забудет о своей игрушке и охотно переключится на новое занятие. Если такие действия начать продельвать достаточно рано и часто, то вы без труда узрете, что дети вовсе не так упрямы, чего многие не ведают. Более того, совершенно очевидно, что упрямство развивается в результате неправильного воспитания. *Ребенок не будет выказывать своеволия по отношению к тому, кто завоевал его расположение любовью, игрою, ласковым попечением, к кому ребенок привязался.* Младенец выражает неудовольствие не потому, что у него что-то отобрали или не выполнили его желания, а потому, что его тело жаждет движения. Предложенное ему *новое развлечение отвлечет его от того, чего он ранее так страстно желал.* Если же он, паче чаяния, все же выкажет свое неудовольствие, например, *примется плакать или же кричать, не стоит обращать на это внимания* и уж тем паче ласкать его или возвращать ему отобранное. *Нужно твердо придерживаться описанной методики и пытаться переключить его на новое занятие»* (F.S. Bock, Lehrbuch der Erziehungskunst zum Gebrauch für christliche Eltern und künftige Junglehrer, 1780, цит. по: Rutschky, S. 390).

Эти советы напомнили мне одного пациента, которого врачи достаточно рано избавили от постоянного чувства голода методом «осторожного переключения» на другие мысли. В результате у него позже развился синдром навязчивого состояния с очень сложной симптоматикой. Впрочем, «переключение» — лишь один из способов подавить человеческое Я. Очень часто (порой неосознанно) педагог использует соответствующий тон, дополнял его выразительными взглядами.

«Большое значение имеет такой утонченный вид наказания, как *молчаливое порицание, наказание взглядом или соответствующим жестом*. Молчание иногда более весомо, чем устное замечание, а *взгляд может сказать больше, чем уста*. Справедливо отмечено, что человек может своим взглядом *приручить диких животных*; поэтому ему и по-прежнему должно быть легко обуздать своим взглядом дурные порывы воспитуемого. Если мы с первых дней жизни ребенка лелеяли его чувствительную душу, то *одного взгляда может оказаться достаточно, и результат будет лучше, чем если бы применили палку или плетвь*. Роль порицания взглядом, таким образом, не стоит недооценивать. *Не зря в народе говорят об умном человеке: „Посмотрит — как к земле пригвоздит“*. Допустим, что один из наших воспитанников солгал, но мы не можем это доказать. В этом случае можно порекомендовать следующий педагогический метод. Когда все воспитанники соберутся вместе (например, за обеденным столом), вы как бы случайно заводите разговор о том, как гнусно, низко и подло лгать и *бросаете пронзительный взгляд на маленького преступника*. Вот тут-то он и будет чувствовать себя так, будто его этим взглядом *пригвоздили к земле (точнее, к скамье)*, и полностью потеряет желание прибегать впредь ко лжи. Это, в свою очередь, *создаст еще более благоприятные условия для применения метода молчаливого порицания взглядом*.

Педагог может порицать не только взглядом, *но и соответствующим жестом*. Легкое движение рукой, покачивание головой в знак отказа или пожимание плечами могут дать больше, нежели многословные тирады.

Но кроме молчаливого порицания ведь есть еще и *вербальное*. Многословие или выспренные выражения здесь неуместны. *„Тон делает музыку“*, — гласит пословица, но не только в музыке, но и в общении с воспитанником самое важное — это движение тона, интонация. Если кто-либо из воспитателей способен от природы тонко варьировать интонацию, чтобы выразить мельчайшие оттенки чувств и душевных переживаний, то ему грешно не воспользоваться этим действенным инструментом наказания. Посмотрите на младенцев. Как чутко реагируют они на интонацию родителей! Их лица сияют, если мать или отец обращаются к ним дружелюбным тоном, они *сразу же перестают кричать, если отец со всей серьезностью громким голосом их призывает к порядку*. Нередко случается, что дети покорно принимают бутылочку, которую они незадолго до этого отшвырнули, если это *им приказали соответствующим тоном, сделав им порицание*. [...] Ребенок еще не в состоянии понять наши помыслы, прочувствовать наши порывы. Он еще не может самостоятельно прийти к выводу, что, *наказывая его, мы причиняем ему боль из любви к нему, желая ему добра*. Если мы будем его в этом уверять, он сочтет нас лицемерами. Ведь и мы, взрослые, не всегда осознаем мудрость библейского изречения: *„Кого любит Господь, того и наказывает“*. *Лишь только на основе богатого жизненного опы-*

та и анализа окружающего мира, а также на основе нашей веры в то, что наша бессмертная душа — высшая из всех ценностей, мы приходим к выводу о том, что это изречение истинно.

Наказание и упрек должны быть свободны от излишних эмоций: эмоциональность не добавляет порицанию веса, зато уменьшает благоговение перед учителем и выставляет его не в лучшем свете. *Это не означает, что воспитатель не имеет права на гнев — благороден гнев, вскипающий в его душе, когда попораны мораль и нравственность. Но чем реже воспитанник видит педагога во власти эмоций, тем большее воздействие окажет на него праведный гнев воспитателя, мечущего грома и молнии, чтобы сделать воздух чистым и прозрачным»* (А. Matthias, *Wie erziehen wir unseren Sohn Benjamin?* 1902—(4), цит. по: Rutschky, S. 426).

Разве может младенец понять, что желание «метать грома и молнии» обусловлено вытесненными в детстве в бессознательное переживаниями, что виновником этого «праведного» гнева является не он сам? Сравнение педагога с Зевсом не случайно: у воспитанника должно возникнуть впечатление его всемогущества. Более того, как истинно верующий не должен подвергать сомнению дела и творения Господа (см. Книгу Бытия), так и маленький человечек не должен сомневаться в правомерности всего, что делает учитель.

«Псевдофилантропы придерживаются мнения, что слепое повинование уничтожает человеческое достоинство; что понимание и внутреннее принятие побудительных мотивов приказа дают возможность выполнить приказ охотно, без внутреннего сопротивления. Тот, кто берет на себя смелость примеривать такие воззрения к процессу воспитания в семье и школе, забывает, что мы, взрослые, просто *верим* в высшую мудрость Господа и подчиняемся ей. Человеческий разум никогда не сможет обходиться без этой веры. Итак, как мы до самоотречения верим в высшую мудрость и безграничную любовь Господа, *так и ребенок должен верить в мудрость родителей и учителей и подчиняться им; это послужит хорошей школой послушания Отцу нашему небесному.* Тот, кто отрицает необходимость этой веры, совершает роковую ошибку, ибо на место веры ставит *сомнения*, а ученику дает возможность строить из себя умника. Кроме этого, он забывает о том, что у ребенка есть потребность в вере.

Если педагог будет вынужден *разъяснять ребенку, что лежит в основе того или иного указания, то непонятно, как он может обеспечить послушание.* Ведь благодаря сообщению побудительных мотивов ребенку у последнего возникнет *убеждение.* В этом случае он будет не *повиноваться нам*, а действовать в соответствии со *своими убеждениями.* Место благоговения перед мудростью учителя займет *самолюбование.* К тому же, если педагог обосновывает свои распоряжения, он тем самым *неволью* дает ученику возможность привести контраргументы, чем подрывает свой авторитет. Возникает ситуация, когда воспитанник *разговаривает с педагогом на равных*, а она абсолютно нетерпима, ибо *несовместима с благоговением перед педагогом, без ко-*

тогого неммыслимо любое воспитание. Между прочим, тот, кто полагает, что, разъясняя свои убеждения, он тем самым завоевывает любовь ученика, глубоко ошибается, ибо игнорирует природу детской души, потребность ребенка в подчинении сильному. Зато если душа покорна, как писал поэт, то и до любви недалеко.

Матери, как правило, чаще склонны к филантропии, *в то время как отцы требуют беспрекословного подчинения.* В результате матери чаще становятся жертвами маленьких тиранов, *а вот к отцу дети относятся с должным почтением; и именно поэтому отец являет собой главу семейства, его духовный стержень*» (L. Kellner, 1852–(3), цит. по: Rutschky, S. 172).

Судя по выдержкам из педагогических трактатов тех лет, на этом принципе беспрекословного послушания основывалось не только светское, но и духовное воспитание. В псалмах слово «послушание» встречается очень часто и всегда в сочетании с опасностью утраты любви Господней в случае свершения такого греха, как неповиновение. А тот, кто удивляется переносу требования беспрекословного послушания на воспитание ребенка, «не понимает натуру ребенка и его потребность покориться сильному» (А. Кельнер, см. выше).

Цитаты из Библии же используются, чтобы представить естественные порывы материнской души «безрассудной любовью» и подвергнуть их резким нападкам.

«Разве это не безрассудная любовь, когда ребенка еще в колыбели начинают нежить и баловать? *Вместо того, чтобы с первых же дней земного существования постепенно приучать его к порядку, дисциплине, терпению, умеренности — основам человеческого счастья, — мать, услышав первый крик младенца, тут же бросается кормить его [...].*

Безрассудная любовь не может быть жестокой, не может накладывать ограничения, не может сказать „нет“ ради блага ребенка; она лишь говорит „да“ ему во вред; она руководствуется ложной добротой, отдавая себя ей во власть, как природному инстинкту, она разрешает, где должна запретить, она снисходительна, где должна наказать. Эта любовь *близорука*, у нее отсутствует четко обозначенная воспитательная цель, она *руководствуется исключительно эмоциями*, а не здравым смыслом и интеллектом, и потакает таким свойствам ребенка, как своенравие и упрямство, превращая его тем самым в маленького тирана. *Вместо того, чтобы вести ребенка за собой, она оказывается ведомой, зависимой от его просьб, лести, слез.* Она ничего не имеет общего с истинной любовью, которая не останавливается перед наказанием. В Библии сказано: „Кто любит сына своего, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешиться им“ / Сирах, 30, 1/. Еще одна цитата из Библии: „Лелей дитя, и оно устрашит тебя, играй с ним, и оно опечалит тебя“ / Сирах, 30, 9/. Случается, что дети, которые были *безрассудно любимы родителями, впоследствии ведут себя с ними крайне невоспитанно*» (А. Matthias, 1902–(4), цит. по: Rutschky, S. 53).

«Невоспитанность» детей внушает родителям такой страх, что порой они готовы прибегнуть к любым средствам, чтобы не допустить ее. Среди них особенно подходящим кажется показное лишение ребенка родительской любви, ибо дети больше всего боятся потерять именно ее.

«Ребенок должен *почувствовать* необходимость порядка и дисциплины *прежде, чем он эту необходимость осознает*, чтобы, избавившись от эгоизма, своенравия и власти плоти, начать жить с пробудившимся сознанием. [...]

Итак, *осуществляя свою власть, воспитатель должен стремиться к обеспечению послушания*. При этом он может использовать *укоризненный взгляд*, вербальное порицание, *иногда физическое принуждение* (которое, конечно, препятствует развитию дурного, хотя само по себе не создает доброго) и различные наказания. Последние не обязательно должны предполагать причинение физической боли, это вовсе не главная цель наказания. В зависимости от вида и характера непослушания наказание может варьироваться. Можно, например, *лишить ребенка определенных удовольствий или части родительской любви*. Ребенок с тонкой духовной организацией будет очень переживать, если, например, *мать откажется взять его на колени или не поцелует его перед сном, отец не протянет ему руки и т. д.* Родительская любовь служит для того, чтобы добиться расположения ребенка, но это *расположение следует использовать в педагогических целях*.

[...] *В нашем понимании послушание есть подчинение чужой воле с целью выполнения вполне справедливых требований*. [...]

Воля воспитателя должна быть крепостью, которую невозможно взять ни упрямством, ни хитростью; она может распахнуть ворота только перед послушанием» (Enzyklopädie..., 1887–(2), цит. по: К. Р., S. 168).

К подчинению чужой воле ребенок привыкает еще «в колыбели» и зачастую всю жизнь не может отвыкнуть от него.

«Педагогическая наука с полным правом обращает внимание на то обстоятельство, что ребенок *уже в колыбели обладает волей и потому обращаться с ним нужно соответственно*» (там же, S. 167).

Тем самым создаются все предпосылки для того, чтобы человек не просто мог приспособиться к условиям диктатуры, но и готов был, как во времена нацизма, с восторгом принимать ее, ведь «мощь и стабильность политической системы в равной степени основываются как на исполнении гражданами требований закона и властей, так и на подчиненной разуму энергии правителя. *Волю отдающего приказ и волю исполнителя не стоит рассматривать как нечто противоположное, это органические проявления единой воли*, причем это верно применительно не только к государственному управлению, но и к семье, и вообще ко всем вопросам воспитания» (там же).

Налицо явная тенденция к полной слитности субъекта и объекта. (Именно таким слиянием, впрочем, и характеризуются отношения между матерью и ребенком в самый первый период его жизни.) Если чело-

века с ранних лет приучать к восприятию телесных наказаний как «совершенно необходимых мер», в зрелом возрасте он поневоле постарается, подчинившись требованию общества, избавить себя от наказания и даже без особых колебаний окажет содействие карательной системе. В тоталитарном государстве, которое может стать благодатной почвой для всего того, что заложено в человеке воспитанием, он будет *со спокойной совестью пытаться и преследовать других людей. Ведь в данной ситуации он воспринимает волю правительства как свою собственную.*

Убедившись, как легко интеллигенция в ряде стран подчинилась диктаторским режимам, понимаешь, что полагать, будто именно необразованные массы особенно восприимчивы к воздействию пропаганды есть просто реликт феодального образа мышления, очередная попытка «знати» возвысить себя над простым народом. Заметное число интеллектуалов не только поддержали Гитлера и Сталина, но и откровенно восхищались проводимой ими политикой. Способность критически воспринимать действительность обусловлена вовсе не уровнем интеллектуального развития, а доступом к своему подлинному Я. Интеллигенция при необходимости отлично приспосабливается и *содействует* совершению самых немыслимых политических кульбитов. Педагоги всегда умели использовать это ее свойство в своих целях, руководствуясь выражением «Умный всегда уступит» и поговоркой «На упрямых воду возят». Так в педагогическом трактате Г. Грюневальда (1899) прямо написано: «Я еще ни разу не обнаружил склонность к своенравию в интеллектуально развитом или просто незаурядном ребенке» (1899, цит. по: Rutschky, S. 423). В дальнейшем этот ребенок вполне может проявить недюжинную проницательность, распознать и подвергнуть критике навязываемую ему идеологию. В пубертатный период он даже способен полемизировать со взглядами родителей, поскольку у него есть необходимый для этого интеллектуальный потенциал. Однако в рамках какой-либо группы (к примеру, приверженцев определенной идеологии или научного направления) этот человек может утратить прежний блеск и покорно подчинится большинству. Дело в том, что в таких группах, как правило, воспроизводится ситуация, существовавшая ранее в семье: человек полностью подчиняется непререкаемому авторитету, как он *раньше* подчинялся тиранам-родителям. Эта зависимость носит скрытый характер (это как раз в духе «черной педагогики») и может иметь трагические последствия. Так, Мартин Хайдеггер смог без особых усилий отказаться от традиционных философских воззрений и расстаться *со своими прежними наставниками*. Но он оказался не в состоянии, несмотря на поразительный по мощи интеллект, разглядеть, казалось бы, совершенно очевидные противоречия нацистской доктрины. Он относился к ней с *пиететом ребенка*, замороженными словами родителей или учителей (ср. А. Miller, 1979).

Сторонники «черной педагогики» считали, что упорство в отстаивании собственной точки зрения есть лишь тупое упрямство и поэтому

предосудительно. Видя, какие наказания за это полагались, мы понимаем, что ребенок хотел избежать возможных последствий. Если он был неглуп, это ему легко удавалось. Он только не знал, что за умение приспособливаться заплатить придется очень дорого.

Власть над детьми не просто передается отцу по наследству, нет, она «воистину божественного происхождения». Это означает, что посеянные учителем семена упадут на благодатную почву, поскольку ребенка заранее приучили слушаться старших, а правитель пожнет то, что посеяли семья и школа.

«Телесное наказание, конечно, самое суровое. Как розги всегда были символом власти отца в семье, так и палка — символ школьной дисциплины. Раньше физические наказания в школе и дома рассматривались в качестве панацеи от всех прегрешений. Так было всегда, у всех народов. Это и понятно. Думается, что всем очевидна справедливость правила: „Кто не хочет слышать, да почувствует“. Что же делать, если в душу нельзя проникнуть с помощью слов? Приходится действовать косвенным образом. Телесное наказание, примененное учителем, — эффективная мера, предназначенная для того, чтобы усилить действенность слова. Самый естественный и простой вид такого наказания — это пощечина. Предваряя ее, учитель может потрепать ученика за ухо (как это проделывали с нами наши учителя в детстве), напомнив ему таким образом, для чего служат его уши. Еще одно наказание, имеющее символическое значение, — удар ладонью по губам. Таким образом учитель побудит воспитанника к лучшему использованию органов речи. Издревле применялись в школе также щелчки, подзатыльники и таскание ученика за волосы. Эти виды наказания также имеют символическое значение. [...]

Истинно христианская педагогика, берущая на попечение создание Божие не таким, каким оно должно быть, а таким, какое оно есть, никогда не сможет полностью отказаться от телесных наказаний, ибо они при определенных проступках представляются оптимальным видом воздействия: они смиряют и потрясают ребенка одновременно, показывают ему, насколько важно подчиняться установленному порядку, и в то же время демонстрируют, насколько энергична отцовская любовь. [...] Мы полностью солидарны с тем мудрым учителем, который скажет: „Я скорее не буду учительствовать вообще, чем позволю отнять у себя право в крайнем случае применить палку“.

[...] Известный поэт Рюкерт (Rückert) писал:

Отец, что гибкой розгой
Боль сыну причиняет,
Больше него страдает.
Да сохранит он строгость!

Если учитель воистину по-отечески заботится об учениках, он просто обязан в случае необходимости прибегать к палке. Любовь его к ребенку должна быть порой чище и сильнее, чем у родного отца. И хотя

юную душу также называют грешной, мы вправе утверждать: *юная душа, как правило, пусть не сразу, но хорошо воспринимает именно такую любовь...*» (Enzyklopädie..., 1887–(2), цит. по: Rutschky, S. 433).

Порой эта проникновенная «любовь» живет в «юной душе» вплоть до старости. На сознание такого человека легко воздействовать при помощи СМИ, т. к. он с детства привык к тому, что педагог развивает или, наоборот, подавляет в нем некие «наклонности».

«Первейшая забота воспитателя должна заключаться в том, чтобы воспрепятствовать возникновению и развитию дурных наклонностей, а если они уже возникли, то вырвать их как можно скорее с корнем. К сожалению, эти наклонности очень часто подпитываются неверным воспитанием, что впоследствии отрицательно сказывается на формировании здоровой воли. [...]

Насколько решительно педагог должен бороться с порочными наклонностями, настолько целенаправленно он должен развивать в ребенке положительные качества. Уже в самом раннем возрасте нужно заложить их фундамент.

Для этого необходимо достаточно рано начать *побуждать ребенка испытывать радость, восхищение, питать надежду*, заботясь о том, чтобы эти чувства были весьма продолжительными. Изредка следует заботиться о том, чтобы он в течение короткого времени испытывал *страх и печаль, а также другие сходные чувства*. Для этого можно в педагогических целях то удовлетворять его определенные физические и духовные потребности, то отказывать в их удовлетворении. Важно однако, чтобы ребенок не заметил при этом произвола воспитателя, *даже если он и наличествует*. В особенности нужно *заботиться о том, чтобы у ребенка создалось впечатление, будто его отрицательные эмоции вызваны объективными обстоятельствами* (из: K. Weiller, Versuch eines Lehrgebäudes der Erziehungskunde, 1805, цит. по: Rutschky, S. 469).

Ребенок просто не может обнаружить тех, кто извлекает пользу из такого «воспитания». Запугивание убило или извратило в нем способность к анализу.

«Достаточно известно, что *дети, особенно подростки, любопытны* и что они выбирают самые причудливые пути и средства с целью выяснить, в чем именно заключается природное различие полов. *Чем дальше они продвинулись, тем больше распалится их воображение, а это опять-таки негативно отражается на девственности их помыслов*. Уже хотя бы поэтому педагог должен упредить своего воспитанника и сам рассказать ему о различии полов. Но как это сделать? Чувство стыда нам не позволяет допустить, чтобы мальчик разделся в присутствии девочки и наоборот; но, с другой стороны, мальчик должен знать, как устроено женское тело, а девочка — как мужское, иначе их фантазия перейдет все допустимые границы. Итак, к разъяснению различия между полами следует подойти со всей серьезностью. Медные таблички с со-

ответствующими изображениями вполне способны удовлетворить начальное любопытство, однако, разве они дают достаточно четкое представление о предмете? Разве они не разжигают воображение и не вызывают желание взглянуть на вещи в естественном виде? Но, *если представить взору детей бездыханное тело, не будет никаких оснований для беспокойства*. Вид усопшего настроит ребенка на серьезный лад, он невольно заставит его задуматься о бренности всего земного, а это самый лучший психологический фон для наблюдений и анализа. Ведь, вспоминая впоследствии о том, что он увидел, ребенок будет невольно возвращаться к серьезным мыслям. Представшая его взору картина будет *совершенно лишена элемента соблазна, чего нельзя сказать о тех картинах, которые рисует буйная фантазия или же о созерцании обнаженного тела в других условиях*. Если бы все подростки могли получить знания о том, как рождаются дети, из лекции по анатомии, все описанное было бы ненужным. Но, к сожалению, такая возможность есть не всегда, поэтому предложенный мной метод вполне приемлем, *тем более что возможность посмотреть на усопшего предоставляется достаточно часто»* (J. Oest, 1787, цит. по: Rutschky, S. 328).

Тот, кто показывает ребенку умершего, чтобы подавить его половое влечение, «защитить невинность», не догадывается, что он одновременно создает благодатную почву для появления у человека склонности к различным извращениям. Аналогичную функцию выполняет и систематически внушаемое ребенку отвращение к собственному телу:

«Недостаточно просто сформировать у ребенка стыдливость. Необходимо внушить ему, что *любое полное или частичное обнажение собственного тела безнравственно, ибо оно сродни оскорблению других людей*, вынужденных это обнаженное тело лицезреть. Ведь мы не можем требовать от другого человека, чтобы он вынес наш ночной горшок, разве что мы заплатим ему за эту услугу. В этой связи я бы порекомендовал нанять неопрятную старуху с крайне непривлекательными чертами лица, которая бы *раз в две или четыре недели мыла вашего ребенка с головы до пят*. При этом не должен присутствовать никто из посторонних, хотя родители или воспитатели обязаны проследить, чтобы она не уделяла при мытье чрезмерного внимания определенным частям тела. Ребенку следует разъяснить, что, хоть регулярное мытье и необходимо по соображениям гигиены, *занятие это для прислуги крайне неприятное, ибо связано с созерцанием обнаженного тела. Поэтому-то и удалось найти для такой работы лишь эту отвратительную старуху*. Использование описанного мной метода позволит сформировать стыдливость постепенно, что исключает неблагоприятные последствия» (там же, S. 329).

Стыдливость может быть успешно использована и в качестве инструмента для борьбы со своенравием ребенка.

«Как уже отмечалось выше, своенравие ребенка должно быть сломлено уже в первые годы его жизни, педагог для этого должен использо-

вать свое превосходство в силах над ребенком. Если эта цель достигнута, то впоследствии он может с большим успехом *апеллировать к чувству стыда*, в особенности если у ученика сильная натура, в которой своенравие переплетается с внутренней энергией, волей и мужеством. Если воспитанник представляет собой уже почти сформировавшуюся личность, то педагогу достаточно поговорить с ним с глазу на глаз и *прямо или косвенно указать на порочность и аморальность своенравия*, чтобы подросток использовал свой интеллект и волю для того, чтобы окончательно побороть свой порок.

Детское своенравие встречается достаточно часто, поэтому нам непонятно, почему *возникновение и сущность этого асоциального душевного феномена, а также способы борьбы с ними* до сих пор не получили достаточного освещения в детской психологии и психопатологии» (H. Grünewald, Über den Kinderfehler des Eigensinns, 1899, цит. по: Rutschky, S. 425).

Авторы постоянно обращают внимание на то, что начать применять описанные методы следует достаточно рано.

«Неудачи в воспитании должны служить родителям напоминанием, что *начинать формировать мягкий, послушный, покладистый характер* ребенка равно как и приучать его переступать через свои желания *надо достаточно рано*. Это — краеугольный камень нравственного воспитания, недооценка этого принципа должна рассматриваться как самая грубая ошибка, которую только можно совершить. Об этом надо обязательно заботиться в первые годы жизни ребенка, не забывая при этом о том, что ребенок должен *чувствовать радость жизни*. Обеспечить баланс между этими двумя требованиями — большое искусство» (F.S. Vock, 1780, цит. по: Rutschky, S. 389).

Описанные ниже сцены — наглядное свидетельство воплощения в жизнь тех педагогических принципов, о которых шла речь выше. Я полностью привожу их для того, чтобы дать читателю возможность ощутить атмосферу, в которую ежедневно окунались наши родители (а может быть, и мы сами). Внимательное прочтение поможет понять природу неврозов. Первопричиной здесь является не внешнее воздействие на ребенка, а *вытеснение в подсознание множества совершенно нормальных чувств и переживаний*. Ребенок не сможет без посторонней помощи *их вернуть в сознание, т. к. он привык жить без них и не знает, что можно жить по-другому*.

«К четырем годам Конрад научился у меня многому, а именно: внимательности, послушанию, сговорчивости и умению умирять свои чувства.

Первого я добивался тем, что неоднократно показывал ему животных, цветы и прочие творения природы, одновременно подробно разъясняя смысл изображений на картинках; второе свойство я привил ему, *всякий раз заставляя подчиняться своей воле*; для приучения его к сговорчивости я иногда приглашал в наш дом детей и организовывал

для них игру, сам при ней присутствуя, если же между ними возникала ссора, я запрещал затеявшему ее дальше участвовать в игре, не делая никаких исключений для собственного сына; четвертое же качество я воспитал в нем, *отказывая весьма часто ему в удовлетворении его самых страстных желаний*. Так, однажды я вошел в комнату с полной миской меда. „Мед! Мед! Папа, дай мне меда!“ — радостно закричал он, подвинул стул к столу, сел на него и стал ждать, что я ему намажу пару булок медом. Но я, поставив перед ним миску с медом, твердо сказал: „Давай сперва посеем в огороде горох, а уж потом мы съедем с тобой по булке с медом“. Он взглянул сначала на меня, затем на мед... Ему ничего не оставалось делать, как пойти со мной в сад. Кроме того, я за обедом часто умерял его пыл, говоря: „Сперва пусть свою долю получают те, кто постарше, а уж потом те, кто помладше“. Однажды мы обедали с моими родителями, пригласив и Кристль — девочку, которая часто приходила к нам и играла с Конрадом. На обед была рисовая каша, которую Конрад очень любит. „Каша! Каша!“ — закричал он, обняв маму ручонками. „Да, это рисовая каша, и ты получишь свою порцию, — сказал я. — Вот, бабушка, тебе твоя порция. А это — дедушке. Эта порция — твоей маме, а эта — твоему папе. А эта — для Кристль. Как ты думаешь, кому будет предназначена следующая порция?“ — „Мне!“ — возгласил он радостно. Конрад нашел такой порядок вполне справедливым, а я был доволен тем, что мне не пришлось испытывать неприятные эмоции, будучи вынужденным давать ребенку еду прежде, чем старшим» (С.G. Salzmann, 1796, цит. по: Rutschky, S. 352).

Когда те, «кто помладше» сидят за столом и спокойно ждут своей очереди, в этом еще нет ничего унижительного. Все зависит от восприятия этой процедуры взрослыми. В данном случае отец открыто наслаждается своей властью над маленьким мальчиком.

В следующей истории описывается аналогичная ситуация. Здесь ребенок вынужден прибегнуть ко лжи, чтобы получить возможность тайком читать.

«Ни один уважающий себя человек не имеет права лгать, ибо тем самым он позорит сам себя. Тот, кто лжет, прекрасно отдает себе в этом отчет, и предстает лжецом в своих собственных глазах. Поэтому он не может уважать себя. Но тот, кто не уважает себя, не уважает и других, поэтому-то лжец и становится в обществе изгоем.

Отсюда следует, что с юным лжецом надлежит обращаться крайне деликатно, дабы он, осознав, что совершил одно из самых тяжких преступлений, не впал бы в полнейшее отчаяние. Солгавшего ребенка никогда не следует публично корить или наказывать, и даже не нужно без крайней нужды публично напоминать ему о его провинности. Воспитатель поступит гораздо более разумно, если выразит не столько возмущение, сколько удивление и сделает вид, что рассматривает слова ре-

бенка не как сознательную ложь, а как сказанное по недомыслию. Именно так и поступил некто Виллих¹.

Однажды подвернулся случай выйти из неприятной ситуации с помощью лжи, и Кэтхен использовала эту возможность. Как-то она так усердно вязала, что могла вполне затем сказать, будто сделала эту работу не за один, а за два вечера. К тому же ее приемная мать забыла посчитать количество связанных ею изделий.

Следующим вечером Кэтхен тайком покинула своих названных сестер и села *читать книгу, чем и занималась весь вечер*. Когда кто-либо из девочек заглядывал в комнату, то неизменно заставал Кэтхен с вязаньем в руках или за каким-нибудь еще делом. Никому даже в голову не могло прийти, что она *не работает, а читает*. Однако Кэтхен держалась не вполне естественно и мать, заподозрив неладное, сначала попросила показать ей работу. Кэтхен показала связанный чулок. Мать этим не удовлетворилась, принялась расспрашивать домашних и, в конце концов, установила истину. Но вместо того, чтобы уличить девочку во лжи (что было бы необдуманно), она втянула ее в разговор и искусно заманила в ловушку.

Мать сказала ей, что вязание оплачивается очень плохо. «Не думаю, — сказала она, — что даже такая ловкая в этой работе девушка, как ты, сможет вязанием зарабатывать себе на жизнь, если учесть пропитание, одежду и квартиру». Кэтхен с этим не была согласна, заявив, что в вязании она более ловка, чем думает мать. *Мать с этим категорически не согласилась*. Девочка стала горячо доказывать свою правоту, забылась на какое-то мгновение и выпалила, что позавчера она, например, за это же время смогла сделать в два раза больше.

«Как прикажешь это понимать?» — спросила мать. — Ты же мне вчера сказала, что позавчера ты связала только половину чулка». Кэтхен покраснела, ее взгляд стал блуждающим. «Кэтхен, — произнесла мать строго, но участливо, — неужели белая лента не помогла? Ты меня обидела, и я ухожу». Она сразу же встала и с серьезным видом вышла из комнаты. Кэтхен хотела было бежать за ней, но мать даже не обернулась в ее сторону. Кэтхен осталась в комнате наедине со своими слезами и своим горем.

Следует заметить, что Кэтхен уже не в первый раз пыталась ввести в заблуждение своих приемных родителей. Мать, поговорив с ней, приказала ей носить в волосах *белую ленту*. «Это цвет чистоты и невинности, — сказала она ей. — Когда будешь смотреться в зеркало, он напомнит тебе о необходимости держать свои помыслы в чистоте и всегда говорить правду. *Ведь ложь — грязь, которая пачкает твою душу*». Мать и дочь договорились, что это останется между ними. «Но если ты солжешь еще хотя бы раз, я буду вынуждена рассказать обо всем отцу», — предупредила мать. Какое-то время это средство помогало,

¹ Говорящее имя; в переводе с немецкого: «я хочу». — *Прим. пер.*

но затем Кэтхен вновь провинилась. И вот матери не оставалось ничего другого, как раскрыть их маленькую тайну и обратиться за помощью к отцу. Ведь она всегда исполняла свои угрозы.

Господин Виллих целый день был задумчив и *ходил с угрюмым видом*. Все дети заметили это, но именно для Кэтхен его мрачные взгляды были *как нож в сердце*. *Всю вторую половину дня ее мучило ожидание предстоящего разговора.*

Вечером отец позвал Кэтхен к себе в комнату. Его лицо сохраняло все то же мрачное выражение. Он прямо заявил: «Сегодня со мной произошла очень неприятная вещь. *Среди моих детей я обнаружил лгунью*».

В ответ Кэтхен горько заплакала и не могла вымолвить ни слова, после чего отец произнес следующие слова: «Я очень испугался, т. к. мать сказала мне, что ты уже не первый раз *пятнаешь себя этим грехом*. Объясни мне, ради Бога, как ты дошла до жизни такой. (После паузы.) Только не плачь. Вытри слезы и раскрой мне душу. Что произошло позавчера? Мы вместе подумаем, как нам быть, как справиться с этим пороком».

Кэтхен подробно рассказала обо всем, не умолчав даже о том, на какую хитрость она пошла, чтобы ввести в заблуждение сестер, время от времени заглядывавших в ее комнату. После этого господин Виллих произнес *доверительным тоном*: «Кэтхен, ты мне сейчас рассказала *горькую правду*. Когда же мать вчера вечером проверяла твою работу, ты обманула ее, сказав, что весь вечер ты *прилежно* работала. Нет никакого сомнения, что *прилежание красит человека, т. е.* в глазах матери ты хотела предстать в выгодном свете. Скажи мне, *когда ты почувствовала облегчение*: вчера, когда ты сказала матери *красивую ложь* или сегодня, когда я узнал от тебя *горькую правду*?»

Кэтхен согласилась, что этим признанием она облегчила свою душу, что ложь — это нечто гнусное.

[...] Кэтхен: Я понимаю, что поступила глупо, простите же меня, милостивый отец.

Виллих: О *прощении* даже речи быть не может. *Меня ты не слишком оскорбила, а вот себя и, возможно, мать...* И запомни: теперь я все о тебе знаю, и *меня ты не обманешь*, как ни старайся. Отныне я *буду поступать с твоими словами, как с деньгами, в подлинности которых я сомневаюсь*. Я буду самым тщательным образом проверять их. *Нет у меня больше к тебе доверия. Ты стала для меня как надломленная трость, на которую нельзя больше опереться.*

Кэтхен: Ах, дорогой папочка, я...

Виллих: Не думай, дитя мое, что я преувеличиваю или шучу. Если я не уверен в твоей *искренности*, то кто мне гарантирует, что я не потеряю убытка, поверив тебе? И знай, что, если хочешь истребить в душе склонность ко лжи, тебе придется победить *двух врагов*. Знаешь каких?

Кэтхен (ласкаясь к отцу и явно настроенная чересчур легкомысленно): О да, дорогой отец!

Виллих: Но есть ли у тебя достаточно *душевной силы и внутренней твердости*, чтобы их победить? Не хочется тебе об этом напоминать, но то, что я тебе говорил, ты часто пропускала мимо ушей...

Кэтхен (более серьезно): Нет, я внимательно слушаю и все запомню.

Виллих: Бедная девочка, как бы я хотел, чтобы все было не так серьезно! (После некоторой паузы.) Первого твоего врага зовут *недомыслие*. *Ведь перед тем, как украдкой положить книжку в карман, тебе следовало хорошенько подумать. Почему ты не сказала нам ни слова о своем занятии?* И как можно вообще додуматься до того, чтобы читать тайно? Если ты полагала, что в чтении нет ничего предосудительного — а так оно и есть — ты могла бы просто попросить нас разрешить тебе читать тем вечером, тем более что ты днем раньше связала больше, чем тебе было задано. Неужели ты думаешь, что мы бы не выполнили твою просьбу? Или ты полагала, что совершаешь что-то недозволенное, и поэтому хотела скрыть это от нас? Конечно, нет, ведь ты не настолько коварна. [...] Твой *второй враг*, дорогая моя, — это *ложный стыд*. Ты стыдишься признаться в том, что поступила *неверно*. Отбрось страх. Твой враг побежден. Не бойся признаться даже в самых незначительных прегрешениях. *Открой свою душу нам,пусти в нее сестер*. Ты ведь еще не совсем испорченная девушка, чтобы стыдиться признаться себе самой в том, что ты делаешь. Поэтому будь всегда, в каждой мелочи правдива с самой собой. Даже ради шутки никогда не говори неправду.

Мать, как я погляжу, убрала из твоих волос белую ленту. Ты утратила на нее право, и тут уж ничего не поделаешь. Ты запятнала душу ложью, но теперь ты смыла с себя свой грех. Ты рассказала мне о своем проступке так искренно, что я не думаю, что что-то осталось недосказанным или было изложено превратно. Ты еще раз доказала свою *честность и искренность*, дитя мое. Поэтому можешь вновь носить белую ленту, вот она. Но, как видишь, эта лента уже не такая красивая, что и понятно — ведь ты же совершила проступок. Но, дитя мое, знай: главное — не как эта лента *выглядит*, а *чего стоит тот, кто ее носит*. Если *ценность этого человека увеличится*, то я ему с большим удовольствием в знак признания вручу дорогую ленту, отделанную серебром.

После этого господин Виллих отпустил приемную дочь, испытывая все же некоторые опасения по поводу ее излишней живости и темпераментности, кои и могут явиться причиной повторения позорных поступков. Впрочем, он верил в то, что ее ясный ум и его педагогическое умение все же выведут девушку на путь истинный и что она приобретет достаточную душевную твердость, чтобы решительно расправиться с пороком.

К сожалению, через некоторое время Кэтхен опять солгала. [...] Дело было вечером, и мать спрашивала детей, как они в течение дня выполняли свои обязанности. Каждый нашел, чем похвастаться, и Кэтхен не была исключением. Она перечислила все то, что сделала в этот

день добровольно, а не по необходимости. Однако она забыла заштопать чулки, но, когда мать ее спросила, выполнена ли работа, обманула ее, ответив утвердительно, надеясь на то, что завтра утром она, как обычно, встанет раньше других девочек и наверстает упущенное.

Но это оказалось невозможным. Дело в том, что по своей невнимательности Кэтхен забыла убрать чулки, и они попались на глаза матери, которая, увидев, что они не заштопаны, сразу же положила их в шкаф. Таким образом, задавая ей вопрос о том, выполнено ли задание, она хотела проверить ее честность. Как хотелось ей повторить вопрос или хотя бы строго посмотреть на дочь! Но она хорошо помнила запрет мужа уличать Кэтхен во лжи *прилюдно* и не нарушила его. Однако в душе она была глубоко обижена тем, что девочка, и глазом не моргнув, опять ей нагло лжет.

На следующий день мать встала тоже раньше, чем обычно, т. к. она догадывалась о планах дочери. Войдя в ее комнату, она обнаружила, что Кэтхен давно встала, оделась и что-то в растерянности ищет. Она попыталась протянуть матери руку в знак приветствия и придать своему лицу дружелюбное выражение. Вот тут-то мать и поняла, что наступил самый благоприятный момент. «Зачем ты *лжешь мне своим взглядом и выражением лица?* — сказала она. — Это ни к чему. *Твои уста* мне вчера уже солгали. Вот здесь, в шкафу, лежат твои чулки со вчерашнего обеда, как видишь, совершенно незаштопанные. Как ты смела мне вчера опять лгать?»

Кэтхен: *Ах, мама, я не имею права жить на этом свете.*

Мать (холодно и отчужденно): Вот твои чулки. *Я не хочу тебя сегодня видеть.* Можешь идти на уроки, можешь не идти — мне все равно; *ты подлая девчонка.*

После этого мать вышла из комнаты, а Кэтхен, всхлипывая, села за стол и принялась штопать, чтобы как можно быстрее наверстать то, что нужно было сделать еще вчера. Но едва она принялась за дело, как в комнату вошел господин Виллих. На его лице были написаны одновременно строгость и печаль. Отец принялся молча ходить по комнате из угла в угол.

Виллих: Ты плачешь, Кэтхен, что случилось?

Кэтхен: Ах, отец, Вы уже все знаете.

Виллих: Я хочу услышать это от *тебя*.

Кэтхен (пряча лицо в платок): Я опять солгала.

Виллих: Бедный ребенок. Что же, ты совсем не можешь контролировать свои поступки?

Кэтхен ничего не смогла ответить из-за слез и испытываемой душевной горечи.

Виллих: Я не буду много говорить, дитя мое. Ты давно знаешь, что лгать — это отвратительно, а я знаю, что время от времени, когда ты не вполне контролируешь себя, ты все же говоришь неправду. Как же нам быть? Ты должна *действовать*, Кэтхен, и я как друг тебе помогу.

Вот ты вчера опять оступилась, пусть сегодняшний день будет днем траура. Возьми эту черную ленту и носи ее сегодня целый день. Закрепи ее в волосах, пока твои сестры еще не встали.

«Успокойся,— продолжал господин Виллих после того, как Кэтхен выполнила его указание.— Я твой верный друг и помогу тебе справиться с твоим пороком. И, чтобы ты повнимательнее относилась к себе самой и своим поступкам, приходи каждый вечер перед сном в мою комнату и записывай в книгу, которую я уже приготовил, следующие слова: „Я сегодня ни разу не солгала“ или „Я сегодня солгала“.

Не бойся упреков с моей стороны. Их не будет, даже если ты будешь вынуждена записать неприятные для тебя вещи. Надеюсь, уже одно воспоминание о том, что ты была нечестна, надолго отобьет у тебя охоту ко лжи. Но я должен сделать еще кое-что, что поможет тебе в течение дня не грешить и благодаря чему ты будешь записывать вечером в мою книгу только приятные вещи. Я запрещаю тебе, начиная с сегодняшнего вечера, когда ты снимешь знак траура вообще носить в волосах какую-либо ленту. *Этот запрет будет действовать неопределенное время, пока твои записи не убедят меня в твоей серьезности и искренности.* Я должен убедиться, что ты полностью поборолa в себе склонность ко лжи. И тогда ты уже сама сможешь решать, какого цвета ленты тебе носить» (J. Heusinger, Die Familie Wertheim, 1800–(2), цит. по: Rutschky, S. 192).

Несомненно, Кэтхен убеждена в том, что такой порок свойственен только ей — низко падшему созданию. Понять же, что доброму и великодушному воспитателю сказать правду подчас не менее мучительно, чем ей самой и что именно поэтому он так ее и третирует, Кэтхен сможет, лишь пройдя курс психоанализа.

А как обстоят дела с отцом маленького Конрада? Не страдает ли он теми же психическими расстройствами, что и многие отцы в наше время?

«Я твердо решил воспитывать его, не прибегая к побоям, но из этого ничего не получилось. Вскоре я был вынужден взяться за розги.

Произошло следующее: как-то к нам пришла Кристль и принесла куклу. Конрад тут же захотел поиграть с ней, а потом никак не отдавал ее назад. Как же поступить в такой ситуации? Если бы я ему принес книжку с картинками и сказал, чтобы он вернул куклу хозяйке, он, наверное, сделал бы это. Но мне это не пришло в голову, а если бы и пришло, то не знаю, поступил бы я таким образом или нет. *Ибо я вдруг осознал, что пришло время дать понять Конраду, что он обязан беспрекословно повиноваться отцу.* Я сказал: „Конрад, отдай, пожалуйста, куклу Кристль!“ „Нет!“ — ответил он возбужденно. „Но ведь Кристль тоже хочет играть“, — настаивал я. „Нет!“ — упорствовал он, прижал куклу к груди и повернулся ко мне спиной. Тогда я еще раз повторил свое требование серьезным тоном: „Конрад, ты должен немедленно отдать куклу Кристль, я этого хочу“.

Тогда он с размаху швырнул куклу девочке прямо под ноги.

Боже, как я испугался! На мгновение мелькнула мысль, что даже если бы пала моя лучшая корова, это не вызвало бы у меня такого страха. Я не позволил Кристль поднять куклу и велел сыну самому сделать это. „Нет! Нет!“ — закричал Конрад. Тогда я принес розги и показал их ему. „Подними куклу или я ударю тебя“, — пригрозил я. Ребенок по-прежнему упорствовал: „Нет!“

Я замахнулся, уже хотел ударить его, и, надо же, это увидела моя жена. Она закричала: „Прошу тебя, не надо, ради Христа!“

Я как бы оказался меж двух огней и после короткого раздумья поднял куклу, отвел ребенка в другую комнату, запер дверь, чтобы жена не могла войти, швырнул куклу на пол и медленно, подчеркивая каждое слово, произнес: „Или ты поднимешь ее, или я ударю тебя“. Но мой Конрад по-прежнему, как заведенный, твердил: „Нет, нет, нет“.

Я ударил его легонько, но это не подействовало.

И только когда я хорошенько выторол его, он поднял куклу. Я взял его за руку, отвел обратно и приказал: „Верни куклу Кристль!“ Он повинился.

Затем он с плачем бросился к матери и хотел было зарыться головой в ее колени. Но у моей жены хватило ума оттолкнуть его со словами: „Убирайся прочь и не приходи, пока не исправишься!“

Правда, она сказала это со слезами на глазах, и потому я попросил ее уйти. Конрад еще покричал полчаса, а потом более-менее успокоился.

Должен признаться, что сам я тоже пребывал в довольно угнетенном состоянии частью потому, что мне было жаль сына, частью потому, что я был расстроен его упрямством.

Я даже не притронулся к еде во время обеда, и только визит к пастору успокоил меня. „Вы поступили совершенно правильно, господин Кифер, — сказал он. — Крапиву нужно рвать, пока она не выросла. Позже это будет сделать труднее и есть риск, что корни останутся в земле. Дурные привычки у детей — та же крапива. Чем дольше им попустительствуешь, тем труднее потом от них избавиться. Ваш сын не забудет взбучку полгода.“

Если бы Вы выпороли его не так крепко, это было бы хуже, поскольку Вы не достигли бы желаемого результата, более того, если бы продолжали и далее бить его вполсилы, он бы легко привык к боли. Вот почему дети не боятся матерей: у них не хватает мужества как следует выпороть свое чадо. В конце концов, из этих детей выходят страшные упрямцы, которым порой любая порка нипочем. [...]

Поскольку Ваш Конрад еще не забыл о наказании, советую Вам использовать это время для его же блага. Нужно как можно чаще командовать им. Вы можете заставлять мальчика приносить себе трубку, ботинки и сапоги, а потом отправлять его с этими вещами обратно, приказав перекладывать во дворе камни с места на место и постепенно добьетесь превосходных результатов“» (С.G. Salzmann, 1796, цит. по: Rutschky, S. 158).

Разве пастор мог так успокаивать обеспокоенного отца лишь в далеком прошлом? Разве мы не узнали в 1979 г., что две трети немцев одобряют телесные наказания? В Англии они не только не запрещены, применение их в интернатах даже считается нормой. И против кого обратится гнев униженных в детстве? Обуздать этот гнев не помогут, видимо, никакие тюрьмы и исправительные колонии. Ведь далеко не каждый выпускник школы может стать учителем и тем самым отомстить за причиненные ему душевные и физические страдания...

ВЫВОДЫ

Эти многочисленные цитаты я привела в своей книге для того, чтобы охарактеризовать *взгляды*, более или менее открыто высказываемые отнюдь не только сторонниками фашистской идеологии. Презрение к слабому, беззащитному ребенку, насилие над ним, запрет на творчество и проявление эмоций, подавление как его, так и своего подлинного Я настолько характерны для многих сфер нашей жизни, что мы теперь почти не замечаем этого. Мы все (кто-то более, кто-то менее настойчиво) стремимся как можно скорее избавиться от тех черт, которые характерны для ребенка, т. е. хотим из беспомощных, зависимых от других созданий превратиться в умных, сильных, независимых, уважаемых людей. И, если вдруг в наших детях явственно проявляются черты, свидетельствующие о внутренней силе, мы так же, как когда-то наши родители, с ними беспощадно боремся, лицемерно называя эту борьбу «процессом воспитания».

В дальнейшем для обозначения этой системы взглядов я буду использовать термин «черная педагогика», причем из контекста будет видно, какой из перечисленных ниже аспектов этой системы наиболее важен для меня в тот или иной момент. Саму систему можно построить на основе анализа приведенных выше цитат. Итак, для «черной педагогики» характерно следующее:

1. Взрослые выступают по отношению к детям не в роли слуг, а в роли господ.
2. Взрослые, подобно богам, судят, что справедливо, а что нет.
3. Взрослые часто гnevаются (хотя их гнев порожден их же собственными внутренними проблемами, о чем они не знают).
4. Вину за свои проблемы взрослые возлагают на ребенка.
5. Взрослые полагают, что родителей всегда следует защищать.
6. Взрослые думают, что живая душа ребенка представляет для них опасность.
7. Взрослые стремятся как можно скорее «обезволить» ребенка.
8. Вообще, воспитатель полагает, что нужно как можно раньше начать «воспитывать» ребенка, чтобы он ничего не заметил и не разгадал намерения взрослого.

Для подавления живого начала применяются следующие средства: заманивание в западню, ложь, хитрость, искажение истинного состоя-

ния дел, запугивание, выражение недоверия, лишение родительской любви, изоляция, унижение, презрение, издевательство, упреки и открытое насилие, вплоть до применения пыток.

Неотъемлемой чертой «черной педагогики» является стремление создать у ребенка *неверные представления*. Эти представления передаются из поколения в поколение, хотя с *научной точки зрения они не выдерживают никакой критики*. Вот некоторые установки, которые воспитатели пытаются создать у ребенка:

1. Неукоснительное исполнение обязанностей способно породить любовь.
2. Запретами можно убить ненависть.
3. Родители априори заслуживают уважения только потому, что они родители.
4. Дети же, в свою очередь, априори не заслуживают ни малейшего уважения.
5. Послушание делает сильным.
6. Чрезмерное самоуважение вредно.
7. Заниженная самооценка, напротив, способствует хорошим отношениям с людьми.
8. Ласковое обращение с ребенком (слепая любовь) оказывает на него пагубное воздействие.
9. Удовлетворение потребностей ребенка также плохо влияет на него.
10. Суровое обращение — наилучший способ сделать ребенка жизнестойким.
11. Неискренняя благодарность лучше искренней неблагодарности.
12. Главное — благопристойное поведение, а не подлинные ощущения.
13. Родители не перенесут причиненной им обиды, и Бог жестоко покарает за это ребенка.
14. Тело есть нечто грязное и омерзительное.
15. Бурное проявление чувств вредно.
16. Родители — совершенно невинные создания, напроць лишенные каких-либо неконтролируемых инстинктов.
17. Родители всегда правы.

Если вспомнить, какую волну террора породила идеология, основанная на этих педагогических принципах, и как в начале века она во многом определяла тенденции дальнейшего общественного развития, то стоит ли удивляться, что Зигмунду Фрейду, благодаря рассказам своих пациентов неожиданно понявшему механизм совращения детей родителями, пришлось разработать целую научную теорию, позволившую ему приемлемым для общества способом объяснить известные ему факты. Ведь нарушить табу было просто невозможно. Во времена Фрейда ребенок под угрозой строжайших санкций не должен был замечать того, что делали с ним взрослые. Если бы ученый изложил в своей тео-

рии истинные причины сексуальных домогательств, ему бы пришлось опасаться гнева своих родителей, чьи установки маленький Фрейд перенял в результате интроекции. Более того, его наверняка клеймили бы на всех перекрестках и постепенно превратили бы в общественного изгоя. Хотя бы из чувства самосохранения он обязан был создать теорию, *позволявшую не разглашать тайну*, объяснявшую все «злое», «греховное» и «несправедливое» просто разгулом детской фантазии. Родители же — только экран, на который дети подсознательно проецируют свои сокровенные чувства и желания. Однако данная теория по вполне понятной причине никак не объясняет, почему родители со своей стороны не только проецируют на детей свои сексуальные и порожденные агрессивными импульсами потребности, но даже удовлетворяют их за счет детей. Именно отказом ученого от сколько-нибудь внятного объяснения этого феномена и обусловлена приверженность многих педагогов-профессионалов учению Фрейда, сопровождающаяся нежеланием трезво взглянуть на поведение собственных родителей. Именно фрейдизм, сводивший поведение людей к формам проявления первичных, в первую очередь, половых инстинктов и разделявший структуру личности на «Оно», «Я» и «сверх-Я» дал возможность родителям и воспитателям сохранить верность принципу: «Чтобы ни делали с ребенком отец и мать, он не должен замечать этого»¹. Истоки этой приверженности следует, однако, искать в раннем детстве.

Влияние «черной педагогики» на теорию и практику психоанализа представляется мне настолько важным, что я намерена гораздо более основательно заняться этой проблемой (см. предисловие).

Пока же я вынуждена удовлетвориться кратким изложением своих мыслей с целью пробудить (пусть хотя бы поверхностный) интерес к поднятой проблеме. Ведь глубоко укоренившееся в сознании родителей желание сберечь детей как нельзя лучше подходит для того, чтобы отец и мать скрывали от ребенка жизненно важные истины или даже обращали их в свою противоположность, за что детям потом приходится расплачиваться серьезными невротическими расстройствами.

Что же происходит, когда усилия педагогов дают нужный результат?

В традиционной педагогике детство считалось самым счастливым временем в жизни человека. Отношение к нему начало меняться только у представителей современного молодого поколения. Ллойд де Моз стал, видимо, первым ученым, тщательно изучившим историю детства, не приукрашивая факты и не принимая тенденциозными комментариями

¹ Свой вывод я сделала на основании многолетнего психоаналитического опыта и была просто поражена, обнаружив в необычайно увлекательной книге Марианны Крюлл (Marianne Krüll, 1979) почти полное совпадение ее взглядов с моими. Марианна Крюлл — социолог, стремящаяся найти на практике подтверждение своим теоретическим выкладкам. Она специально съездила в город Фрейберг, где родился Фрейд, и довольно долго стояла в его маленькой комнате, *пытаясь представить и понять*, какие ощущения копились тогда в сознании маленького Зигмунда.

ями значение собственных выводов. Этот специалист по психоистории способен понять чувства других людей, и ему не нужно закрывать глаза на истину, вытесняя ее в подсознание. В своей книге (1977) он откровенно говорит о подлинном положении дел, которое производит совершенно гнетущее впечатление, но одновременно дает шанс изменить ситуацию к лучшему. Описанные в книге дети сами стали взрослыми. Читатель получает представление о том, как обращались с ними в детстве, и осознает истинную причину зверств, творившихся на протяжении всей нашей новейшей истории. Он видит, где и когда «черная педагогика» посеяла семена, давшие такие страшные всходы, и это хотя бы позволяет надеяться, что человечество не навечно обречено и дальше страдать из-за этой жестокости. Понимание истинных причин действий власть имущих и способов придать им внешне благопристойный характер даст человечеству возможность разорвать порочный круг.

В наше время принципы воспитания, несомненно, изменились, и родители это осознают. Воспитание беспрекословного послушания, принуждение, суровое обращение и эмоциональная глухота уже не считаются абсолютными ценностями. Однако воплощению в жизнь новых идеалов зачастую препятствуют воспоминания о перенесенных в детстве страданиях, сохранившиеся в подсознании, что опять же приводит к недостаточной эмпатии. Речь идет о тех, кого воспитывали примерно так же, как Кэтхен и Конрада, и кто, совершая насилие над детьми, думает, что это в порядке вещей, или, по крайней мере, преуменьшает его опасность, поскольку у них самих было, якобы, «счастливое» детство. Но неспособность понять чувства других доказывает как раз прямо противоположное: именно в детстве этим людям пришлось, стиснув зубы, многое претерпеть. Людям, выросшим в эмпатическом окружении (случай крайне редкий, т. к. еще до недавнего времени мало кто знал, какие душевные муки порой испытывает ребенок), или тем, кто позднее смог найти объект для эмпатии в собственном внутреннем мире, легче понять страдания других или хотя бы признать, что таковые могут иметь место. Тем самым создается необходимая предпосылка для исцеления старых ран. При отсутствии ее «излечивать» раны приходится за счет своих же детей или воспитанников.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ БЕССЛОВЕСНОЙ ДРАМЫ — МИР В УЖАСЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Крайне сложно писать о насилии над детьми, не вставая одновременно на скользкий путь морализаторства. Возмущение поведением взрослого, который бьет ребенка, и сострадание к жертве насилия настолько естественны, что можно, несмотря на все знание человеческой природы, поддасться искушению и осудить взрослых за жестокость. Но нельзя видеть в одних только белое, а в других — только черное. Ведь желание совершить физическое и психическое насилие над ребенком обусловлено не столько характером человека и его природными качествами, сколько тем обстоятельством, что в детстве с ним обращались точно так же и он ничего не мог сделать. Многие добрые, ласковые и *чуткие* люди, подобно отцу господина А., ежедневно физически и душевно травмируют своих детей, называя это воспитанием. Пока взрослые считали, что телесные наказания необходимы и идут детям на пользу, насилие над детьми было в порядке вещей. В наши дни взрослые страдают от того, что иногда «дают волю рукам», по непонятной причине вдруг начинают кричать на ребенка и опять-таки неизвестно почему в отчаянии бьют и унижают его, видят его слезы и в душе понимают, что в следующий раз будут действовать точно так же. Это будет продолжаться до тех пор, пока они не перестанут идеализировать собственное детство.

Великий художник Пауль Клее известен как автор восхитительных, поражающих утонченным стилем картин. И, наверное, только единственный сын знал о скрытой черте его характера. В своем интервью Брюкенбауэру 29 февраля 1980 г. 72-летний Феликс Клее сказал о своем отце: «Человеком он был далеко неоднозначным, любил пошутить, но мог и за палку взяться. Вообще, он меня по-всякому воспитывал». По словам сына, отец изготовил для него множество чудесных кукол, из которых к настоящему времени сохранилось 30. Феликс Клее рассказывает: «В нашей маленькой, тесной квартире отец вешал в дверном проеме декорации и устраивал настоящий театр. Когда я был в школе, он иногда (он сам потом признавался) устраивал представления для нашей кошки». Но он также устраивал *спектакли и для сына*. Ну разве мог маленький Феликс не простить ему побои?

Я привела данный пример для того, чтобы помочь читателю избавиться от стандартных представлений о добрых и злых родителях. Многие формы проявления жестокости еще не изучены как следует, т. к.

никто не анализировал душевные травмы ребенка и их последствия. Именно о них и пойдет речь во второй части моей книги. Я считаю, что большинство людей в своей жизни проходят следующие стадии.

1. Сначала они в раннем детстве получают душевные травмы, которые никто таковыми не считает.
2. Затем их приучают реагировать на боль спокойно и избегать приступов гнева.
3. Далее они учатся постоянно выражать благодарность за так называемые «благодейния».
4. Становясь взрослыми, они забывают историю своего детства.
5. В зрелом возрасте необходимость выплеснуть на кого-нибудь накопившиеся эмоции заставляет их обратить свой гнев на других людей или на самих себя.

Самое худшее заключается, пожалуй, в том, что дети не выражают гнев или боль, боясь потерять родительскую любовь. Уже в первые годы жизни ребенка такие эмоции, как злость и гнев вытесняются в подсознание, а т. к. они представляют собой огромный потенциал здоровых жизненных сил, требуется не менее мощная энергия, чтобы удерживать их там. Такое щадящее родителей воспитание лишает ребенка возможности спонтанного проявления чувств, что нередко приводит к самоубийству и наркомании, тоже означающей самоубийство. Если наркотики использовались для того, чтобы заполнить пустоту, возникшую в результате подавления чувств и самоотчуждения, то человек, начав лечиться от наркотической зависимости, снова будет ощущать внутреннюю пустоту. Успех лечения возможен только при условии, что он вновь обретет возможность спонтанно проявлять свои чувства, иначе зависимость не преодолеть. Кристиана Ф., автор книги «Мы дети со станции ZOO» (*Wir Kinder vom Bahnhof Zoo*¹), ясно показывает нам всю трагичность судьбы наркоманки, оказавшейся в таком порочном круге.

БЕСПОЩАДНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО Я. ПУБЕРТАТНЫЙ ПЕРИОД: УПУЩЕННЫЙ ШАНС

Родителям с помощью различных изощренных методов очень часто удается настолько «приручить» своих детей, что проблем с ними не возникает вплоть до наступления периода полового созревания. «Охлаждение» чувств и отсутствие явных проявлений инстинктов во время латентного периода — все это полностью соответствует желанию родителей иметь детей, не создающих им никаких проблем. В книге Хильды Брух «Золотая клетка» (*Der goldene Käfig, Hilda Bruch*) родители с сожалением рассказывают, что не в состоянии понять резких перемен, произошедших с их еще недавно такими способными, удачливыми, хорошо воспитанными, ухоженными и обходительными дочерьми. Они не

¹ Zoo — сокращенное название центрального берлинского вокзала Zoologischer Garten. — *Прим. пер.*

понимают, что делать с этими юными существами, как кажется, напрочь отвергающими любые нормы в своем саморазрушительном поведении, до крайности упрямыми, не приемлющими никаких логических доводов. Не помогают родителям также никакие ухищрения в стиле «черной педагогики».

Для пубертатного периода характерно бурное проявление истинных чувств, которые в латентный период удавалось подавлять. Подростки в период бурного роста в полной мере испытывают такие чувства, как гнев, возмущение, любовь, восторг, радость, горе, ощущают сексуальные желания. Во многих случаях это ставит под угрозу психическое равновесие родителей. Если бы подросток или юноша позволил себе откровенно выразить свои подлинные чувства, он, наверное, был бы объявлен опасным террористом или оказался бы в сумасшедшем доме. Героев Шекспира и Гете — Гамлета и Вертера — наше общество, безусловно, отправило бы в психиатрическую больницу. Такая же участь ожидала бы, вероятно, и Карла Моора. Поэтому юный наркоман пытается приспособиться к нормам общественной жизни, подавляя свои подлинные чувства. Но их всплеск в пубертатный период оказывается настолько мощным, что подросток уже не может жить, не испытывая этих чувств, он пытается вновь обрести их с помощью наркотиков, и это ему поначалу удается. Однако в душе подросток давно уже усвоил господствующую в обществе и внушенную ему родителями точку зрения: переживать сильные чувства — значит стать общественным изгоем, что равнозначно социальной изоляции; в конце концов такому человеку будет трудно выжить.

За вполне оправданное и жизненно необходимое стремление найти подлинное Я наркоман наказывает себя точно так же, как родители в раннем детстве наказывали его за первые проявления жизненной энергии, а именно подавлением чувств. Почти любой из тех, кто пристрастился к героину, рассказывает, что когда он начинал принимать наркотики, он стал испытывать небывалые по интенсивности чувства. Благодаря этому он осознал, какой бесцветной была раньше его эмоциональная жизнь.

Так как он даже представить себе не мог, что *испытать столь яркие эмоции можно и без героина*, то по вполне понятной причине начинал регулярно принимать дозы. Ведь только под воздействием наркотика молодой человек ощущал, каким он мог бы быть, соприкасался со своим подлинным Я и, естественно, уже не знал покоя. У него больше не получалось жить так, словно его собственного Я никогда не существовало. *Он теперь хорошо знает, что оно есть*. Но одновременно он еще с ранних лет усвоил, что у его подлинного Я нет никаких шансов открыто проявить себя. Поэтому он как бы пошел с судьбой на компромисс, согласившись встречаться со своим подлинным Я, но так, чтобы об этом никто не знал. Даже он не властен устроить эту встречу, т. к. эти ощущения приходят извне, благодаря наркотику, без наркотика их испытывать человек не может, они не становятся интегрированной частью

его Я. Он не несет, да и не должен нести за них никакой ответственности, а в перерывах между приемами наркотика испытывает полнейшую апатию, чувство пустоты или гнетущую тревогу и страх, т. к. действие наркотика закончилось и прошло как сон, который не оказывает никакого влияния на дальнейшую жизнь.

Как же человек попадает в нелепую зависимость от наркотика? У этой зависимости есть своя предыстория. *Наркоманы обычно ничего не знают о ней*, ибо она неразрывно связана со всей их прежней жизнью. Девушка, в 16 лет ставшая наркоманкой, в свои 24 года рассказывает перед телекамерой о том, что вынуждена заниматься проституцией с целью добыть героин и о том, что он ей необходим, чтобы переносить эту «скотскую жизнь». Говорит она вполне искренне, к ней можно проникнуться сочувствием и понять ее. Она считает, что этот *порочный круг для нее и есть единственно возможный образ жизни*, и это нас настораживает. Она просто не знала ничего другого и никогда не была свободна в своих решениях. Саморазрушение являлось единственным образом жизни, что не позволило девушке разглядеть всю нелепость ее сегодняшней жизни. И пусть не удивляет чрезмерная идеализация ею своих родителей. Наркоманы склонны идеализировать своих родителей. Сама она чувствует себя виноватой в том, что опозорила и разочаровала родителей. Правда, она возлагает часть вины и на общество в целом, и здесь с ней нельзя не согласиться. Но девушка не осознает, что существует конфликт между стремлением найти собственное Я и необходимостью приспосабливаться к потребностям общества и родителей, поэтому она ни в чем не обвиняет родителей. Данный вывод мы опять хотим подкрепить конкретным примером, а именно рассказом Кристианы Ф. о своей жизни.

НАРКОМАНИЯ КАК ФОРМА ПОИСКОВ СОБСТВЕННОГО Я И САМОРАЗРУШЕНИЯ. ЖИЗНЬ КРИСТИАНЫ Ф.

Первые шесть лет Кристиана провела в деревне, где целыми днями общалась с крестьянами, кормила домашних животных и вместе со своими сверстниками «валялась на сене». Затем ее семья переехала в Берлин. Там она вместе с родителями и сестрой, которая была на год младше, поселилась в трехкомнатной квартире, расположенной на двенадцатом этаже одного из многих высотных домов в районе Гропиусштадт. Внезапная утрата знакомого окружения, друзей и свойственного сельской местности ощущения простора уже сама по себе тяжела для ребенка. Она может стать и трагедией, если он оказывается наедине со своими ощущениями и вынужден в любой момент ждать наказаний или просто побоев.

«Я была бы счастлива, общаясь со своими животными, если бы отец не становился бы все более невыносимым. Мать работала, а он, после

того как ушел из бюро знакомств, был безработным. Он постоянно сидел на обшарпанной софе и все чаще и чаще без всякого повода приходил в ярость.

После работы мать готовила со мной уроки. Какое-то время я никак не могла научиться различать буквы К и Х, и однажды вечером мать с воистину ангельским терпением объясняла мне разницу. Но я почти не могла ее слушать, т. к. видела, что отец все больше и больше раздражался. Затем он принес, как всегда, из кухни веник и начал меня лупить, потом потребовал объяснить ему различие между К и Х, но я даже слова не могла сказать. Тогда он задал мне еще раз взбучку и отправил спать.

Вот такая у него была манера готовить со мной уроки. Он очень хотел, чтобы я была прилежной и чего-нибудь в жизни достигла. Ведь у его деда было безумно много денег. В Восточной Германии ему, помимо прочего, принадлежали газета и типография. После войны власти ГДР их, естественно, национализировали. Поэтому отец всегда сходил с ума, когда узнавал, что в школе у меня не все ладится.

Некоторые вечера я помню до мельчайших подробностей. Как-то нам задали нарисовать в тетради дом: шесть клеточек в длину и четыре клеточки в высоту. Я нарисовала один дом и уже точно знала, каким должен быть следующий, когда отец вдруг сел рядом. Он спросил меня, каких размеров должен быть следующий дом. От страха я не могла считать клеточки и говорила наугад. Когда я ошибалась, он принимался бить меня. Когда я уже была в таком состоянии, что могла только реветь от боли, он выдернул из цветочного горшка бамбуковую палку — она служила опорой для фикуса — и бил меня по заднице так, что с нее даже кожа слезла.

Страх возникал у меня даже за едой. Если я сажала на скатерть пятно или что-нибудь опрокидывала, то он бил меня по заднице и я, в конце концов, боялась даже притронуться к стакану молока. От страха со мной вечно случалось какое-нибудь несчастье.

По вечерам я всегда как можно более ласково спрашивала отца, не собирается ли он куда-нибудь пойти. Он часто уходил куда-то, и мы — трое женщин — могли тогда облегченно вздохнуть. Эти вечера были удивительно спокойными. Но когда отец возвращался поздно ночью, обычно пьяный, то часто устраивал скандалы. Достаточно было любого пустяка, например, разбросанных игрушек или одежды, как он начинал беситься. Ведь, по его словам, главное в жизни — порядок. Если он видел беспорядок, он *вытаскивал меня из кровати и жестоко избивал*. Доставалось также и моей младшей сестре. Затем отец разбрасывал наши вещи по полу и приказывал за пять минут собрать их и разложить по местам. Как правило, у нас это не получалось, и тогда в ход опять шли кулаки и палка.

Моя мать стояла в дверях и плакала. Она редко отваживалась защищать нас, т. к. отец бил и ее. И только мой дог Аякс иногда начинал

прыгать между нами и громко скулить. У него всегда были грустные глаза, когда в семье ссорились. Только благодаря собаке отец успокаивался, потому что он, как и все мы, очень любил собак. *Он мог накричать на Аякса, но никогда не бил его.*

Тем не менее я по-своему любила и уважала отца, ибо считала, что он намного лучше всех остальных отцов. Но главное, я очень боялась его. При этом я считала частые побои вполне нормальным явлением. У других детей в нашем районе дела обстояли точно так же. У них и у их матерей были настоящие синяки под глазами, у некоторых отцы валялись пьяные на улице или на детской площадке. Мой отец так никогда не напивался. На нашей улице из окон часто вылетала мебель, женщины звали на помощь полицию. В нашей семье не было ничего подобного.

Больше всего отец любил свой автомобиль марки „Порше“. Чуть ли не каждый день он полировал его до блеска, если только автомобиль не был в ремонте, и страшно гордился тем, что больше ни у кого из безработных, проживавших в нашем районе, не было „Порше“.

Я тогда даже понятия не имела, почему отец постоянно приходит в бешенство. Но когда я стала с матерью более часто разговаривать об отце, кое-что прояснилось. Мой отец был просто неудачником. Он хотел многого достичь, но получал от жизни только пощечины. В результате он начал опускаться. Собственный отец презирал его и очень не хотел, чтобы моя мать вышла замуж за такое ничтожество, ведь он прочил ему в свое время блестящую карьеру.

Я безумно хотела как можно скорее повзрослеть и, подобно отцу, получить власть над людьми. В конце концов мне представилась возможность понять, что такое власть.

Я, мои одноклассники и сестра играли в одну и ту же игру чуть ли не каждый день. По дороге из школы мы собирали окурки, дома разглаживали их, брали в рот и с наслаждением пускали дым. Стоило сестренке протянуть руку к окурку, как она тут же получала по пальцам. Мы приказывали ей мыть посуду, вытирать пыль и вообще выполнять все, что нам поручали родители. Затем мы забирали свои игрушки, запирали квартиру и шли гулять. Сестру же мы держали взаперти до тех пор, пока она не заканчивала все работы по дому» (S. 18–20, 22).

Итак, Кристиана, которую отец часто избивал по любому поводу, со временем начинает вести себя так, чтобы дать отцу повод побить ее. Таким образом она делает из несправедливого и непредсказуемого отца по крайней мере *справедливо наказывающего*. У нее нет другой возможности *сохранить в душе* идеализированный образ горячо любимого отца. Она начинает вести себя вызывающе с другими людьми, давая им возможность выступить в роли карающего отца. Сперва она затевает конфликт с комендантом дома, затем с учителями и, наконец, с полицейскими. С ними она сталкивается, уже став завсегдаем «тусовки наркоманов». Таким образом ее конфликт с отцом переносится на посторонних людей. Так как она не может поговорить со своим отцом о

своих внутренних проблемах, то ее первоначальная ненависть к отцу *вытесняется в подсознание*. Постепенно вся накопившаяся там ненависть униженного, непонятого, одинокого ребенка обращается против ее собственного Я. Далее Кристиана начинает делать с собой то, что с ней раньше проделывал отец. Она последовательно унижает себя, при помощи наркотиков пытается найти замену истинным чувствам, обрекает себя на молчание (а ведь у нее есть литературные способности!), на жизнь в изоляции, что ведет в конце концов к духовной деградации и физическому саморазрушению.

Некоторые из описанных Кристианой сцен напоминают мне эпизоды из жизни заключенных концлагерей. Вот, например:

«Сперва мы только дразнили и злили других детей. Потом мы хватали какого-нибудь ребенка, затаскивали его в лифт и нажимали на все кнопки. Лифт медленно полз вверх, останавливаясь на каждом этаже. Раньше то же самое ребята проделывали и со мной и как раз тогда, когда я после прогулки с собакой спешила домой к ужину. Они так же нажимали на все кнопки, и я буквально сгорала от нетерпения, дожидаясь, когда лифт дойдет до двенадцатого этажа. Аякс же страшно нервничал...

Очень подло задерживать лифт, если кому-то надо было в туалет: пока лифт ехал, человек мог уже наложить в штаны. Но еще подлее было отбирать у кого-нибудь из детей суповую ложку. Ведь только с ее помощью можно было достать до последних кнопок в лифте. Если кто-либо терял длинную деревянную ложку или позволял ее у себя отнять, он был вынужден подниматься пешком на двенадцатый этаж. Другие дети не давали ему свою ложку, а взрослые считали, что мы только играем в лифте или ломаем его» (там же, S. 27).

«Как-то под вечер у нас сбежала из клетки мышь и спряталась на газоне, куда мы не имели права заходить. Мы так и не нашли ее. Было немного грустно, но я утешила себя мыслью, что там ей будет лучше, чем в клетке.

Вечером того же дня отец, как назло, зашел к нам в детскую и задал дурацкий вопрос: „Почему здесь только две мыши? А где же третья?“ Ничто не предвещало несчастья, ведь вопрос прозвучал так забавно. Отец терпеть не мог мышей и всегда требовал, чтобы я отдала их кому-нибудь. Поэтому я честно рассказала, что мышь сбежала, когда мы играли на детской площадке.

Отец, как безумный, посмотрел на меня. Я поняла, что сейчас такое начнется! Он заорал и ударил меня. Я думала, он сейчас меня убьет. Он никогда так сильно меня не бил. Когда он переключился на сестру, я воспользовалась передышкой и инстинктивно бросилась к окну. Наверное, я бы выпрыгнула с двенадцатого этажа, но отец схватил меня за плечи и швырнул обратно на кровать. Мать, как обычно, стояла в дверях и плакала. Я даже не смотрела в ее сторону и обратила на нее внимание, только когда она набросилась на отца с кулаками.

Тут он вконец с ума сошел. Выгнал ударами мать в коридор и там принялся жестоко избивать ее. Я больше испугалась за нее, чем за себя и поэтому бросилась вслед. Мать попыталась укрыться в ванной, но отец успел удержать дверь. В ванной мать постоянно замачивала белье, т. к. на стиральную машину у нас никогда не хватало денег. Так вот: отец схватил мать за волосы и окунул головой в воду. Уж не знаю, как ей удалось освободиться. Может, отец просто отпустил ее...

С бледным как смерть лицом он скрылся в гостиной. Мать подошла к гардеробу, одела пальто и молча ушла.

Это был один из самых страшных моментов в моей жизни. Ведь мы остались одни. Я сразу же подумала, что отец сейчас вернется и снова будет нас бить. Но в квартире было тихо. Только телевизор работал» (там же, S. 34).

Разумеется, на долю узников концлагерей выпадали более тяжкие страдания. Однако, вряд ли кто-либо усомнится в том, что между их положением и ситуацией, сложившейся в семье Кристианы, наблюдается довольно значительное сходство. Тем не менее, многочисленные случаи насилия над детьми вызывают у нас поразительно спокойную реакцию. В полном соответствии с педагогическими принципами мы говорим: «Что тут особенного? Нужно же как-то воспитывать детей» или «Тогда так было принято» или «Кто не хочет слышать, да почувствует». Один весьма солидный пожилой человек с нескрываемым удовольствием рассказал в широком кругу, как мать в детстве качала его над костром из соломы, чтобы высушить его белье и отучить мальчика мочиться в штаны. Под конец он произнес следующие знаменательные слова: «Я не знаю лучшей женщины, чем моя мать, но у нас тогда так делали». Неспособность почувствовать собственные страдания, перенесенные в детстве, порождает эмоциональную глухоту и делает человека невосприимчивым к чужим страданиям. Если меня таким образом воспитывали во имя моего же блага, значит, такое обращение является неотъемлемым элементом жизненного уклада, это надо просто принять и какие-либо сомнения здесь неуместны.

Глухота к страданиям других объясняется тем, что человек сам в детстве подвергался насилию, воспоминания о котором хоть и сохранились, но, как правило, остались в области бессознательного.

Поэтому пытки по-разному воздействуют на взрослых и детей. У последних еще не настолько сформировалось собственное Я, чтобы в их подсознании сохранились воспоминания о мучениях вместе с сопутствующими ощущениями. В таких случаях (и то не всегда) человек помнит, что его в детстве били и что — как утверждали родители — это делалось для его же блага. Поэтому из тех, кого в детстве жестоко избивали, вырастают столь же жестокие отцы и матери, потенциальные палачи, лагерные и тюремные надзиратели, мучители. Некий идущий из подсознания импульс заставляет их повторять историю своего детства, т. е. причинять страдания другим. Этих людей так рано начали

бить и унижать, что они просто не в состоянии эмоционально почувствовать, что в детстве они были беспомощными и одинокими. Для этого было необходимо присутствие в их жизни человека, относившегося к ним с пониманием и защищавшего их. Только при таких условиях они смогли бы интегрировать в собственное Я восприятие себя как *слабого, беспомощного, избитого ребенка, которым они, по сути, и остались.*

Теоретически вполне можно представить себе, что избитый отцом ребенок потом может поплакаться в подол доброй тете и все ей рассказать, и эта женщина не будет пытаться не только оправдать отца, но и не станет принижать значение инцидента, произошедшего с ребенком. Однако такая счастливая возможность имеется редко. В семьях, где детей бьют, родители, как правило, придерживаются общих педагогических принципов, либо один из родителей сам является жертвой. Так что ребенку не у кого искать защиты в своей семье. У ребенка нет внутренней свободы, чтобы найти добрую «тетю» и рассказать ей все. Ребенок скорее смирится с ужасным одиночеством, с тем, что ему придется подавлять свои истинные чувства, но он ни за что не станет обвинять в чем-то отца или мать, тем более перед чужими людьми. Психологи знают: может потребоваться 30, 40 и даже 50 лет, чтобы человек, наконец, смог осознанно пережить свои детские обиды, которые долгое время он подавлял, и рассказать о них.

Поэтому судьба маленького ребенка, подвергнувшегося насилию, возможно, еще более трагична и по своим последствиям для общества еще более ужасна, чем судьба взрослого, брошенного в концлагерь. Правда, бывший заключенный концлагеря порой оказывается не в состоянии адекватно передать весь ужас своего тогдашнего положения¹. Он встречается с равнодушием, холодностью, непониманием и даже неверием других людей. *Сам он, однако, никогда не будет воспринимать причиненные ему страдания как своего рода благодеяния или необходимые воспитательные меры и не будет пытаться проникнуть во внутренний мир своих палачей с целью разобраться в мотивах их поведения.* Он просто постарается найти людей с аналогичной судьбой, способных понять его чувства возмущения, ненависти и отчаяния.

У подвергнувшегося насилию ребенка нет таких возможностей. Как видно на примере Кристианы Ф., *он чувствует себя чужим не только в своей семье, но и внутри своего собственного Я.* И т. к. ему не с кем разделить свою боль, то он никогда не будет плакаться даже себе самому. Даже глубоко в душе он себя никогда не пожалеет. Он предпочтет «стиснуть зубы и вести себя мужественно». Беззащитности и беспомощности нет места в его душе, и он позднее поступает с другими так,

¹ В книге Вильяма Нидерланда «Последствия преследования» (William G. Niederland. Folgen der Verfolgung, 1980) с точки зрения психиатра весьма убедительно показана ситуация, когда бывший заключенный сталкивается с полнейшим непониманием со стороны окружающих.

как с ним поступали в детстве — он не терпит беззащитных и беспомощных.

Человек, которого как с помощью телесных наказаний, так и без них заставили убить в себе подлинно детские ощущения, всю жизнь будет их инстинктивно бояться. Но душевные порывы так сильны, что крайне редко удается их полностью заглушить. Они постоянно ищут возможности проявиться и зачастую это происходит в искаженных и небезопасных для общества формах. Речь идет обычно или о мании величия, или о неоправданной жестокости по отношению к другим, или о борьбе со «злом» внутри самого себя. Мы могли уже убедиться, что все эти формы характерны для «черной педагогики».

При сравнении последствий насилия, совершенного над ребенком и взрослым, помимо *степени развитости собственного Я*, наличия *лояльности по отношению к своим учителям* и степени выраженности *одиночества* следует учитывать еще один аспект. Заключенный не может сопротивляться, он вынужден безропотно сносить самые страшные унижения, но зато он *внутренне свободен* и никто не препятствует ему в душе ненавидеть своих мучителей. Возможность *осознанно переживать свои чувства*, поделиться своими чувствами с товарищами по несчастью помогает ему сохранить свое подлинное Я. Такого шанса у ребенка нет. Он *не вправе* ненавидеть отца не только потому, что это запрещает библейская заповедь и потому, что так его с детства воспитывали; он *не может ненавидеть его, поскольку боится навсегда утратить его любовь и не хочет его ненавидеть, потому что любит его*. В отличие от узников концлагерей ребенок в своем мучителе видит не ненавистного, а *любимого* человека, и данное обстоятельство сильнейшим образом влияет на всю его последующую жизнь. Кристиана Ф. рассказывает о своем отце:

«Я не ненавидела, а боялась его. А еще я всегда гордилась им. Ведь он очень любил животных и имел классный автомобиль, модели „Порше 62“» (S. 36).

Ее слова производят такое сильное впечатление потому, что они совершенно правдивы. Именно такие чувства испытывает ребенок. Его терпимость воистину безгранична. Он всегда хранит верность и гордится тем, что так жестоко измывающийся над ним отец никогда не причинил зла животному. Он, как правило, готов все ему простить, взять всю вину на себя, подавить в себе ненависть, забыть все произошедшее, не помнить зла, никому ничего не рассказывать и попытаться вести себя так, чтобы избежать новых побоев. Ребенок пытается определить, что вызывает недовольство отца, пытается понять его. Взрослые обычно очень редко ведут себя так по отношению к зависимому от них, весьма чувствительному ребенку. Как правило, такое поведение свойственно психотерапевтам. Но что происходит с подавленными эмоциями? От них никуда не деться. Их необходимо направить на других, но не на отца. Приведем отрывок из рассказа Кристианы. В нем она описывает

ситуацию, сложившуюся в их семье после развода, когда мать стала жить с неким Клаусом.

«Мы постоянно ругались друг с другом из-за любого пустяка. Иногда я сама провоцировала скандал. На мое одиннадцатилетие мать подарила мне проигрыватель. У меня было несколько пластинок с самыми разными записями: диско и другой музыки, популярной среди подростков. Теперь вечерами я терзала громкой музыкой слух матери и ее сожителя. Как-то Клаус не выдержал, зашел в детскую и потребовал уменьшить звук. Я, конечно, не послушалась. Тогда он рывком снял иглу с пластинки. Я снова поставила ее и загородила собой проигрыватель. Он попытался отодвинуть меня, и тут я такой крик подняла!» (S. 38).

Ребенок, безропотно сносивший побои отца, устраивает скандал, когда посторонний дотрагивается до него. Во время сеансов психоанализа подобные рассказы можно услышать довольно часто. Так, многие фригидные женщины, испытывающие отвращение даже при прикосновении мужа, на сеансе психотерапии вспоминали, что в детстве страдали от сексуальных посягательств со стороны отцов или других мужчин — членов семьи. Воспоминания об этом, как правило, не вызывают у них сильных переживаний. Сильные эмоции направлены против нынешних партнеров. Лишь со временем женщина сознательно переживает весь спектр чувств, связанных с ранним детством: стыд, унижение, ярость, возмущение, что, в конце концов, приводит к тому, что она разочаровывается в любимом отце.

Часто на сеансах психоанализа случается, что, прежде чем пациентка сможет эмоционально пережить сцены сексуального насилия со стороны отца, к ней приходят «воспоминания», но только в них присутствует другой мужчина, менее близкий человек.

Кто же в данном случае этот мужчина? Если это был не отец, то почему тогда ребенок не оказывал сопротивления? Почему он не рассказал об этом родителям? Не потому ли, что именно отец проделывал с ним подобное и ребенок понял, что надо молчать? Направляя отрицательные эмоции против личности, более или менее безразличной ему, ребенок может сохранить хорошие воспоминания об отце. После скандалов с Клаусом Кристиане показалось, что ее отец совершенно изменился. «Он оказался очень милым. Он был и в самом деле мил. Он снова подарил мне собаку. Дога» (S. 39). Далее мы читаем:

«Отец у меня ну просто класс! Я поняла, что он по-своему любил меня. Теперь он относился ко мне, как ко взрослой. Даже разрешил вечерами гулять с ним и его подругой.

Он образумился, стал дружить со сверстниками и всем рассказывал, что он уже был женат. Я больше не называла его „дядей Рихардом“. Он, похоже, теперь даже гордился своей старшей дочерью, т. е. мной. Правда, при планировании отпуска проявлялась его типичная черта: он сделал так, как было удобней ему и его друзьям, взяв отпуск в конце

каникул, и я на две недели позже начала учебный год в новой школе. У меня сразу появилось несколько „хвостов“» (S. 40).

Спротивление, которое она никогда не оказывала отцу, теперь вылилось в ожесточенную борьбу с учителями.

«Я чувствую, что меня не хотят признавать в школе. Другие ведь уже ушли вперед. Я прибегла к испытанному еще в начальной школе приему. На уроках я постоянно перебивала учителей, выкрикивала реплики и яростно спорила. В некоторых случаях я была права, но чаще выступала не по делу. Просто я хотела бороться. Против учителей. Я хотела признания» (S. 41).

Эту борьбу Кристиана вела и с полицейскими. Она даже смогла полностью забыть о вспыльчивом нраве отца. Вот что она пишет:

«Раньше для меня только (!) комендант дома был авторитарным типом, которого следовало ненавидеть, потому что онечно „портил кайф“. Полицейский же был пока для меня незыблемым авторитетом. Теперь я знаю, что мир комендантов домов в нашем районе ничем не отличается от мира полицейских. Теперь я поняла, что „менты“ гораздо опаснее комендантов. Все, что говорили Пит и Кати, я воспринимала теперь как правду чистой воды» (S. 46).

В конце концов ей предложили гашиш и она, разумеется, «не смогла отказаться».

«Кати начала ласково поглаживать меня. Я так и не поняла, нравится мне это или нет» (S. 47).

Обратите внимание: бойкий, но в то же время закомплексованный ребенок не может *разобраться в своих ощущениях*.

«Я не сопротивлялась, меня словно парализовало. Я страшно боялась чего-то. Как-то я даже хотела убежать, а потом подумала: „Кристиана, за все надо платить. Видно, это цена за то, что тебя приняли в эту компанию“. Теперь я позволяла делать с собой все, что угодно, и никому ничего не говорила. Я даже в чем-то преклонялась перед этими парнями и девчонками» (S. 48).

Кристиана с ранних лет поняла, что любовь и признание можно получить только ценой отрицания собственных потребностей и таких чувств, как ненависть, отвращение, гнев, т. е. необходимо в каком-то смысле пожертвовать собой. Отныне все ее стремления сводятся к тому, чтобы ни чем не отличаться от своего окружения, стать такой же *классной* — это слово встречается по много раз едва ли не на каждой странице — т. е. полностью отказаться от собственного Я. Для того, чтобы стать классной, требовался гашиш.

«В отличие от алкоголиков, которые в компании готовы вымещать на других свою злобу, и потому ведут себя довольно агрессивно, мы полностью отключались от окружающего мира. Мы по вечерам надевали классные шмотки, курили травку, слушали классную музыку и ощущали полное умиротворение. Мы не думали о том, какая дерьмовая жизнь окружала нас.

Я пока еще не ощущала все то, что чувствовали другие. Мне казалось, для этого я еще слишком молода. Но они служили мне примером. Я хотела стать по возможности такой, как они. Я хотела у них научиться, как нужно жить в кайф и как плевать на всех сволочей и на сволочную жизнь (S. 49).

Мне все время приходилось как-то себя заводить. Я постоянно была в трансе. Мне это нравилось, т. к. я хотела забыть, какой кошмар меня ждет дома и в школе (S. 51).

Я постоянно напускала на себя задумчивый вид. Никому я не позволяла заглянуть к себе в душу. Никто не должен был заметить, что я вовсе не была такой крутой, как хотела казаться (S. 52).

В нашей компании все было в ажуре. *Свои личные проблемы мы не обсуждали.* Никто не рассказывал о том, что делается дома или на работе; когда мы были вместе, мы забывали обо всем» (S. 60).

Мнимое Я создается абсолютно сознательно и точно так же доводится до полного совершенства. Некоторые предположения иллюстрируют этот тезис:

«Это были классные ребята...»

«Этот был даже круче, чем „наши“...» (S. 63).

«Как-то ощущалось *отсутствие всякого контакта* между людьми...» (S. 64).

«Это была крутая компания» (S. 68).

«На лестнице... очень спокойно...» (S. 67).

Идеалом является состояние полного покоя, достичь которого ребенку в пубертатный период труднее всего. Именно в это время он испытывает наиболее сильные эмоциональные переживания, и борьба с ними при помощи наркотиков равносильна *убийству собственной души*. Чтобы сохранить остатки жизненных сил и не потерять окончательно способность испытывать сильные ощущения, приходится принимать уже не успокаивающие, а возбуждающие наркотики, которые позволяют *почувствовать, что ты еще жив*. Главное — можно самому все *регулировать и контролировать*. Таким образом, если раньше родители добивались контроля над чувствами с помощью побоев, то теперь двенадцатилетняя девочка пытается влиять на свое настроение другим способом.

«В дискотеке можно раздобыть любые наркотики: я пробовала валиум, мандракс, эфедрин, каптагон, конечно, часто пользовалась гашишем и по крайней мере два раза в неделю ЛСД. Успокаивающие и возбуждающие таблетки мы глотали горстями. Вещества, из которых эти таблетки состояли, вступали в реакцию друг с другом. Это было потрясающе! Можно было таким образом создать себе любое настроение. Если я хотела как следует повеселиться на дискотеке или на концерте, то я глотала каптагон и эфедрин, а если спокойно посидеть в углу — валиум и мандракс. И тогда я была счастлива целые две недели» (S. 70).

Что же дальше?

«Дальше я пыталась убить в себе все чувства, которые я испытывала по отношению к другим. Я не пила таблеток. Я пила целый день чай с гашишем и курила одну сигарету за другой. Спустя пару дней я вновь чувствовала себя в форме. Мне удалось полюбить только себя одну. Мне казалось, что теперь-то я контролирую свои чувства (S. 73).

Я стала спокойной. Это объяснялось еще и тем, что я все больше пила успокаивающих таблеток и все меньше возбуждающих. Я теперь редко ходила на танцплощадку, только если не могла достать наркотик.

Дома у меня с матерью и ее другом больше не возникало никаких сложностей. Я перестала возражать им, перестала высказывать свои претензии, т. к. отказалась от мысли что-либо изменить в своем доме. И я сразу заметила, что ситуация разрядилась (S. 75).

Я принимала все больше таблеток. Однажды вечером я даже переборщила. У меня были деньги, и у ребят были любые таблетки на выбор, а я чувствовала себя какой-то разбитой, поэтому выпила каптагон, три таблетки эфедрина и две кофеина, запив все кружкой пива. Но это было уже чересчур, поэтому пришлось проглотить мандракс и целую горсть валиума» (S. 78).

Она отправляется на концерт Дэвида Боуи, но не может настроиться на приятные впечатления, а поэтому «накачивается» наркотиками. «Не для того, чтобы войти в раж, а чтобы оторваться на концерте по полной программе» (S. 80).

«Когда Дэвид Боуи начал выступление, было классно, как я и ожидала. Это было потрясающе. Но когда он запел песню „It is too late“ („Уже слишком поздно“), у меня вдруг испортилось настроение. В последние недели я не знала, для чего я живу и куда иду, и поэтому песня „It is too late“ задела меня за живое. Мне казалось, что в песне очень точно описана моя жизненная ситуация. Хорошо было бы выпить валиум» (S. 81).

Когда при помощи опробованных наркотических средств нельзя было обеспечить контроля над своими чувствами, Кристиана в возрасте тринадцати лет переходит на героин, и, вроде бы, все становится на свои места.

«Если разобраться, дела у меня тогда обстояли хорошо. Ломки обычно не бывает, когда только начинаешь принимать новый наркотик. Я находилась в состоянии кайфа неделю. Все было прекрасно. Дома уже не было ссор. К школе я тоже стала относиться гораздо спокойнее, иногда даже делала уроки и получала приличные оценки. В течение следующих недель по некоторым предметам я исправила двойки и стала даже хорошисткой. Вдруг даже показалось, что я могу ладить со всеми и вообще жизнь — классная штука!» (S. 84).

Люди, которые в детстве не научились проявлять свои истинные чувства и их свободно выражать, в подростковый период испытывают большие трудности.

«У меня постоянно были какие-то проблемы, и я даже не понимала, что это были за проблемы. Я нюхала героин, и проблемы исчезали. Но одной дозы уже не хватало на неделю (S. 92).

Я как-то утратила связь с реальной жизнью. Реальное было для меня нереальным. Меня не интересовал ни день вчерашний, ни день завтрашний. У меня не было никаких планов — только мечты. Охотней всего я разговаривала с Детлефом о том, что было бы, если бы у нас было много денег. Мы хотели купить себе большой дом, большую машину, самую шикарную мебель. Только одного не было в наших мечтах: героина» (S. 95).

Когда произошла первая ломка, исчезла и иллюзия контроля над своими чувствами и независимости от чувств. Человек, как младенец, снова ощущает себя неспособным управлять своими чувствами.

«Я была зависима от героина и от Детлефа. Это-то меня и пугало. Что же это за любовь, когда один полностью зависим? Что было, когда Детлеф просил меня достать у кого-нибудь травку или же заставлял идти побираться? Я-то знаю, как наркоманы побираются, когда у них начинается ломка. Они позволяют себя унижать, ползают в грязи, становятся ничтожествами. Я не могла попрошайничать. Тем более этого не мог делать Детлеф. Когда он меня об этом просил, наши отношения были на грани разрыва. Я еще никогда никого ни о чем не просила (S. 114).

Я вспоминала о том, как резко я отзывалась о поведении наркоманов, которые были в состоянии ломки. Я никогда не пыталась понять, что с ними происходит. Я только видела, что они были чувствительными, ранимыми, безвольными существами. Наркоман в состоянии ломки не может сопротивляться, он становится полным ничтожеством. На некоторых из них я иногда вымещала свою злобу. Можно было методично втапывать их в грязь. Нужно было только уметь играть на их слабостях, бить в больное место — и тогда они ломались. Когда они не могли достать наркотик, они понимали, чего они стоят. В таком состоянии они уже не были крутыми, не чувствовали себя выше всех.

Я говорила себе: если у тебя начнется ломка, они тебя уничтожат. Они-то тогда поймут, какая ты, в сущности, слабая» (S. 115).

Ожидая ломки и боясь ее, Кристиана оставалась одинокой: ей некому было открыть душу, даже матери она не могла ничего рассказать, потому что «мать сошла бы с ума, если узнала бы об этом. Я не могу причинить ей такую боль», — считает Кристиана и, как и в детстве, остается одинока в своем несчастье, для нее главное — сберечь душевное здоровье матери.

Она снова вспоминает о своем отце, когда собирается идти на панель, не говоря при этом ничего своему другу Детлефу.

«Я — и на панель? Прежде чем это сделать, я должна была бы перестать колоться. В самом деле. Но нет, отец все же вспомнил, что у него есть дочь, и дал мне денег на карманные расходы» (S. 120).

Но если гашиш еще оставлял надежду на освобождение, независимость, то героин означал *полную зависимость*. Сильный наркотик выполняет функцию властного, вспыльчивого отца, оставшегося в смутных детских воспоминаниях. Если тогда приходилось скрывать от родителей свое подлинное Я, то теперь жить настоящей жизнью приходится в глубоко подполье, боясь, что о ней узнают учителя и родители.

«С каждой неделей мы становились все более агрессивными. Ежедневные стрессы, вызванные лихорадочными поисками денег на героин и необходимостью постоянно прятаться от родителей и лгать им, окончательно подорвали мои нервы. Я уже не могла себя контролировать, даже находясь в своей компании» (S. 133).

Наверное, глядя со стороны, можно было бы заметить, как в сознании Кристианы вновь всплыл образ отца, о чем свидетельствует незамысловатый искренний рассказ о Максе-Заике, иллюстрирующий весь трагизм ситуации и стоящий многих научных трудов по психоанализу. Кристиана пишет:

«Детлеф рассказал мне печальную историю о Максе-Заике. Ему было уже под сорок, родился он в Гамбурге и работал где-то подсобным рабочим. Его мать была проституткой. В детстве она и ее сутенеры страшно избивали его. Поэтому он заикался, а побои доставляли ему сексуальное удовлетворение. По-другому он уже не мог его получить.

Мы отправились к нему на квартиру и я сразу же потребовала денег, хоть он и был нормальным клиентом, с которым можно было быть спокойной. Он дал мне 150 марок и я тут же от гордости воспряла духом. Еще бы! Так классно занять за один раз столько денег!

Я сняла рубашку и он дал мне плетку. Все было, как в кино. Я была сама не своя и сперва наносила удары не в полную силу. Он захныкал и начал умолять причинить ему боль. И тут я как начала его хлестать! Он орал „Мамочка!“ и еще бог знает что. Я не слушала и старалась даже не смотреть на него. Раз только мельком взглянула и увидела, как красные полосы на его спине набухли, и в нескольких местах лопнула кожа. Эта мерзость продолжалась почти час.

Когда он дошел до иступления, я накинула рубашку и пулей вылетела на лестницу. Меня тошнило. У подъезда меня прямо-таки вывернуло наизнанку. Я не плакала и не испытывала к себе никакого сострадания. Где-то в душе я понимала, что сама довела себя до такого состояния и что теперь сижу в полном дерьме. Я пошла на вокзал. Детлеф уже был там. Я коротко рассказала ему, что в одиночку поработала с Максом-Заикой (S. 125).

Он стал нашим с Детлефом постоянным клиентом. Иногда мы ходили к нему вдвоем, иногда по одному. Макс был всегда на высоте. Он любил нас обоих, но, к сожалению, уже не мог платить нам по 150 марок за вечер. Ведь подсобный рабочий получал не очень много. Но уж сорок марок — столько стоила одна доза — он всегда мог наскрести. Как-то он даже разбил свою свинью-копилку, извлек оттуда какую-то мелочь

и набрал все-таки сорок марок. Если я очень спешила, то забегала к нему, забирала двадцать марок и говорила, что приду завтра и что пусть он готовит оставшуюся сумму. Если у него были деньги, он соглашался.

Макс всегда ждал нас. Меня он угощал моим любимым персиковым соком, а для Детлефа всегда заранее ставил в холодильник его любимое блюдо — пудинг с манной крупой. Он готовил его сам. Кроме того, у него был богатый выбор йогуртов „Данон“, т. к. он знал, что после работы я очень любила поесть йогурт или шоколад. Нанесение ему побоев стало для нас чем-то совершенно обыденным. Исполнив свои обязанности, я с аппетитом ела, пила и немного болтала с нашим „подопечным“.

Он худел прямо на глазах, т. к. действительно тратил на нас последние марки и уже не мог купить себе достаточное количество еды. Он очень привык к нам и при разговоре почти не заикался (S. 126).

Довольно скоро он вылетел с работы и ухитрился совсем опуститься, так ни разу и не попробовав наркотиков. Мы полностью доконали его. Он умолял нас хоть изредка приходить к нему. Но такие дружеские визиты не в стиле наркоманов. Во-первых, они относятся к другим людям без особого тепла, а во-вторых — и это главное, — они целыми днями заняты поисками денег, и на все остальное их не хватает. Когда Макс со слезами на глазах обещал чуть позже достать денег и щедро расплатиться с нами, Детлеф прямо заявил ему: „Наркоман — это как бизнесмен. Он ежедневно должен думать о выручке. Он не может просто так по дружбе давать кредиты“» (S. 128).

В данной ситуации Кристиана и ее друг Детлеф вели себя как чрезмерно занятые на работе родители, научившиеся извлекать для себя пользу из зависимого положения ребенка. Трогательный же набор йогуртов — это в каком-то смысле воспоминания о «счастливом детстве». Вполне можно представить себе мать, сперва жестоко избившую ребенка, а потом пытающуюся накормить его. Кристиана никогда бы не вынесла даже одной встречи с Максом, если бы не ее, мягко говоря, довольно своеобразные отношения с отцом. Его образ глубоко *проник в ее подсознание*. И избивала она клиента не только за деньги, но еще и из подспудного желания *заставить кого-нибудь расплачиваться за ее собственное убожество*. Это позволило ей почувствовать себя сильной за счет других, дало шанс выжить, но одновременно убило в ней жизнерадостного, впечатлительного, умного, полного жизненных сил, но зависимого от родителей ребенка.

«Когда у кого-нибудь из нас была ломка, то другой мог в конце извести его, несмотря на то, что иногда мы бывали нежными друг с другом, как дети. Такие отношения у меня были не только с девушками, но и с Детлефом. Ты, глядя на другого, видишь, какое ты ничтожество. Ты себя ненавидишь за то, что ты убожество и потому тебе хочется унижать другого, чтобы доказать себе, что ты не такой уж пропащий человек.

Эта агрессивность проявлялась, конечно, и по отношению к другим людям (S. 137).

Когда я еще не употребляла героин, я постоянно всего боялась: отца, потом друга моей матери, этой мерзкой школы и учителей, коменданта дома, полицейских на улицах, контролеров в метро. Теперь же я чувствовала себя так, как будто со мной ничего не могло случиться. Я даже не боялась переодетых в гражданское полицейских, которые иногда шпионили на вокзале. Всегда, когда была облава, мне удавалось сохранять хладнокровие и уходить от полиции» (S. 195).

Внутренняя пустота и душевная холодность делают в результате жизнь совершенно бессмысленной и заставляют все чаще думать о смерти:

«Наркоманы умирают в полном одиночестве. В основном это происходит в вонючем сортире. Я тоже искренне хочу умереть и, собственно говоря, ничего другого не жду. Я не знаю, зачем я живу. Я и раньше этого толком не знала. Зачем наркоман вообще живет на свете? Чтобы погубить себя и других? Сегодня я подумала, что умереть стоит хотя бы ради матери.

Я все равно толком не знала, жива ли я еще или уже умерла (S. 216).

Но ведь я очень боюсь смерти. Дурацкий страх перед ней сводит меня с ума. Я хочу умереть, но перед каждой дозой испытываю непонятный страх перед смертью. Ведь я еще по-настоящему не жила» (S. 221).

Кристиане несказанно повезло. Сотрудники журнала «Штерн» Кай Херман и Хорст Рик два месяца терпеливо слушали ее исповедь. На решающей стадии пубертатного периода, после таких кошмарных переживаний и полного душевного одиночества девочке посчастливилось встретить людей, которые не только с пониманием и сочувствием отнеслись к ней, но и дали ей возможность *высказаться*, поведать историю своей жизни.

СКРЫТАЯ ЛОГИКА АБСУРДНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Чуткого читателя после знакомства с рассказом Кристианы наверняка охватит такое отчаяние и бессилие, что он постарается поскорее забыть эту историю, которая, вероятно, даже покажется ему придуманной. Но он не сможет этого сделать, т. к. в душе поймет, что это чистая правда. Если же он постарается осмыслить прочитанный текст и попытается найти ответ на вопрос о причине произошедшего, то обнаружит, что не только наркомания и алкоголизм, но и другие внешние абсурдные формы человеческого поведения не могут быть объяснены с помощью традиционной жизненной логики. Если случай сводит нас с наркоманом, разрушающим тело и душу, то мы пытаемся повлиять на него разумными доводами или — что гораздо хуже — воспитательными мерами. Это свойственно также многим специалистам в области груп-

повой психотерапии. На их сеансах подросток попадает «из огня да в полымя», т. к. ему навязывается определенная точка зрения. А ведь без самостоятельных поисков ответа на вопрос, что именно заставило его употреблять наркотики и что подсознательно он хочет сказать обществу, нельзя избавиться от пагубной страсти. Привожу довольно любопытный пример.

23 марта 1980 г. в студии немецкой телекомпании ЦДФ перед камерами предстал излечившийся пять лет тому назад бывший наркоман и подробно рассказал о своей нынешней жизни. Явственно чувствовалось, что он пребывал в состоянии глубокой депрессии. Мне даже показалось, что он не исключал мысли о самоубийстве. Ему двадцать четыре года, у него есть подруга. Он рассказал, что он сейчас занимается обустройством своей квартиры в мансарде родительского дома. Он хочет отделать и обставить ее по «первому классу». Родители, которые никогда не понимали его и считали его пристрастие к наркотикам чем-то вроде смертельной болезни, теперь нуждались в помощи и потому настаивали на том, чтобы он находился рядом с ними. Сын же всем сердцем привязался к своей новой квартире, к мебели и вещам, находившимся там и принадлежавшем ему, ради которых ему пришлось отказаться от мысли жить отдельно от родителей. Сейчас он жил, как в золотой клетке и по вполне понятным причинам все чаще боялся, что опять начнет употреблять наркотики. Если бы этот юноша прошел курс психотерапии и смог излить накопившуюся с раннего детства ярость на бесчувственных авторитарных родителей, он никогда не позволил бы запереть себя в клетку, но в то же время, не раздумывая, оказывал бы родителям всяческую помощь. Так помогать родителям может лишь тот, кто подсознательно не чувствует себя зависимым от них ребенком. Зависимость от родителей, напротив, часто оборачивается наркоманией и даже самоубийством. И то, и другое, впрочем, лишь последствия того, что история детства оказывалась в течение многих лет непонятой и непознанной.

Классическая психиатрия, несмотря на имеющиеся в ее распоряжении мощные средства воздействия, в сущности, ничего не сможет сделать до тех пор, пока она *пытается устранить ущерб, причиненный психике человека в раннем детстве с помощью воспитательных мер*. Вся система наказаний в психиатрических клиниках с ее утонченными приемами унижения, как и система воспитания, *пытается заставить замолчать подсознание, посылающее нам закодированную информацию*. Это отчетливо видно на примере отношения к жизни тех, кто «помешан» на похудении.

Одна девушка из состоятельной семьи, привыкшая к материальным и духовным благам, теперь гордится, что ее вес не превышает 30 кг. Ее родители считают, что у них очень гармоничный брак, да и с ребенком, который оправдывал все их ожидания, до сих пор не было проблем. Теперь же они в ужасе от ее добровольного, переходящего все разумные границы голодания. Я бы лично думала в такой ситуации, что из-за бур-

ного всплеска эмоций в период полового созревания девушка больше не в состоянии жить по-старому. Однако скованность и неумение переживать эмоции не позволяют ей принять прилив чувств как должное. Преодолевая себя, обрекая себя на лишения, девушка убивает таким образом свои чувства, а заодно и подрывает здоровье. Именно так, как она сейчас обращается с собой, вели себя с ней раньше отец и мать. Это отнюдь не значит, что ее родители — злые люди. Они только хотели, чтобы ребенок полностью соответствовал их желаниям. Этого они и добились: девушка выполняет все требования, предъявляемые к ней, способна к большим достижениям; все восхищаются ею. Но такое воспитание часто приводит либо к потребности в самопреодолении (реализующейся в форме голодания), либо к потере аппетита на нервной почве. Неважно, кто осуществляет воспитание: родители или домашний педагог. В любом случае часто присутствуют все элементы системы авторитарного воспитания: безжалостность, строгий контроль и полное нежелание понять истинные потребности ребенка и проникнуться к ним сочувствием. Иногда ребенок ощущает нежность по отношению к себе, иногда — холодность, и тогда он чувствует себя одиноким. Поэтому у него временами бывает хороший аппетит, а иногда он отказывается от пищи. Если же его кормить насильно, часто следует рвота. В этом — основная причина анорексии. (Впрочем, встречается еще большая крайность. Некоторые родители ежедневно контролируют вес ребенка, и если он оказывается хотя бы на пять граммов больше или меньше, чем определили они, наказывают его.) Итак, основной закон «полицейской» системы воспитания гласит: «Все средства хороши, чтобы ты стал таким, как хочу я. Иначе я тебя не буду любить».

Даже самый опытный психотерапевт вынужден заниматься проблемой увеличения веса крайне истощенных пациентов, иначе невозможен будет продуктивный разговор. Но все же есть разница, объяснит ли врач пациенту, что тому нужно поправиться, имея при этом в виду главную цель — раскрыть ему его душевный мир, — или же просто будет считать целью лечения увеличение веса пациента. В последнем случае психотерапевт берет на себя функции воспитателя, а это значит, что его пациент не застрахован от рецидивов навязчивых состояний. Впрочем, если этого не произойдет, радоваться рано. Не исключено, что воспитание было настолько успешным, что его результаты проявятся только у взрослого человека, который в любом случае будет не в состоянии открыто переживать свои чувства.

Истоки любого абсурдного поведения кроются в раннем детстве, но выявить их невозможно до тех пор, пока манипулирование физическими и духовными потребностями ребенка воспринимается не как насилие, а как необходимые воспитательные меры. Так как даже специалисты этого не понимают, то проводимый ими курс терапии зачастую является лишь продолжением раннего, часто неосознанного насилия. Зачастую мать, собираясь вечером уйти из дома, дает годовалому сыну

валиум, чтобы он в ее отсутствие спокойно спал. Я допускаю, что иногда это действительно нужно. Но если валиум становится *средством постоянного контроля над детским сном*, то тем самым нарушается природное душевное равновесие, *в подсознании ребенка очень рано зарождается чувство неуверенности*. Возможно, что поздно возвратившиеся родители хотят поиграть с ребенком и будят его. Но если ребенку дали валиум, то это не только нарушает его природный ритм сна, но и мешает после пробуждения адекватно воспринимать окружающий мир. К тому же, если ребенок не испытает на себе, каково это остаться в квартире одному, он не будет знать, что такое страх, и, уже будучи взрослым, возможно, не сумеет вовремя почувствовать опасность.

Чтобы ребенок развивался нормально и в зрелом возрасте не проявлял склонности к абсурдному, саморазрушающему поведению, его родителям вовсе не нужно изучать обширные научные трактаты по психологии. Если родители не будут манипулировать совсем маленьким ребенком ради удовлетворения своих потребностей, использовать его в своих целях — что может привести, как уже было сказано, к нарушению душевного равновесия — то тогда ребенок сможет *слушать то, что ему подсказывает его организм*, и это будет для него лучшей защитой от предъявляемых к нему требований, которые порой переходят разумные границы, а где-то и границы приличия. Сигналы организма и его язык с раннего детства *будут ему знакомы*. И если родители смогут относиться к ребенку *с тем же уважением и той же терпимостью, как и к своим родителям*, то тогда они создадут ребенку самые лучшие условия для всей его дальнейшей жизни. Уважение родителей к детям важно не только для развития в ребенке чувства самооценности, но и для того, чтобы у него была свобода для развития своих природных данных. Как я уже говорила, для этого родителям не нужно штудировать труды по психологии — им просто надо пересмотреть свои методы воспитания.

Отношение родителей к ребенку влияет и на последующее отношение ребенка к себе самому. *И самые большие страдания — это страдания, которые человек причиняет самому себе*. От себя не убежишь. Когда человек «заикливается» на голодании, это не что иное, как результат выхолащивания своего Я. Последствие — направление своей воли в неверное русло, порабощение человеком своего же организма. Наркомания начинается с попытки освободиться от влияния родителей, не выполнять их требования, но в конце концов все это заканчивается постоянным стрессом, связанным с необходимостью добыть деньги на наркотики, которые стоят очень дорого, иначе говоря, человек попадает в зависимость и от наркотика, и от денег (последнее вообще часто встречается в современном обществе).

Когда я читала о сложных отношениях Кристианы с полицией и дилерами, передо мной вдруг возник Берлин 1945 г., где имелось множество самых разнообразных способов приобретения продуктов незаконным путем, царил страх перед солдатами оккупационных армий и

существовал гигантский, контролируемый тогдашними «дилерами» черный рынок. Может, эта ассоциация возникла только у меня — не знаю. Но многие родители нынешних наркоманов выросли в том мире и ничего другого в детстве не видели. Не исключено, что то, как живет сегодня мир наркоманов, во многом схоже с тем, как жили люди после войны. Эта мысль пришла ко мне внезапно и, в отличие от других мыслей, не подкреплена какими-либо научными аргументами. Это просто субъективная ассоциация. Поэтому я не сочла нужным далее заниматься данной проблемой. Упомянула я ее лишь потому, что в наши дни проводится множество психоаналитических исследований с целью выяснить, какое воздействие война и нацистский режим оказали на первое послевоенное поколение. Были обнаружены поразительные факты. Оказывается, чем меньше сыновья и дочери знали жизнь своих родителей, тем более они стремились подсознательно воспроизвести ее. Случайно запомнившиеся в детстве отдельные эпизоды из рассказов родителей, свидетельствующие о душевных травмах, полученных ими в годы войны, в период полового созревания подростки пытались разыграть в другом преломлении в своей собственной реальности. Так, Юдит Кестенберг рассказывает о подростках, которые скрывались в лесах в мирные и благополучные шестидесятые годы. Позднее на сеансах психоанализа выяснилось, что их родители сражались в партизанских отрядах на территории ряда стран Восточной Европы, но никогда подробно не говорили об этом со своими детьми (*Psyche* 28, S. 249–265).

Как-то я беседовала с семнадцатилетней девушкой, которая очень гордилась тем, что в результате голодания она стала такой же худой, как и ее мать 30 лет тому назад, когда ее освободили из Освенцима. Далее выяснилось, что никаких других подробностей из биографии матери она не знала, поскольку та наотрез отказывалась говорить о своем прошлом, и в их семье на эту тему было наложено табу. Это-то как раз и есть ситуация, когда родители делают из чего-то тайну, замалчивают что-то, т. к. сами испытывают чувство стыда, вины, страха, но именно невысказанное волнует и интересуется детей. В таких случаях детям остается дать волю своей фантазии и, «играя» с событиями, о которых известно так мало, создать для себя иллюзию причастности к прошлому.

Могло ли случиться так, что внутренний мир Кристианы, разрушенный ею в последствии, был в свое время создан из руин 1945 г.? Если это так, то объяснение этому следует искать в психологии родителей, которые с детства переносили всяческие лишения и сделали заботу о материальном достатке своим основным жизненным принципом. Постоянную заботу о материальном благополучии стимулировала боязнь снова оказаться на развалинах, как когда-то раньше, когда они были голодными, беспомощными детьми. Никакая роскошь, никакие деньги не могли окончательно снять этот страх, сидящий глубоко в подсознании. Родителям не хочется, чтобы их дети испытывали нечто подобное, они запрещают им бояться, но дети покидают роскошные квартиры, где

их не поняли, где нет места их подлинным чувствам и страхам, и уходят к наркоманам. Некоторые из них, по примеру отцов, проворачивающих крупные коммерческие сделки, начинают сами приторговывать наркотиками. А другие, повторяя сцены из жизни родителей, с апатичным видом сидят на тротуарах, как маленькие беспомощные дети, которым не с кем поговорить о своих чувствах и страхах. Родители — «дети руин» — были навсегда изгнаны войной из роскошных квартир. И вот теперь их прошлое, как опасный призрак, вернулось. Теперь их дети, не имеющие надежды, апатично сидят в лохмотьях на тротуаре, чужие и ненавидящие всю нажитую родителями роскошь.

Совершенно очевидно, что родители не могут понять этих подростков. Человек скорее подчинит свою жизнь строгим правилам, приложит немислимые усилия, достигнет невероятных высот, но не найдет возможности проникнуться сочувствием и пониманием к беспомощному, несчастному ребенку — ведь он сам когда-то привык чувствовать себя несчастным. Тем более что этот ребенок живет в квартире с паркетными полом и изысканной обстановкой. Если он пожалуется на непонимание, на него обрушится гнев, к нему отнесутся с презрением или ненавистью, но главное — для него уже приготовлен весь набор испытанных педагогических приемов, призванных помочь родителям заглушить в себе воспоминания о трудном военном детстве.

Иногда, правда, спровоцированные нашими детьми воспоминания о прошлом приводят к эмоциональной работе родителей над собой, что благотворно сказывается на всей семье.

Бригита, 1936 года рождения, — чуткая по характеру женщина, замужем, мать двоих детей. Глубокая депрессия вынудила ее уже во второй раз обратиться за помощью к психотерапевту. Его усилия также сперва оказались совершенно напрасными. Психоаналитику не удавалось избавить пациентку от ощущения надвигающейся катастрофы, порожденной неизгладимыми воспоминаниями о пережитых в детстве воздушных налетах до тех пор, пока ее сын, сам того не сознавая, не обнаружил источник ее болезненного состояния. Старую рану в душе Бригиты никто не видел, и поэтому она так долго не могла зарубцеваться.

В десятилетнем возрасте — примерно столько же лет было пациентке, когда ее отец вернулся с восточного фронта, — ее сын вместе с товарищами начал рисовать на стенах школы свастику и использовать в играх прочие атрибуты гитлеровской эпохи. С одной стороны, они вроде бы старались проводить свои «акции» тайно, а с другой — устраивали все так, чтобы виновников легко можно было обнаружить. Сын явно призывал людей таким образом обратить на него внимание. Мать же никак не могла заставить себя откровенно поговорить с ним. В юности она была членом студенческой антифашистской группы и чувствовала себя оскорбленной, поэтому резко осудила далеко не безобидные, по ее мнению, забавы сына. Но обосновать такое поведение матери толь-

ко идеологическими причинами, лежащими в сознательной сфере, нельзя. Что-то, спрятанное в подсознании, продолжало ее мучить, но понять, что конкретно, на первом сеансе психоанализа не удалось. Только на втором сеансе она смогла пережить свои истинные чувства. Выяснилось следующее. Чем настойчивее она пыталась отвести сына от таких «игр», тем чаще и активнее он в них участвовал. Мальчик окончательно потерял контакт с родителями и все теснее сближался со своей компанией, доводя мать до истерики. Используемый на втором сеансе психоанализа метод переноса позволил выявить истинную причину нервных припадков Бригиты. В результате ситуация в семье полностью изменилась. Итак, во время сеанса пациентка внезапно начала задавать вопросы о прошлом психоаналитика. Сначала она отчаянно боролась со своим желанием расспросить врача о его жизни, она панически боялась, что врач от нее откажется, если она начнет задавать такие вопросы. Но в то же время она боялась услышать ответ. Что, если после этого она станет презирать его?

Психотерапевт не стал делать поспешных выводов. Он терпеливо и с пониманием выслушал пациентку, помогая ей четко сформулировать вопросы, но не отвечая на них, и постепенно понял, что в действительности женщина обращается отнюдь не к нему и что ее интересует прошлое совсем другого человека. И тут перед ним предстала десятилетняя девочка, которой в свое время так и не удалось откровенно поговорить с вернувшимся с фронта отцом. По словам пациентки, ей такая мысль тогда даже в голову не пришла, хотя вполне естественно, что ребенок, который много лет ждал любимого отца, спрашивает его: «Где ты был? Что делал? Что видел? Расскажи мне правду!» Но ничего подобного не произошло. На все разговоры «на эту тему» в их семье было наложено табу, и дети вскоре почувствовали, что им нельзя ничего знать о прошлом отца. Сперва Бригита осознанно заставляла себя воздерживаться от вопросов, затем методами так называемого «хорошего воспитания» неудовлетворенный интерес был вытеснен в подсознание. И вот теперь, во время доверительной беседы с психоаналитиком, этот интерес вышел наружу и настойчиво потребовал удовлетворения. Вместе с ответами на так долго мучившие ее вопросы к Бригите вернулось ощущение полноты жизни, прошла депрессия, и пациентка впервые за 30 лет смогла поговорить с отцом обо всем, что ему довелось пережить. Такой откровенный разговор и на отца подействовал благотворно. Теперь ситуация изменилась: Бригита была достаточно сильным человеком, чтобы услышать его мнение, не предавая себя, она была уже не тем маленьким зависимым ребенком, который не может откровенно поговорить с отцом. Бригита поняла, что ее детский страх, что отец от нее отдалится, если она будет слишком «лезть к нему в душу», не был необоснован, т. к. отец тогда не мог говорить о том, что он пережил. Выяснилось, что отец все это время напрасно пытался стереть из памяти увиденное им на восточном фронте. Раньше дочь в суждениях о прошлом руководствовалась

мнением отца. Она пришла к выводу, что при оценке истории «Третьего рейха» нужно «отказаться от эмоций», руководствоваться только объективными критериями и вообще постараться уподобиться компьютеру, который холодно и равнодушно подсчитывает количество потерь с обеих сторон.

Но ведь Бригита не компьютер, а очень умная женщина, чуткий человек. И все попытки заглушить чувства привели к тяжелой форме депрессии, ощущению внутренней пустоты (она часто чувствовала себя так, словно перед ней «черная стена»), бессоннице и приему успокоительных таблеток, которые подавляли в ней природные жизненные силы. Неудовлетворенное любопытство переместилось в сферу чисто интеллектуальную, а затем дало о себе знать «самым дьявольским образом в поведении сына». Этого самого «дьявола» она и пыталась изгнать из себя и из сына, не подозревая, что все ее проблемы происходят из боязни довести своими вопросами до нервного срыва эмоционально неустойчивого отца, потребности которого она сделала своими. Ведь ребенок видит защитную реакцию родителей, когда им что-то не нравится, и делает вывод: плохо все то, что нарушает душевное равновесие родителей. Поэтому у ребенка часто возникает чувство вины, которое остается очень долго, пока человек осознанно не переживет историю своего детства. Теперь Бригита была счастлива: «дьявол», т. е. присущий ей с детства живой, непосредственный интерес победил стремление угодить родителям.

В это же время символика «Третьего рейха» потеряла для ее сына всякую притягательную силу. Стало совершенно очевидно, что она выполняла в его жизни вполне определенную функцию. В нездоровом интересе к ней нашла выражение продолжавшая жить в сыне неутоленная жажда знаний, свойственная матери, с детства томимой потаенным желанием поднять завесу молчания над некоторыми эпизодами из жизни отца. Как только это произошло, и Бригита на психоаналитическом сеансе смогла дать волю чувствам и раскрыть душу, сын также избавился от бремени прошлого и атрибуты «Третьего рейха» стали ему не нужны. С другой стороны, Бригита стала понимать, что ее резкое поведение по отношению к сыну объяснялось лишь тем, что она не могла в свое время так же вести себя по отношению к отцу, не удовлетворившему ее интерес к прошлому.

Бригита рассказала мне свою историю после того, как прослушала мою лекцию. Позднее она дала согласие на эту публикацию, т. к., по ее словам, испытывала настоятельную потребность поделиться своим опытом и не хотела «ни в коем случае замалчивать его».

Мы с Бригитой твердо убеждены в том, что ее кризисное психологическое состояние характерно для целого поколения. Люди, приученные молчать, страдают от этого, причем чаще всего неосознанно. Но психоаналитики в Германии, вплоть до знаменитого семинара психоаналитических обществ немецкоязычных стран, состоявшегося в 1980 г.

в Бамберге, почти не занимались данным феноменом, и поэтому только очень немногим людям удалось пережить историю своего детства не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне (например, как это было с Клаусом Тевеляйтом, см. книгу *Männerphantasien*).

Поэтому послевоенное поколение так бурно реагировало на показанный по телевидению документальный фильм «Холокост». Казалось, люди вырвались из тюрем, в которых их так долго держали, и тюрьмы эти назывались «Молчание», «Запрет на вопросы о прошлом родителей» и «Бесчувственность». Да и навязываемые старшими нелепые представления о том, что к показанным на экране зверствам «нужно относиться трезво, без эмоций», так же, как и тюремные стены, ограничивают свободу человека. Неужели кому-то очень хочется воспитать из наших детей таких людей, которые не испытывали бы возмущения и боли при рассказе об убийстве в газовых камерах миллионов детей? Что толку от историков с их солидными трудами и поисками «объективной истины»? Разве можно, зная о таком кошмаре, сохранять холодный ум? И разве нашим детям не угрожает опасность стать верноподданными любого нового фашистского режима? Какая разница, кому служить, когда у тебя внутри такая пустота! *Более того*, такой режим позволит не только почувствовать себя членом привилегированной группы, но и *дает возможность излить ненависть и обрушить гнев на определенную категорию лиц*.

Коллективная форма абсурдного поведения наиболее опасна, поскольку его абсурдность не только никому не бросается в глаза, более того, такое поведение считается «нормальным». Большинство детей послевоенного времени никогда не спрашивало родителей об истинном положении дел в «Третьем рейхе»: это считалось неприличным или было просто запрещено. Замалчивание этого периода, а значит, и родительского прошлого было таким же неизменным «правилом хорошего тона», как и запрет на любые разговоры о сексе в начале XX в.

Но хотя обусловленность этим табу новых форм невротизма легко доказывается эмпирическим путем, опыт бессилен против всей системы традиционных теорий, ибо не только пациенты, но и сами психоаналитики — жертвы этого запрета. Им легче обсуждать с пациентами давно уже выявленные Фрейдом сексуальные потребности и (порой мнимые) запреты на их удовлетворение, чем подвергать беспощадному анализу табу *нашего* времени, т. е. возвращаться в *собственное детство*. Однако история «Третьего рейха», помимо всего прочего, свидетельствует о том, что истоки чудовищных преступлений кроются в поведении, воспринимаемом подавляющим большинством людей как нечто «совершенно естественное».

Немцам, которым в детстве или в пубертатный период довелось жить в атмосфере победных лет «Третьего рейха», особенно тяжело быть честными с самими собой. Страшную правду о нацистском режиме они узнали, уже став взрослыми, и на интеллектуальном уровне ин-

тегрировали ее в свое сознание. Но это знание никак не влияет на яркие ощущения детства, когда сердце замирало при звуках песен, речей и криках ликующих толп. В большинстве случаев эти впечатления отражали также и гордость, и восторг, и надежду на счастливое будущее.

Как же добиться гармонии между этими двумя мирами — детским эмоциональным восприятием и противоречащими ему сведениями более поздних лет, не отбрасывая важную часть собственного Я? Заглушить свои чувства и отречься от основ своей личности — так пыталась поступить Бригита — кажется единственно возможным способом избежать трагического конфликта.

На мой взгляд, ни одно художественное произведение не выражает так отчетливо амбивалентность психического состояния целого поколения немцев, как семисерийный фильм Ханса-Юргена Зиберберга «Гитлер — фильм, сделанный в Германии». Режиссер представляет нам на экране только свою собственную оценку событий. Но, дав волю своим чувствам, фантазиям и мечтам, создает исторический фильм, близкий по своей концепции многим людям, ибо он объединяет две перспективы: восприятие человека видящего и человека обманутого.

Мы видим, как завораживающе действуют музыка Вагнера, великолепие торжественных парадов и непонятные выкрики Гитлера по радио. Последний представлен в фильме как могущественная и в то же время смешная и безобидная кукла. Наверное, так видел мир вокруг себя в те годы ребенок, имевший эмоциональную, восприимчивую натуру. Но наряду с этим в фильме есть ощущения ужаса и боли взрослого человека, почти совершенно отсутствующие в других фильмах на эту тему. Режиссер смог передать эти ощущения, лишь *освободившись от упрощенного подхода, предполагающего обеление одних и очернение других.* (Вспомним, что он был характерен для «черной педагогики».) Во всех сценах явственно чувствуется сострадание как к жертвам репрессий, так и к *жертвам соблазна.* В фильме наглядно показан *абсурдный характер любых идеологий,* в основе которых лежит многовековая традиция воспитания.

Только человек, на эмоциональном уровне понявший, что был обманут, был введен в соблазн, и не отрицающий этого, сможет, ощущая глубокую скорбь, показать эту абсурдность так же впечатляюще, как это сделал Зиберберг. Именно проходящее красной нитью через весь фильм ощущение скорби позволяет зрителям — по крайней мере в наиболее ярких сценах — глубже почувствовать всю пустоту нацистской идеологии, чем многие книги, основанные на обширном документальном материале и написанные с вполне объективной точки зрения. Эта одна из немногих попыток жить рядом с непостижимым прошлым, не отвергая его.

ДЕТСТВО АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

ОТ ИГРЫ ВОООБРАЖЕНИЯ ДО СТРАШНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

У меня очень суровая система воспитания. Слабость нужно выжечь каленым железом. В моих «орденских замках» вырастет молодежь, от которой содрогнется мир. Мне нужна молодежь жестокая, властная, непоколебимая и не останавливающаяся перед насилием. Все эти качества она должна иметь. Она должна уметь спокойно переносить боль. Никакой слабости и излишней мягкости. Глаза молодого человека должны сверкать, как у свободного, великолепного хищного зверя. Сильной и прекрасной — вот какой я хочу видеть мою молодежь... Только так я смогу создать новый мир.

Адольф Гитлер

ВСТУПЛЕНИЕ

Желание побольше узнать о детстве Адольфа Гитлера появилось только во время написания этой книги. Честно говоря, я сама немало удивилась его возникновению. Непосредственным же импульсом к его воплощению в жизнь послужила мысль о том, что подкрепленное опытом психоаналитической практики убеждение в реактивном, а не природном характере деструктивных тенденций в человеке может быть либо подтверждено на примере Адольфа Гитлера, либо опровергнуто. (И тогда Эрих Фромм, цитируемый в следующем абзаце, окажется прав.) Я сочла эту цель достаточно важной, хотя поначалу сильно сомневалась в том, что сумею проявить эмпатию по отношению к человеку, которого считаю величайшим из всех известных мне преступников. Эмпатия для меня — попытка взглянуть на внутренний мир ребенка его же глазами, а не оценивать его с позиций взрослого человека, уже прошедшего горнило воспитания. Это мой единственный инструмент проникновения в душу ребенка, и без него никакие психоаналитические исследования были бы для меня невозможны. Я очень обрадовалась, когда поняла, что в состоянии пользоваться этим инструментом и в данном случае, и способна увидеть в Гитлере человека.

Как известно, традиционное понимание «человеческого» основывается на утверждении, что человек поднялся над звериными инстинктами. Именно поэтому о жестоком человеке говорят «зверь в человеческом облике», «чудовище». Эрих Фромм удивлялся: «Чем объяснить, что два таких доброжелательных, совершенно нормальных человека с

устойчивым, лишенным деструктивного начала характером дали жизнь этому чудовищу Гитлеру?» (цит. по Stierlin, 1975, S. 36). Я не согласна с такой трактовкой человеческого. (По моему мнению, в ее основе лежит механизм отщепления частей собственного Я и проекции.) Наоборот, мне кажется, что чудовищная жестокость, свойственная человеческому миру, чужда миру животному. Животное, в отличие от человека, не подвергает детеныша унижениям, когда хочет чувствовать себя сильным; поэтому детеныш не ощущает потребности по прошествии десятилетий мстить за эти обиды, как это делали многие представители рода человеческого, в том числе и Фридрих Великий. Впрочем, я слишком плохо знаю подсознательную и сексуальную сферу животных, поэтому высказываю лишь свое предположение. *Но все известные мне случаи исключительной жестокости относятся к человеческому миру.* Поэтому мне хотелось бы проследить ее истоки именно в этом мире.

Проще всего, негодуя, представить жестокость как нечто «звериное» и закрыть глаза на ее истинные причины. Но в этом случае мы сами по своей наивности рискуем оказаться невольными исполнителями чужой злой воли. Естественно, что при этом мы совершенно не будем чувствовать своей вины.

За последние 35 лет появилось бесчисленное множество публикаций, посвященных жизни Адольфа Гитлера. Я неоднократно слышала, что отец жестоко избивал его и затем прочла об этом в монографии Хельма Штирлина (Stirlin, 1975). Тогда я восприняла эту информацию безучастно. Однако, занимаясь проблемами, связанными с унижениями, которые ребенок испытывает в раннем возрасте, я стала придавать такого рода сведениям гораздо большее значение. Я сразу же поставила перед собой вопрос: «Каким было детство человека, всю жизнь одержимого ненавистью, и почему ему так легко удалось заразить этой ненавистью других людей?» Эмоции, пробудившиеся во мне при чтении трактатов «черной педагогики», позволили мне хорошо представить и почувствовать, что происходило в семье Гитлеров, когда Адольф был еще совсем маленьким. Черно-белый фильм о детстве Гитлера постепенно превратился в цветной, и его эпизоды настолько тесно переплелись с увиденным мной во время войны, что фильм слился с жизнью, и то, о чем в нем идет речь, касается нас всех. Ведь все может повториться! Разве надежда избавить человечество от угрозы гибели в ядерной войне путем заключения разумных соглашений не порождена в сущности совершенно иррациональными представлениями и не противоречит историческому опыту? Разве во время фашистской диктатуры и даже еще раньше мы не могли убедиться в том, что разум — всего лишь маленькая и далеко не самая сильная часть человеческой природы? Для того, чтобы лишить жизни великое множество ни в чем не повинных людей, одержимому безумием вождю было достаточно лишь увлечь за собой несколько миллионов благовоспитанных сограждан. И если мы не сделаем все для понимания причин возникновения этой страшной

ненависти, никакие хитроумные соглашения по сокращению стратегических вооружений нас не спасут. Накопление ядерного оружия на планете стало для меня символом накопления ненависти и непосредственно связанной с этим неспособности осознать и выразить свои подлинно человеческие потребности.

На примере детства Адольфа Гитлера мы можем увидеть истоки возникновения ненависти, от последствий которой пострадали миллионы людей. Феномен этой разрушительной ненависти давно известен психоаналитикам, однако применение методов психоанализа ничего не даст до тех пор, пока они будут ее трактовать как *выражение влечения к смерти*. Последователи Мелани Кляйн, которая достаточно подробно описала феномен детской ненависти и считала ее природу инстинктивной, а не реактивной, также не составляют исключения. Наиболее близко подошел к пониманию природы этой ненависти Хайнц Кохут. Он предложил термин «эгоистическая ярость», который, с моей точки зрения, означает реакцию младенца на то, что первичный объект не проявляет достаточной эмпатии (1979).

Но для подлинного понимания природы всепоглощающей ненависти, которую Адольф Гитлер всю жизнь так и не смог утолить, нужно сойти с проторенных троп классической теории влечений и попытаться понять, что творится в душе ребенка, которого унижают родители и который при этом должен уважать и любить их, всячески скрывая свою боль. Подобные в высшей степени абсурдные отношения между двумя людьми в мире взрослых просто невозможны (если отвлечься от садомазохистских клубов). А вот родители, причиняя детям боль, ожидают от них любви и редко оказываются разочарованными. Сперва ребенок еще способен не замечать совершаемого над ним насилия и идеализировать своих мучителей. Но накапливаемая в подсознании ненависть превращает его в дальнейшем из гонимого, беззащитного существа в гонителя. Истинные причины ненависти выявляются часто лишь во время психоаналитического сеанса благодаря методам переноса и контрпереноса.

Если бы психоаналитики перестали объяснять ненависть «инстинктом смерти» и творчески использовали имеющийся материал, свидетельствующий о насилии, творимом в детстве над детьми, они бы очень помогли социологам, занимающимся исследованием социальных феноменов войны и мира. Но, к сожалению, психоаналитики, как правило, не проявляют ни малейшего интереса к проблеме обращения родителей с детьми, предоставив заниматься ею специалистам по семейной психотерапии. Те же, в свою очередь, никогда не применяют методы, основанные на переносе и контрпереносе, и целиком сосредотачивают свое внимание на взаимоотношениях между членами семьи. Их основная цель — разрешение семейных конфликтов. Поэтому психотерапевты крайне редко узнают о том, что произошло в раннем детстве с их подопечными.

Чтобы показать, к каким последствиям приводит насилие над психикой ребенка и как оно отражается на всей его жизни, достаточно с точностью до мельчайших деталей пересказать психобиографию одного из моих пациентов. Но это означало бы нарушение врачебной тайны. Жизнь Гитлера уже описана настолько подробно вплоть до самого последнего дня, причем людьми непосредственно знавшими его, что на этом материале легко восстановить ситуацию его раннего детства. Свои подлинные мысли и чувства Гитлер, хотя и опосредованно, выразил в своих поступках, в многочисленных речах и книге «Майн Кампф». Несомненно, имело бы прямой смысл попытаться увязать его деструктивную политическую деятельность с полученными в раннем детстве душевными травмами. Но такая задача вышла бы за рамки данной книги, поскольку для меня главное — показать на множестве конкретных примеров негативное воздействие «черной педагогики». Поэтому я решила ограничиться лишь несколькими эпизодами из детства Гитлера, которые почти не заинтересовали его биографов. Профессиональных историков обычно интересует лишь внешняя сторона событий, психоаналитики усердно изучают Эдипов комплекс и, похоже, только очень немногие исследователи задаются вопросом: «Какие чувства испытывал и копил в себе ребенок, которого постоянно избивал и оскорблял отец?»

Обширный документальный материал позволяет без труда восстановить атмосферу, в которой вырос Адольф Гитлер. Отношения в семье предвосхищали отношения в *тоталитарном государстве*, которое он затем построил. Вся власть концентрировалась в руках одного человека, в данном случае *отца*, и возражать ему, естественно, никто не смел. Отец часто был жесток. Жена и дети полностью покорились его воле, будучи зависимы от его желаний и сиюминутных настроений, и были обязаны с благодарностью сносить любые оскорбления. Послушание — вот что стало их основным жизненным принципом. Сфера интересов матери ограничивалась домашним хозяйством, но зато она отводила душу, заставляя детей в отсутствие мужа делать все домашние дела, тем самым отыгрываясь на них за перенесенные унижения. В тоталитарном государстве такого рода надсмотрщиком является тайная полиция. Именно ей поручается выполнять желания диктатора, внушать от его имени страх, проводить репрессии. Она наделена самыми широкими полномочиями, все остальные лишены даже элементарных прав. Но, по сути, и она остается заложницей диктатора.

В семьях, где все основано на авторитете взрослых, у детей *нет никаких прав*. И потому присутствие рядом младших братьев и сестер создает ощущение, что ты еще не самый последний раб и что есть на ком отыграться. Но иногда к ребенку относятся даже хуже, чем к собаке. Так произошло с Кристианой Ф. Зачем бить животное, когда рядом есть беззащитный ребенок?

Такие порядки существуют до сих пор во многих семьях. (Напомним, что именно по этой модели была выстроена иерархия в концент-

рациональных лагерях, где имелись надзиратели, самоохрана и т. д.) «Черная педагогика» придавала такой системе отношений в семье абсолютно законный характер. Если же на одной из низших ступенек данной иерархической лестницы оказывается одаренный ребенок, последствия могут быть самыми неожиданными. Так произошло в случае с Адольфом Гитлером.

СУДЬБА ОТЦА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К СЫНУ

О происхождении и жизни Алоиза Гитлера до рождения Адольфа Йоахим Фест (Fest, 1978) сообщает следующее.

«В доме № 13 в деревне Штронес, где жил небогатый крестьянин Иоганн Труммельшлягер, незамужняя батрачка Мария Анна Шикльгрубер родила сына, которого в тот же день окрестили Алоизом. Это произошло 7 июня 1837 г. В метрической книге уездного села Деллерсхайм графа «отец» осталась незаполненной. Ничего не изменило и то обстоятельство, что Мария Анна через пять лет вышла замуж за безработного Иоганна Георга Гидлера, по профессии подручного мельника. В том же году она отдала своего сына деверю крестьянину Иоганну Непомуку Гюттлеру¹ из Шпитала, видимо из опасения, что не сумеет дать ребенку соответствующее воспитание; во всяком случае Гидлеры настолько обнищали, что *спали в корыте для скота*.

Считается, что отцом Алоиза был кто-то из двух братьев. Правда, один из приближенных Гитлера уверял, что отцом Алоиза Шикльгрубера был проживавший в Граце еврей по фамилии Франкенбергер. Мария Анна Шикльгрубер якобы была его служанкой и забеременела именно в тот момент, когда жила в его доме. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший генерал-губернатор Польши Ханс Франк, который до прихода Гитлера к власти был его личным адвокатом, засвидетельствовал, что в 1930 г. сын его сводного брата Алоиза прислал, возможно с целью шантажа, письмо, в котором смутно намекал на некие «загадочные обстоятельства» родословной Гитлера. Франк тут же получил задание тайно заняться этим делом. Он пришел к выводу, что предположение о причастности Франкенбергера к появлению на свет отца Гитлера отнюдь не является совершенно безосновательным. Правда, никаких убедительных доказательств Франк так и не представил, а в свете новейших исторических исследований эта версия представляется более чем сомнительной. Проведенное гестапо по приказу Гиммлера в августе 1942 г. повторное расследование также оказалось безрезультатным. С уверенностью можно лишь утверждать, что Адольф Гитлер не знал, кто был его дед. Данный факт, безусловно, сыграл свою

¹ Оба брата носили одну и ту же фамилию, но в метрических книгах она была записана по-разному. Это связано с особенностями немецкой орфографии и немецкого произношения. — *Прим. пер.*

роль в формировании его внутреннего мира, ибо он начал сомневаться, а не был ли действительно его дед евреем. Другая теория, согласно которой «с почти стопроцентной вероятностью» дедом Гитлера был Гюттлер, ибо Анна Шикльгрубер «не случайно отдала сына деверю», не лишена оригинальности, но также совершенно бездоказательна. Впрочем, достаточно представить себе атмосферу нужды, невежества и крайней религиозности, в которой вырос отец Гитлера, чтобы понять, что попытки выяснить его родословную, по видимому, обречены на неудачу.

Через 29 лет после того, как Мария Анна Шикльгрубер умерла от грудной водянки в местечке Кляйн-Маттен недалеко от деревни Штро-нес, и через 19 лет после смерти ее мужа Иоганн Непомук вместе с тремя приятелями пришел к священнику и попросил записать в метрическую книгу, что отцом Алоиза был его брат. Священника звали Цанширм, и проживал он в Деллерсхайме; Алоизу к тому времени уже исполнилось сорок лет, и работал он на таможне. Якобы покойный брат подтвердил перед смертью свое отцовство и сделал это в присутствии трех свидетелей, которых Иоганн и привел.

Неизвестно, поверил ли им священник или просто дал себя уговорить. Но в метрике он зачеркнул слово «внебрачный», написал сверху «рожден в законном браке» и заполнил графу «отец». На полях он сделал следующую запись: «Факт признания Георгом Гитлером отцовства, а также его просьба о внесении его имени в метрическую книгу подтверждаются свидетелями, лично знавшими Георга Гитлера, а именно Йозефом Ромедером, Иоганном Брайтенэдером, Энгельбертом Пауком». Трое неграмотных свидетелей поставили внизу каждый по три креста, а священник написал рядом их имена. Правда, он забыл поставить дату и собственную подпись и записал фамилию Гидлер (Гюттлер) как Гитлер. Подписей родителей тоже, естественно, не было. Так, хотя и с нарушением закона, Алоиз Шикльгрубер с января 1877 г. получил право носить фамилию Гитлер.

Начало этой интриге положил, несомненно, Иоганн Непомук Гюттлер, т. к. именно он воспитал Алоиза и по вполне понятной причине гордился им. Его приемный сын совсем недавно получил повышение по службе, был женат и явно добился в жизни большего, чем кто-либо еще из рода Гюттлеров (Гидлеров). Вполне естественно, что Иоганн Непомук захотел дать ему свою фамилию. Со своей стороны, Алоиз, энергичный и ответственный человек, также был заинтересован в этом, т. к. на службе ему открылась хорошая перспектива и его не устраивало то, что он считался внебрачным сыном. Еще в тринадцатилетнем возрасте он переехал в Вену, где начал было учиться сапожному ремеслу, но затем передумал и устроился в ведомство таможенных сборов. Там его довольно быстро повысили в должности и со временем ему был присвоен классный чин старшего официала¹. Это был самый высокий чин, на

¹ Гражданский чин в Австро-Венгрии.

который могли рассчитывать государственные служащие, имевшие такое образование, как Алоиз. Он с видимым удовольствием исполнял свои обязанности, охотно присутствовал на официальных мероприятиях и любил, когда к нему обращались, полностью называя его чин. Один из сослуживцев охарактеризовал его, как «строгого и даже педантичного» чиновника. Когда один из родственников попросил помочь его сыну выбрать профессию, Алоиз Гитлер ответил, что служба в финансовых органах требует «абсолютного повиновения начальству и неукоснительного выполнения своих обязанностей», и что для нее совершенно не подходят «пьяницы, живущие в долг, игроки и вообще все, кто склонен к аморальному образу жизни». На сохранившихся фотографиях — обычно он снимался в связи с производством в очередной чин — изображен статный мужчина в мундире с начищенными до блеска пуговицами, грубоватым, типично чиновничьим лицом и недоверчиво-оценивающим взглядом. Чувствовалась его жизнестойкость, типичная для тех, кто родом из простой семьи, но одновременно было видно, что он знает себе цену» (J. Fest, 1978, S. 31).

К этим сведениям можно еще добавить, что Мария Шикльгрубер после рождения сына четырнадцать лет получала пособие от уже известного нам еврейского коммерсанта Франкенбергера. В опубликованной Фестом в 1973 г. биографии Гитлера называется его имя. Текст же записки, которую представил адвокат Гитлера Франк Международному военному трибуналу, приводится в другой книге Феста, вышедшей десятью годами раньше. В ней, в частности, говорится:

«Отец Гитлера был внебрачным сыном кухарки Шикльгрубер, которая была родом из Леондинга, недалеко от Линца. Бабушка Гитлера родила (точнее — забеременела. — А. М.), когда служила в доме еврея Франкенбергера в Граце. Он в дальнейшем вместо своего сына, которому тогда, в 30-е гг. XIX в., было около 19 лет (и от которого, по мнению автора, Мария забеременела. — А. М.), платил ей пособие вплоть до четырнадцатилетия ее сына. Мария Шикльгрубер и Франкенбергер много лет переписывались, и между строчками их писем можно было прочитать, что Мария зачала от Франкенбергера при обстоятельствах, вынудивших его платить алименты» (J. Fest, 1963, S. 18).

Если память обо всем этом сохранилась в течение 100 лет, значит, в деревне многие знали и о переписке, и о том, что купец мог быть отцом Алоиза. Вряд ли Алоиз ничего не знал об этом, и вряд ли кто из его знакомых думал, что коммерсант платит деньги Марии просто из великодушия. При таком раскладе Алоиз мог стыдиться бедности, сомнительного происхождения, того, что он был вынужден расстаться с матерью в пятилетнем возрасте, и того, что отцом его, возможно, был еврей.

Первые три обстоятельства не вызывали никаких сомнений. Четвертое же ничем не подтверждалось, но на жизненной ситуации Алоиза это никак не сказывалось, и положение его легче не становилось. Как

можно защититься от злорадного шепота за своей спиной? Первые три фактора не мешают человеку наладить свою жизнь. Можно, к примеру, высоко подняться по служебной лестнице и позабыть про бедность. С этой точки зрения жизнь Алоиза удалась. Исполнилось также и подсознательное желание отомстить отцу за свое рождение вне законного брака, ибо обе жены Алоиза забеременели еще до брака, и его дети как бы повторили судьбу отца. Но ответ на вопрос о своем истинном происхождении он за всю жизнь так и не нашел.

Но незнание своего истинного происхождения может навсегда лишить человека покоя, особенно если, как в данном случае, о нем постоянно распространяются *темные слухи*, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Недавно я услышала об одном восьмидесятилетнем эмигранте из Восточной Европы, который вот уже 35 лет вместе с женой и взрослыми детьми живет в одной из западноевропейских стран. Каково же было его удивление, когда он вдруг получил письмо из Советского Союза от своего пятидесятитрехлетнего внебрачного сына, которого давно считал покойником. Мальчику было три года, когда расстреляли его мать. Отца по обвинению в политическом преступлении бросили в тюрьму. Позднее ему даже в голову не пришло заняться поисками сына, поскольку он был твердо убежден в его смерти. Сын, носивший фамилию матери, написал в письме, что вот уже 50 лет ему не дает покоя мысль об отце, что он собирал любые сведения о нем и что часто оказывался на ложном пути. В конце концов он сумел узнать фамилию отца и отыскать его. Можно представить себе, как он идеализировал отца и какие надежды возлагал на встречу с ним. Ведь ему, проживавшему в провинциальном советском городке, стоило огромного труда найти отца, эмигрировавшего в Западную Европу.

Вывод из всей этой истории, на мой взгляд, таков: человеку крайне важно снять все вопросы, касающиеся его происхождения. Но Алоизу Гитлеру вряд ли могла прийти в голову такая мысль. К тому же он не мог идеализировать отца. Ведь, по слухам, его отец был евреем, а значит мать осквернила весь свой род и обрекла сына на изоляцию в обществе. Смена имени в возрасте сорока лет, описанная Фестом, показывает, однако, что Алоизу было вовсе не безразлично его происхождение. Наоборот, неясность по этому вопросу не могла не стать причиной душевного кризиса.

Однако такие душевные кризисы нельзя устранить с помощью официальных документов. Ни усыновление, ни смена фамилии здесь не помогут. Как бы отец ни кичился своими заслугами, какие бы высокие должности он ни занимал, дети все равно рано или поздно почувствуют разлад в его душе.

Джон Толанд пишет:

«Характер у него очень испортился и раздражение он постоянно срывал именно на Алоизе-младшем. Одно время отец находился в сквер-

ных отношениях с сыном, поскольку он требовал безоговорочного исполнения всех своих требований, а сын отказывался ему подчиняться. Позднее Алоиз-младший жаловался, что отец «жестоко избивал его бичом из крокодиловой кожи». Но в то время в Австрии суровые телесные наказания детей были нормой; многие полагали, что они благотворно действуют на духовное развитие ребенка. Как-то мальчик три дня не ходил в школу, поскольку занимался изготовлением игрушечного кораблика. И хотя этим своим увлечением он был обязан именно отцу, на этот раз Алоиз-старший так рассвирепел, что избил сына плеткой до потери сознания. По некоторым данным, Адольфа (правда, несколько реже) также подвергали телесным наказаниям, а свою собаку хозяин бил до тех пор, «пока она не начинала вся извиваться и делать на полу лужицы». По словам Алоиза-младшего, жертвой неоднократно становилась терпеливая, готовая вынести любые притеснения их мать Клара Гитлер. Если все это правда, то такого рода эпизоды семейной жизни не могли не сказаться самым существенным образом на психике Адольфа Гитлера» (J. Toland, 1977, S. 26).

Характерно, что Толанд на всякий случай оговаривается (если все это правда), хотя сам получил эту информацию от сестры Адольфа Гитлера Паулы. Он, правда, не стал публиковать ее в своей книге. Рассказ Паулы со ссылкой на Толанда приводит в своей книге Хельм Штирлин:

«Именно Адольф постоянно провоцировал отца и потому ежедневно получал приличную взбучку. Он был законченным шалопаем и к тому же позволял себе неприличные выражения. Все попытки отца выбить из него дурь и заставить выбрать карьеру чиновника ни к чему не привели» (Stierlin, 1975, S. 23).

Если сама сестра Адольфа Паула лично рассказала Джону Толанду об этом, то нет никаких оснований сомневаться в правдивости его слов. Нужно, однако, отметить, что авторы биографий, описывая детство своих героев, как правило, не пытаются вчувствоваться в то, что переживал ребенок, и потому инстинктивно пытаются принизить ту роль, которую сыграло в их жизни родительское насилие. В этой связи особенно интересен отрывок из книги Франца Етцингера:

«Очень много написано о том, что отец избивал несчастного мальчика. В основном ссылались на высказывания Ангелы, которая якобы говорила: „Адольф, вспомни, как я и мать хватала отца за полы мундира, когда он хотел избить тебя!“ Все это более *чем сомнительно*. После службы в Хафельде отец больше не носил мундир, а в последний год службы в Хафельде он жил отдельно от семьи. Следовательно, описанные Ангелой события могли произойти примерно в 1892–1894 годах, когда Адольфу было только четыре года, а ей самой двенадцать лет, и она точно *не осмелилась бы* хватать строгого отца за фалды. Всю эту историю *выдумал тот*, кто явно был не очень силен в хронологии.

Сам фюрер как-то поведал своим секретарям, которым вообще любил *пудрить мозги*, что отец однажды тридцать раз ударил его по тому

месту, что ниже спины. Но уже доказано, что не всем этим историям можно верить, тем более что в данном случае об этих побоях стало известно в связи с рассказами фюрера о мужественных индейцах. Гитлер похвалился, что он, как индеец, стиснул зубы и даже звука не издал. Вполне возможно, что непослушный и упрямый мальчишка *иногда получал заслуженное наказание* за какую-нибудь провинность, но его *уж точно нельзя отнести к числу „детей, которых истязали“*. В конце концов, его отец был *прогрессивно мыслящим человеком, и это проявлялось во всем*. Объяснения, не подтвержденные фактами, лишь усложняют разгадывание феномена Гитлера.

Напротив, есть гораздо больше оснований предполагать, что, когда семья Гитлеров жила в Леондингине и отцу уже было за шестьдесят, он махнул рукой на непослушного мальчишку и вообще перестал заниматься его воспитанием» (Jetzinger, 1957, S. 94).

У меня также нет никаких причин сомневаться в правильности хронологии Етцингера, а, значит, я еще больше убеждаюсь в том, что Адольфа начали избивать, когда ему *еще даже не исполнилось четырех лет*. Тому подтверждение *вся жизнь Адольфа Гитлера*. Не случайно в «Майн Кампф» говорится о «трехлетнем ребенке» (см. ниже). Етцингер очевидно предполагает, что такое просто невозможно. А почему нет? Ведь маленький ребенок очень часто становится для взрослого воплощением вытесненного в подсознательное, а затем отщепленного зла¹. В педагогических трактатах, в частности, в необычайно популярных в свое время книгах доктора Шребера, *настоятельно рекомендовалось подвергать младенцев телесным наказаниям*. В них подчеркивалось, что *нужно начинать изгонять зло с самого раннего возраста*, а иначе «оно воспрепятствует развитию добра». Кроме того, из газет мы знаем, что матери часто избивают новорожденных. Наверное, мы знали бы гораздо больше, если бы педиатры откровенно рассказали о том, с чем им приходится сталкиваться ежедневно. Однако вплоть до недавнего времени их заставляла молчать необходимость соблюдения врачебной тайны (по крайней мере так обстояли дела в Швейцарии), а теперь они молчат или по привычке, или «по соображениям морали». Если же кто-либо усомнится в том, что с Адольфом Гитлером в детстве жестоко обращались, то процитированный отрывок из книги Етцингера содержит совершенно объективную информацию, хотя сам автор хотел доказать противоположное, во всяком случае, сознательно. Подсознательно же он явно чувствовал шаткость своей позиции. Или Ангела по-настоящему боялась строгого отца, и тогда Алоиз вовсе не был таким добродушным, каким его изображает Етцингер, или же он был действительно добрым, но тогда Ангеле не нужно было его бояться.

¹ В изданном Рэй Хельфер и Генри Кемпе в 1979 г. сборнике статей (Ray E. Helfer, C. Henry Kempe, «Das geschlagene Kind») содержится множество глубоких и эмоциональных написанных статей о мотивах истязания именно младенцев.

Я так долго разбирала этот отрывок лишь потому, что он четко доказывает, как снисходительное отношение автора к родителям искажает биографии. Такая позиция (по сути педагогическая) влечет за собой самые неожиданные интерпретации. Так, Етцингер говорит, что Гитлер «пудрит секретарям мозги», хотя на самом деле он рассказывает горькую правду. Далее автор утверждает, что Адольф не относится к числу «детей, которых истязали», поскольку был «непослушным и упрямым» и за это «получал заслуженное наказание». К тому же его отец «был прогрессивным человеком», и «это проявлялось во всем» (!). То, как Етцингер понимает прогрессивность, представляет по меньшей мере странным. Впрочем, действительно есть отцы, имеющие прогрессивные суждения о чем угодно, кроме воспитания детей, которых (или одного из которых) они и подвергают насилию. А вот пример вывода, неверного с точки зрения психологии. По мнению Феста, лишь подготовленная Франком в 1938 г. справка о *возможном еврейском происхождении* Алоиза Гитлера *вызвала у фюрера бурный всплеск ненависти к отцу*. Но если я считаю, что зародившаяся в детстве Гитлера ненависть к отцу в дальнейшем вылилась в ненависть к евреям, то Фест, напротив, полагает, что Адольф Гитлер только *в зрелом возрасте проникся ненавистью к отцу*.

Он пишет:

«Можно только догадываться, какую реакцию вызвали эти сведения у человека, как раз вознамерившегося захватить власть в Германии, однако многое говорит о том, что постоянная неприязнь к отцу *внезапно перешла в открытую ненависть*. В мае 1938 г., сразу же после присоединения Австрии, он приказал устроить на месте деревни Деллерсхайм и близлежащих окрестностей учебный полигон. Место, где родился его отец и где была захоронена его бабушка, танки вермахта сровняли с землей» (J. Fest, 1963, S. 18).

Столь люта я ненависть к отцу никак не может внезапно зародиться в голове взрослого человека, она не может быть вызвана «интеллектуально обоснованным» антисемитизмом, ее корни уходят в смутные воспоминания о далеком детстве. Симптоматично и то, что и Етцингер меняет местами причину и следствие, когда пишет, что после сообщения Франка «политическая ненависть» к евреям «вылилась» в «личную ненависть» к отцу и членам семьи (ср. Jetzinger, S. 54).

После смерти Алоиза выходившая в Линце газета «Тагеспост» опубликовала некролог, в котором, в частности, говорилось: «И хотя порой с уст его срывалось резкое слово, под грубой оболочкой билось доброе сердце. Он был всегда готов отстаивать право и справедливость, и благодаря обширным знаниям всегда мог сказать весомое слово». С надгробного камня на его могиле на нас взирает решительный чиновник таможенной службы, взгляд которого устремлен поверх наших голов» (цит. по: Toland, 1977, S. 34).

Согласно Смиуту, «Алоиз даже испытывал глубокое уважение к правам человека и заботился о благосостоянии людей» (Stierlin, S. 20).

То, что при общении с «глубокоуважаемыми личностями» кажется «грубой оболочкой», оборачивается для их собственных детей настоящим адом. Это хорошо показано в следующем отрывке из книги Джона Толанда:

«На стадии особенно яростной борьбы с отцом Адольф решил бежать из дома. Алоиз узнал об этом и запер его в одной из комнат верхнего этажа. Ночью мальчик попытался пролезть через приоткрытое окно, но щель оказалась слишком узка, и Адольф сбросил с себя одежду. В этот момент он услышал на лестнице шаги отца и прикрыл свою наготу скатертью. Алоиз не стал хвататься за плетль. Он разразился смехом и позвал жену: пусть, дескать, она полюбуется „на мальчика в тоге“. Издевательство задело ребенка сильнее, чем любое физическое воздействие. Позднее Гитлер признавался Елене Ханфштенгль, что „долго“ не мог забыть этот эпизод.

Много лет спустя Гитлер рассказал одной из своих секретарш, что в одном приключенческом романе прочел о таком признаке мужества, как умение молча переносить боль. И тогда «в следующий раз я даже звука не издал, и лишь считал удары. Мать молча в страхе стояла за дверью и, наверное, подумала, что я сошел с ума, когда я, сияя от гордости, сообщил: „Отец 32 раза ударил меня“» (Toland, S. 30).

Создается впечатление, что Алоиз действовал под влиянием слепой ярости и навязчивого желания, заставляя расплачиваться за перенесенные в детстве унижения именно Адольфа.

Причины этого невроза навязчивого состояния поможет прояснить следующая история. В одной из американских телепередач показали группу психоаналитической взаимопомощи, состоящую из молодых матерей. Они рассказали, как они измывались над своими новорожденными детьми. Одна из них, измученная непрерывными криками ребенка, ударила его о стену, а затем, в отчаянии (которое удалось почувствовать слушателям), уже не зная, что делать, позвонила по телефону службы доверия. Когда дежурный спросил ее, а кого она, собственно говоря, хотела избить, молодая мать к своему удивлению ответила, что саму себя, зарыдала и упала в обморок.

Эта история объясняет мое восприятие поведения Алоиза. Однако маленький Адольф *ничего не мог об этом знать* и был вынужден жить в постоянном страхе. Одновременно он стремился выработать характер, загоняя это чувство, как и чувство боли, внутрь, ибо лишь таким образом он мог сохранить самоуважение; но именно это и привело позже к включению *механизма отщепления и проекции*.

Какую страшную подспудную зависть вызывал у Алоиза маленький мальчик одним только фактом своего существования! Рожденный в законном браке, к тому же сын старшего таможенного официала, живущий с матерью, а не отданный из-за беспросветной нищеты на воспитание чужим людям! И *даже отца своего он знал* (тем более что тот каждый день ему напоминал о себе жестокой поркой, видимо, для того,

чтобы мальчик запомнил на всю оставшуюся жизнь, как хорошо иметь отца). Ведь именно узнать имя своего отца так хотел Алоиз, и именно этого, несмотря на все усилия, он так и не смог сделать, ибо никому не дано изменить свою детскую судьбу. Приходится или мириться с горькой правдой далекого прошлого, или яростно отрицать ее, принося тем самым страдания другим.

Очень многим трудно смириться с мыслью о том, что их поведение больно бьет по ни в чем не повинным людям. Ведь еще в детстве их приучили к тому, что жестокое наказание — это неизбежная расплата за какую-либо провинность. Одна учительница рассказывала мне, что многие дети, посмотрев фильм про холокост, говорили: «Евреи сами виноваты, иначе их бы не наказали так жестоко».

Эти слова позволяют понять усилия авторов едва ли не всех биографий Адольфа Гитлера, приписывающих своему герою в детстве такие пороки, как лень, упрямство и склонность ко лжи. Но неужели ребенок рождается лжецом? И разве не ложь дает ему единственный шанс выжить и сохранить остатки достоинства, имея такого отца? И разве не полная зависимость от настроения другого человека заставляла Адольфа Гитлера (да разве только его одного!) лицемерить и приносить домой плохие отметки, т. к. это позволяло почувствовать себя хоть в чем-то независимым? Не исключено, что Гитлер, описывая позднее свой открытый конфликт с отцом по вопросу о выборе профессии, задним числом несколько преувеличивал свою роль. Но произошло это вовсе не потому, что сын «по природе своей был трусом», а потому, что с таким отцом вообще ничего нельзя было обсуждать. Скорее всего истинное положение дел отражает следующая цитата из «Майн Кампф»:

«Я даже мог себе позволить не высказывать открыто свои взгляды, чтобы не вызывать сразу яростные возражения отца. Я уже твердо решил отказаться в будущем от карьеры чиновника и потому внутренне был совершенно спокоен» (цит. по: K. Heiden, 1936, S. 16).

Примечательно, что Конрад Хайден, который приводит эту цитату в своей книге, тут же называет своего персонажа «маленьким трусом». Мы требуем от ребенка, чтобы он, живя фактически в условиях тоталитарного режима, был искренним, но, вместе с тем, никогда не возражал отцу, всегда приносил домой хорошие отметки и вообще беспрекословно выполнял свои обязанности.

Один из биографов Гитлера Рудольф Ольден следующим образом объясняет причину плохой успеваемости Адольфа:

«Еще более усилилось нежелание ходить в школу. Он вдруг оказался совершенно неспособным к учебе, т. к. единственным побудительным мотивом к ней была твердая рука отца. Со смертью отца пропал важный стимул» (R. Olden, 1935, S. 18).

Итак, стимулом были побои. Но ведь в той же самой книге автор чуть раньше так охарактеризовал Алоиза:

«После ухода на пенсию и переезда в деревню он сохранил прежний чиновничий гонор и требовал, чтобы его по-прежнему называли „господином старшим таможенным официалом“. Крестьяне — как богатые, так и те, кто даже не имел своего дома, привыкшие обращаться друг к другу на „ты“, смеха ради пошли ему навстречу. С крестьянами он так и не подружился, а в семье установил самую настоящую диктатуру. Жена смотрела на него снизу вверх, а детям он давал почувствовать, какая у него крепкая рука. Адольфа он совершенно не понимал и постоянно мучил его. Когда Алоизу нужно было позвать Адольфа, он, бывший унтер-офицер, *свистел, и ребенок должен был бежать на этот свист*» (R. Olden, S. 12).

Ольден выпустил свою книгу в 1935 г., когда были живы еще многие жители Браунау, хорошо знавшие семью Алоиза Гитлера. От них совсем нетрудно было почерпнуть правдивую информацию. Но насколько мне известно, ни в одной из биографий Гитлера, вышедших после войны, нет таких подробностей. Человек, который свистом, как собаку, подзывает к себе собственного ребенка, слишком похож на надзирателя концлагеря, и современные биографы по вполне понятной причине постеснялись упомянуть этот эпизод. Зато в их книгах прослеживается тенденция приукрашивания облика отца. Они или объясняют его жестокое обращение с детьми тем, что телесные наказания считались тогда вполне нормальным явлением, или, подобно Етцингеру, считают, что Адольф Гитлер вообще не подвергался насилию. Именно Етцингер, строя замки на песке, пытается доказать, что все обвинения Алоиза в жестокости — «клевета». Впрочем, это неудивительно. В своих психологических выводах он недалеко ушел от Алоиза Гитлера. Печально лишь то, что многие более поздние работы основываются как раз на его выводах.

В действительности же Гитлер подсознательно подражал отцу. В фильме Чаплина он, бравый военачальник, довольно смешон. Таким же видели Гитлера и его противники. Но ведь именно таким и был Алоиз в глазах своего сына. Но был еще и другой Алоиз — грозный муж матери Адольфа Клары, которой он внушал глубокое уважение и которая буквально трепетала перед ним. В *самом раннем детстве* Адольф, несомненно, тоже воспринимал его именно таким, и какая-то частица этого восприятия сохранилась глубоко в его подсознании. Он заставил немецкий народ отнестись к нему так, как мать когда-то относилась к отцу, и увидеть в нем могучего, любимого, почитаемого вождя. Гитлер, безусловно, был творческой личностью, и порой трудно избавиться от ощущения, что именно поэтому он так усиленно стремился сделать своих современников участниками грандиозного спектакля, главное действующее лицо которого — народ — должно было боготворить фюрера так, как он в свое время боготворил отца. Ведь не случайно он ввел порядок, при котором даже друг друга следовало приветствовать восклицанием «Хайль Гитлер!» Об этом до сих пор помнит каждый, кто

жил в то время. Кто-то имел возможность смотреть на него глазами *наивного восхищенного ребенка*, другим была уготована *роль ребенка-жертвы, объекта истязания*. Каждая творческая личность обращается к воспоминаниям о детстве, сохранившимся в подсознательном, и никто бы Гитлера в этом не упрекнул, если бы его спектакль не стоил жизни многим миллионам ни в чем не повинных людей. А скольким, оставшимся в живых, была причинена глубокая психическая травма, поскольку они стали объектом проекции отщепенного зла!

Впрочем, несмотря на то, что маленький Гитлер до возникновения конфликтов с отцом подсознательно отождествлял себя с ним, в книге «Майн Кампф» есть места, где он дает понять, что уже в трехлетнем возрасте он был способен воспринимать многое как автономная личность.

«В подвале, в квартирке из двух комнат, ютятся семья из шести человек. Одному из сыновей, положим, три года. [...] Скученность и теснота делают жизнь невыносимой и приводят к постоянным размолвкам и ссорам. [...] Родители ругаются между собой почти каждый день, и грубость выражений, которые они при этом употребляют, вряд ли возможно превзойти. Естественно, что рано или поздно это должно отразиться на детях. Каким же образом? Это знает только тот, кто видел, как пьяный отец избивает мать... Иной шестилетний ребенок знаком с тем, о чем взрослые *и думать боятся*. Как не помнить... Ведь то, что он видит и слышит дома, не побуждает его любить ближнего своего. [...] Особенно плохо все может закончиться, если отец непременно хочет настоять на своем, а мать ради детей противится этому — тогда возникает скандал. В той мере, в которой отец отдаляется от матери, он прибегает к бутылке. И если он в субботу или воскресенье приходит домой поздно ночью, пьяный в доску и без гроша в кармане, то часто разыгрываются такие сцены... Не приведи Бог!

Я сам все это видел сотни раз. [...]» (Stierlin, 1975, S. 24).

Если бы Гитлер рассказал от первого лица о том, что пережил этот мальчик, которому «положим, три года», это было бы, конечно, ниже его достоинства. На это он никак не мог пойти. Но сомневаться в достоверности рассказа не приходится.

Гитлеру фактически удалось сделать жертвой своей семейной драмы весь немецкий народ. Так называемые «законы о защите чистоты расы» обязали всех немцев *доказывать чистоту своего происхождения до третьего колена*. Отсутствие убедительных доказательств или попытка подделать свою родословную могли повлечь за собой общественное презрение, различные унижения и, наконец, смерть. Это происходило в мирное время в государстве, гордо именовавшем себя правовым. У данного феномена нет никаких исторических аналогов. Например, в эпоху инквизиции евреи могли спасти свою жизнь, перейдя в христианскую веру. Но в «Третьем рейхе» ни лояльное поведение, ни заслуги прошлых лет не давали им *ни малейшего шанса выжить*. А теперь вспом-

ним, как обращался в детстве отец с маленьким Адольфом. Разве ребенок, которого, как собаку, зовут к себе свистом, не похож на абсолютно бесправного еврея в «Третьем рейхе»? Ведь у него нет даже имени. Разве судьбу еврейского народа не определили два весьма существенных момента из биографии Гитлера?

1. Как известно, отец Гитлера, несмотря на все усилия, позволившие ему многого добиться в жизни, так и не смог избавиться от «позорного пятна». Таким же позором были покрыты в Германии евреи, которым предписывалось постоянно носить на одежде звезду Давида. Не исключено, что постоянные переезды отца с места на место (по сведениям Феста, он менял место жительства одиннадцать раз) были обусловлены не только служебной необходимостью. Возможно, он боялся, что люди прознают о его «сомнительном происхождении». Известно также, что такой же страх обуревал Гитлера после того, как Франку не удалось доказать, что в его жилах течет только «арийская кровь». Фест пишет: «Когда ему в 1942 году сообщили, что на одном из домов в деревне Шпиталь (как мы помним, оттуда был родом Иоганн Гитлер, считавшийся, согласно официальным документам, его дедом. — А. М.) установлена мемориальная доска, у него начался приступ дикой ярости».
2. Одновременно в «законах о защите чистоты расы» нашла отражение драма ребенка по имени Адольф Гитлер. Ведь причиной ненависти отца к нему были подсознательные воспоминания о своем детстве и «позорное пятно», а отнюдь не поведение ребенка. Поэтому у Адольфа не было никакой возможности избежать побоев, а раз так, то и у евреев не было никаких шансов выжить.

Такие отцы, как Алоиз, могут даже разбудить ребенка, чтобы избить его. Такое случается, если в каком-то обществе им не хватает уверенности в себе. Экзекуция позволяет восстановить им душевное равновесие и вновь почувствовать свою силу (ср. Кристиана Ф., S. 190).

«Третий рейх» должен был «очиститься» от позора Веймарской республики. Сделано это было за счет евреев. Но и Алоиз Гитлер, мучимый стыдом за свое происхождение, срывал злость на беззащитном Адольфе. И того также ничто не могло спасти: ни хитрость, ни прилежание, ни успехи в школе.

Адольфа не связывали с отцом никакие нежные чувства (любопытно, что в «Майн Кампф» он называет его «господин отец»). Постепенно он *проникся лютой ненавистью к отцу*. Развитию этого чувства ничто не препятствовало. По-другому обстоят дела, если у отцов (или матерей) приступы ярости чередуются с ласковым обращением. Здесь ненависть не столь ярко выражена. У этих людей другие проблемы. Они выбирают себе партнеров с такой же искаженной структурой психики, как и у них, склонных к крайности в поведении, затем никак не могут расстаться с ними и живут, ожидая, что доброта возьмет верх над жес-

токостью. Впрочем, они неизбежно разочаровываются. Такие садомазохистские отношения гораздо сильнее любовных связей и представляют собой перманентное саморазрушение.

Как уже было сказано выше, поведение маленького Адольфа никак не влияло на отношение к нему отца. Побои были ежедневными. Ему оставалось лишь загонять боль внутрь, т. е. заниматься отрицанием своего подлинного Я и идентифицировать себя с мучителем. Никто не мог ему помочь, даже мать, ибо она тоже испытывала страх перед Алоизом, т. к. сама нередко становилась жертвой побоев (ср. Toland, S. 26).

Точно такое же постоянное ощущение угрозы для жизни было свойственно евреям в «Третьем рейхе». Попробуем представить себе такую сцену. На еврея, вышедшего на улицу, например, купить молоко или хлеб, нападает штурмовик, который вправе делать с ним все, что хочет, все, что ему в голову взбредет и что в данный момент требует его подсознание. Еврей ничего не может сделать, точь-в-точь, как в детстве Адольф Гитлер. Если он вздумает защищаться, его забьют и затопчут до смерти. Вспомним, что доведенный до отчаяния одиннадцатилетний Адольф сбежал из дома, намереваясь вместе с тремя приятелями спуститься вниз по реке на самодельном плоту. За этот, если так можно выразиться, акт сопротивления отец едва не забил его до смерти (см. Stierling, S. 23). У еврея также нет никакой возможности убежать, все пути отрезаны или ведут к воротам Освенцима или Трелинки.

Эта сцена в самых различных вариантах разыгрывалась бесчисленное множество раз в 1933–1945 гг., и еврей, подобно беспомощному ребенку, вынужден был терпеть все. Он был вынужден терпеть, когда оружий, вышедший из себя, превратившийся в самого настоящего монстра штурмовик лил ему на голову его же молоко, а потом звал своих сообщников, чтобы они вдоволь посмеялись над ним (вспомним, как Алоиз смеялся при виде закутанного в «тогу» Адольфа). Опять же еврей, ради сохранения собственной жизни, должен был собраться с духом и терпеть любые унижения, ненавидя и презирая в душе измывающееся над ним ничтожество. Думается, что так же вел себя и Адольф, со временем понявший, что сила отца — это лишь нечто напускное, и попытавшийся «отомстить» ему плохими оценками в школе.

По мнению Йоахима Феста, плохая успеваемость Адольфа объясняется отнюдь не желанием огорчить отца, а завышенными требованиями, которые предъявлялись к ученикам в Линце. Там, дескать, Адольф уже не мог выдержать конкуренцию со своими сверстниками из добропорядочных буржуазных семей. Однако в другом месте Фест подчеркивает, что Адольф был «бойким, веселым мальчиком и, очевидно, довольно способным учеником» (Fest, 1978, S. 37). Так почему же он вдруг начал плохо учиться? Причина вполне понятна, и Адольф называет ее сам, хотя Фест считает иначе: он обвиняет его в «безволии» и «довольно рано проявившейся стойкой неспособности к систематическому труду» (S. 37). Такое мог сказать Алоиз, но уж никак не автор наиболее

фундаментальной биографии Гитлера, содержащей множество доказательств наличия у фюрера железной воли и поразительной работоспособности. Но ничего удивительного здесь нет. Почти все авторы биографий руководствуются почерпнутыми у педагогов критериями, согласно которым родители всегда правы, а все дети, если их поведение не соответствует общепринятым нормам, сплошь «лентяи», «неженки», «упрямцы» и «шалопай» (S. 37). Если же они, повзрослев, пишут о родителях правду, их можно со спокойной совестью заподозрить во лжи:

«С целью еще более очернить (куда уж более. — А. М.) облик отца сын позднее объявил его алкоголиком, за которого ему было стыдно и которого постоянно приходилось вытаскивать с помощью увещаний и ругани из „воюющих, насквозь прокуренных забегаловок“» (S. 37).

Видимо, все дело в том, что у авторов биографий Гитлера сложилось единое мнение о его отце как о человеке глубоко добропорядочном, который, правда, любил заглянуть в трактир, а затем немного покурить дома, но который отнюдь «не был алкоголиком». Эти слова как бы сразу обеляют отца в глазах читателей и *лишают сына права* стыдиться за его поведение.

В этой связи хотелось бы еще отметить следующее. Очень часто взрослые лишь во время сеанса психоанализа ощущают потребность узнать у родственников больше о своих родителях. Естественно, что в детстве они их идеализировали. Если к тому же родители умерли достаточно рано, то у ребенка не было возможности сознательно проанализировать их поведение, зато в подсознании запечатлелось их жестокость. Проблема заключается в том, что окружающие вряд ли смогут подтвердить впечатления, сохранившиеся в подсознании, и скорее будут говорить о родителях как о сущих ангелах, а ребенок непременно будет испытывать стыд, упрекать себя в порочности. Как мы знаем, Алоиз Гитлер умер, когда Адольфу было тринадцать лет. Все окружающие говорили об отце только в восторженных тонах. Конечно, мальчик чувствовал себя непонятым: ведь он-то помнил отца совсем другим. Но как только ему удалось надеть еврейский народ отрицательными чертами, ранее присущими его отцу, он избавился от этого комплекса.

Нет, наверное, более крепкого связующего звена между европейскими народами, чем ненависть к евреям. Правящие круги издавна использовали ее в качестве надежного инструмента манипулирования массами. Даже откровенно враждующие между собой политические группировки сходятся на том, что евреи крайне опасны и представляют собой воплощение подлости. Гитлер это прекрасно понимал и как-то сказал Раушнингу, что «если бы евреев не было, то их следовало бы выдумать».

Откуда у антисемитизма вечная способность к обновлению? Понять это совсем не сложно. Евреев ненавидят отнюдь не за какие-либо только им присущие свойства. Еврейский народ ничем не отличается от других народов. Просто очень *многие копят в себе заряд* *недозволенной*

ненависти и буквально горят желанием узаконить ее. Для этого как нельзя лучше подходит именно еврейский народ. Два тысячелетия он подвергался гонениям с благословения высших церковных и светских властей, и враждебное отношение к нему не считалось чем-то постыдным. Даже приверженные «строгим моральным принципам» люди могут попасться на эту удочку, особенно если эти «принципы» тиражируются церковью и властью. (Вспомним, как А., сын миссионера, о котором я рассказала в конце первой главы, гнал от себя «нечестивые», а в действительности совершенно естественные мысли — сомнения в нравственности своего отца.) К тому же выросший в атмосфере запретов, связанный по рукам и ногам нормами поведения человек подсознательно стремится дать выход своим эмоциям, и потому охотно прибегает к такому удобному средству, как гонение на евреев. Впрочем, не исключено, что этот способ был для Гитлера вовсе не так удобен: ведь еврейская тема была в его семье табу. Легко представить себе с каким удовольствием он нарушил это табу, как только представилась такая возможность. Когда же он пришел к власти, ему оставалось только провозгласить ненависть к евреям главной добродетелью «истинного арийца».

Мой вывод о том, что в семье Гитлера существовало такое табу, основывается на том большом значении, которое он впоследствии придавал еврейскому вопросу. Подтверждает мое предположение и реакция Гитлера на доклад Франка, сделанный в 1930 г. Взрослый Гитлер полагал, что определенные факты ему известны, но вместе с тем сомневался в них (что характерно для психики ребенка), как сомневались в свое время другие члены семьи. Вот как Франк излагает реакцию Гитлера на представленные ему сведения о его происхождении:

«Как сказал Адольф Гитлер» он знал, что еврей из Граца не имел никакого отношения к появлению на свет его отца, который родился от любовной связи Марии Шикльгрубер со своим будущим мужем. Об этом Адольф узнал из рассказов отца и бабушки. Но они с дедушкой жили очень бедно, а получаемые от еврея алименты в течение нескольких лет служили добавкой к скудному семейному бюджету. Еврея просто-напросто обманывали, что он является отцом Алоиза, и он, видимо боясь пересудов и публичного разбирательства, выплачивал денежное пособие» (цит. по: Jetzinger, S. 30).

А вот что пишет Етцингер по поводу процитированного отрывка:

«В данном отрывке излагаются слова, сказанные Гитлером после крайне неприятного для него сообщения Франка. Он явно ошеломлен, но, естественно, не хочет, чтобы Франк заметил его состояние и делает вид, будто Франк не сообщил ему ничего нового. Он якобы уже знал из рассказов отца и бабушки, что еврей из Граца здесь не при чем. Как же мог Гитлер от волнения до такой степени потерять самоконтроль? Как он мог сослаться на рассказ бабушки, которая умерла за сорок лет до его рождения? Отец же умер, когда Адольфу не было еще и четырнадцати, а с детьми обычно не говорят на щекотливые темы. Да и зачем отцу

по собственной инициативе говорить сыну: «Твой дед не был евреем», если он им действительно не был? Что же касается добрачной связи его бабушки и деда, то почему же тогда он написал в своей книге, что его отец был сыном бедного крестьянина-арендатора? Ведь подручный мельника Гидлер из Деллерсхайма никогда в жизни не был крестьянином-арендатором. К тому же в момент зачатия Адольфа Мария Шикльгрубер жила в Деллерсхайме. Обвинить же свою бабушку в том, что она просто решила пополнить семейный бюджет и потому объявила отцом своего ребенка совершенно постороннего человека, способен только законченный негодяй. (Впрочем, может быть, этот эпизод просто придуман Франком.) Как говорится, комментарии излишни. Высказывания Адольфа Гитлера никак не проясняют вопрос о его родословной. Наверняка он тогда ее не знал. С детьми обычно о таких вещах не говорят» (Jetzinger, S. 30).

Отсутствие ясности в таком важном для родителей вопросе вполне может создать в доме совершенно невыносимую для ребенка атмосферу и даже заставить его забыть об учебе (ведь ему ничего знать было не положено, а раз так, то запрет на знание может означать, что знание — это что-то опасное).

Итак, Адольф Гитлер отнюдь не случайно требовал от каждого немца доказать чистоту своего происхождения до третьего колена.

По мнению Феста, между плохой успеваемостью Адольфа и его отношениями с отцом нет никакой взаимосвязи. Ведь даже после смерти Алоиза мальчик по-прежнему продолжал получать плохие отметки. Но у меня есть достаточно веские контраргументы:

1. Многие цитаты из трактатов, выдержанных в духе «черной педагогики», неопровержимо доказывают, что учителя в применении жестоких наказаний не только не уступают родителям, но еще и удовлетворяют тем самым свою эгоистическую потребность в достижении душевного равновесия за счет других.
2. К моменту смерти отца Адольф уже привык к тому, что от него что-то требуют. Учителя как бы заменили отца, и потому Адольф продолжал мстить учителям, получая плохие оценки.
3. В одиннадцать лет Адольфа за попытку бежать из дома едва не забили до смерти. Тогда же умер его брат Эдмунд. Он был младше, а значит слабее, и не исключено, что рядом с ним Адольф чувствовал себя сильным и смелым. Теперь он лишился такой возможности. Точных фактов у меня нет, но именно в этот период он начал плохо учиться, хотя раньше отличался успехами в учебе. Кто знает, может быть этот неглупый, любознательный мальчик нашел бы другой, несравненно более гуманный способ излить накопившуюся ненависть, если бы школа сумела в гораздо большей степени удовлетворить его любопытство и жажду жизни. Но отношение к отцу Адольф перенес затем на учителей, что помешало ему приблизиться к духовным ценностям.

Позже Гитлер прикажет, в частности, *сжигать на кострах* книги ненавистных писателей-вольнодумцев. Он никогда не читал эти книги, но, может быть, *прочел бы и понял их*, если бы ему была дана возможность развить свои творческие способности. Ведь сжигание книг и изгнание из страны выдающихся деятелей литературы и искусства — это еще и месть школе, лишившей одаренного ребенка возможности по-настоящему *насладиться* духовными ценностями. Свою точку зрения я поясню на примере одной истории.

Я сидела в парке в незнакомом городе. Рядом сел пожилой человек, которому, как он мне позже сказал, исполнилось 82 года. Меня поразило, как уважительно он разговаривал с игравшими рядом детьми и как искренне интересовался их игрой. Я вступила в разговор с ним и узнала, что у него за плечами опыт Первой мировой войны. «Знаете,— доверительно сказал он,— у меня есть ангел-хранитель. Сколько раз у меня на глазах под снарядами и бомбами гибли товарищи, а я даже не был ранен». Не так важно, верно ли то, что он говорил, до малейшей детали. Важно, как он рассказывал о себе и насколько верил в судьбу. Я не удивилась также, когда узнала, что его братья и сестры умерли в юном возрасте, а он был самым младшим и, как водится, балованным ребенком в семье. Мать его «любила жизнь», рассказывал он. Весной иногда она будила его на рассвете, и они вместе ходили слушать пение птиц в лесу. Это были самые прекрасные часы в его жизни, и это было еще до того, как он пошел в школу. Я спросила, не били ли его дома. «Нет,— ответил он.— Отец, правда, пару раз в гневе распускал руки, но только в отсутствие матери, она бы этого никогда не допустила. Но зато меня однажды зверски избил учитель. Первые три года я считался лучшим учеником, но тут к нам пришел новый преподаватель. Он вдруг ни с того ни с сего обвинил меня в проступке, которого я не совершал. Завел меня в свою комнату и начал избивать, крича, как безумный, одно и то же: «Ты мне скажешь правду! Ты мне скажешь правду!» Но ведь я ничего не сделал, а лгать я никогда не лгал, т. к. не боялся родителей. Бил меня он примерно четверть часа. В результате у меня пропал всякий интерес к учебе. Позднее мне порой становилось очень обидно за себя, ведь я так и не закончил школу. Но, по-моему, у меня тогда не было выбора».

Своим уважительным отношением мать приучила ребенка также с уважением относиться к собственной личности, к собственным чувствам. Именно поэтому он говорит, что отец не просто бил его, а «распускал руки», и уже в детстве он *не мог не заметить*, что отец делал это «в гневе»; именно поэтому *ребенок понял*, что учитель хотел заставить его лгать и унизил его; по этой же причине ему «становилось обидно», что за сохранение уважения к себе ему пришлось заплатить такую высокую цену — отказаться от продолжения учебы, ибо у него «*тогда не было выбора*», т. е. он был способен чувствовать *скорбь*. И еще я обратила внимание, что он в отличие от других людей сказал не «Моя мать любила меня», а «Она любила жизнь». (Мне кажется, что это вер-

но и по отношению к матери И.В. Гете, о которой я рассказала в другой книге.) У этого старика сияли глаза, когда он вспоминал, как они с матерью гуляли в лесу, и как она радовалась пению птиц. Именно поэтому он не лицемерил, не относился снисходительно к игравшим с нами рядом детям, а просто спокойно и уважительно говорил с ними.

Я уделила такое внимание плохой успеваемости Гитлера, т. к. убеждена, что миллионы детей учатся плохо, подсознательно стремясь огорчить учителей и родителей. Но для психики ребенка такое поведение не проходит бесследно. Этим и объясняется огромное количество восторженных почитателей Гитлера. Просто у них оказалась такая же структура психики, как и у него, т. е. они были воспитаны так же, как и он. Его современные биографии свидетельствуют, что их авторы до сих пор отказывают ребенку в праве на уважение. Йоахим Фест, проделавший колоссальную работу по сбору обширного, во многом уникального материала о жизни Гитлера, не в состоянии поверить, что отец действительно причинял его герою невероятные страдания. Он всерьез считает, что Адольф «излишне драматизировал» поведение отца. Но разве кто-то может знать о нем лучше, чем сын?

В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что многие психоаналитики также склонны снимать вину с родителей. До тех пор, пока они, руководствуясь идеями, порожденными учением Вильгельма Рейха, будут полагать, что главная их задача — «освободить сексуальную энергию пациента» и дать ему возможность вести себя в сексуальной сфере естественно, за пределами их внимания останется целый ряд решающих аспектов. Если к ребенку не относиться с должным уважением, значит он так и не научится уважать самого себя, а потому нетрудно догадаться, куда пойдет его «освобожденная» сексуальная энергия. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно взглянуть на девочек, идущих на панель, и на компании наркоманов. И тогда становится ясно, в какую роковую зависимость (от других людей или от героина) вовлекает детей так называемая «свобода», если она одновременно не избавляет их от унижения.

На многие абсурдные вещи мы уже просто не обращаем внимания. Например, «героическая готовность» молодых людей отправиться на войну (в самом начале жизненного пути!), погибнуть, отстаивая чужие интересы, возможно, связана с тем, что в период полового созревания ищет выхода накопившаяся с детства ненависть. Раньше они ненавидели подсознательно, а теперь можно ненавидеть врага *открыто, более того, это даже поощряется*. Вероятно, именно по этой причине во время Первой мировой войны столько молодых художников и поэтов добровольно ушли на фронт. Они с наслаждением слушали военные марши, сулившие им избавление от суровой родительской опеки. Героин, помимо всего прочего, выполняет аналогичную функцию, но с одной лишь разницей: разрушительную силу ненависти человек направляет против собственного тела и собственного Я.

Ллойд де Моз, которого как специалиста по психоистории больше всего интересовали проблемы мотивации и коллективные фантазии, однажды решил выяснить, какие фантазии владеют умами политиков, развязывающих войны. При внимательном просмотре собранного материала выяснилось, что в речах этих государственных деятелей постоянно встречаются выражения, вызывающие прямую ассоциацию с процессом деторождения. Поразительно часто они говорили о петле, якобы накинута на горло нации и о том, что избавиться от нее можно лишь путем объявления войны. По мнению Моза, эти образные выражения отражали реальную ситуацию младенца в момент его появления на свет. Это накладывает неизгладимый отпечаток на психику любого человека и часто приводит к синдрому навязчивого повторения. У данных политиков он выразился в объявлении войны (L. de Mause, 1979).

Правильность предположения ученого подтверждает следующее обстоятельство: ощущение петли на горле свойственно представителям отнюдь не тех народов, над которыми нависла реальная угроза. В 1939 г. в Польше ни один католик ничего подобного не говорил, зато такие настроения царили в Германии в 1914 и 1939 гг. Употребил это выражение и Киссинджер во время вьетнамской войны. Следовательно, речь идет о желании избавиться от *мнимой* угрозы, связанной с ощущением сжимающегося вокруг пространства. Впрочем, я не совсем согласна с Л. де Мозом, ибо я на основании собственного опыта полагаю (и детство Гитлера — тому подтверждение), что есть потрясения более сильные, чем родовая травма, которые и приводят к синдрому навязчивого повторения, выражающемуся в форме объявления войны другим странам. Ведь любые, даже самые тяжелые роды *уже позади*. Хоть ребенок и слаб, но при родах он, действуя как бы «активно», «освобождает себя из плена», в чем ему *помогают акушеры*. В отличие от легко преодолеваемого нервного потрясения, вызванного родами, психопатологический симптом, обусловленный постоянными унижениями и насилием, не оставляет надежды на избавление, т. к. никто вокруг *не считает этот кошмар кошмаром, и помочь ребенку некому*. Страшная ситуация повторяется снова и снова, и из нее невозможно вырваться, как из материнского лона, со спасительным криком. Отрицательные эмоции вытесняются в подсознание и в дальнейшем находят выход в синдроме навязчивого повторения.

Всеобщее ликование в момент объявления войны пробуждает надежду в душах тех, кто хочет отомстить за былые унижения и, наконец, открыто, не стесняясь, вспылать ненавистью, возвестив об этом воинственными возгласами. Там, где нельзя на эмоциональном уровне вернуться к болезненным переживаниям далеких детских лет, осмыслить их, человек *пытается начать жизнь с чистого листа* и, проявляя невиданную ранее активность, избавиться от трагических последствий своего прошлого. Но прошлое нельзя изменить, оно по-прежнему угнетает душу, и потому никакое агрессивное поведение, никакая лютая

ненависть к врагу не избавят человека от невротических страданий, а в конечном итоге могут обернуться полным разрушением его психики, несмотря на одержанные победы.

Тем не менее, многое говорит о том, что ребенок часто подсознательно вспоминает о своем появлении на свет. Ведь в ситуации, когда его *бьют, а он вынужден молчать*, собственное рождение воспринимается как не выдуманная, а вполне реальная победа. Ведь он смог протиснуться через узкую щель, радостным криком возвестил о своем спасении и встретил тепло материнских рук. Нет ничего удивительного в том, что подсознательные воспоминания об этой первой победе помогают нам забыть о последующих поражениях, об ощущении своей полной беспомощности. Именно эти *воспоминания и порождают восторженные чувства, охватывающие людей в тот момент, когда глава их государства торжественно объявляет о вступлении в войну*. В жизни многих поколений значительную роль сыграли также войны в других странах. Наверняка Адольф Гитлер в детстве, подобно большинству своих сверстников, испытывал душевный подъем, когда узнавал о победах буров над англичанами. В таком же состоянии он пребывал, когда завершал «Майн Кампф» и начинал Вторую мировую войну. Поэтому нет оснований полагать, что родовая травма явилась главной причиной разрушительной деятельности Гитлера. В конце концов, нервные потрясения, вызванные родами, переживает каждый ребенок. Но далеко не со всеми детьми родители обращались так жестоко.

Чего только не предпринимал сын, чтобы заставить себя забыть о душевной травме, вызванной побоями отца. Он подчинил своей воле правящую верхушку, привлек на свою сторону народные массы и заставил считаться с собой правительства европейских стран. У него была практически абсолютная власть. Но по ночам откуда-то из подсознания всплывали воспоминания о первых детских годах, и от них ему уже не было спасения. В снах ему являлся грозный отец, и непреодолимый страх сковывал Гитлера. Раушнинг пишет:

«Иногда его состояние наводило на мысль о мании преследования и раздвоении личности. Его бессонницу никак нельзя было объяснить только лишь чрезмерным возбуждением. Он действительно постоянно находился на грани нервного срыва, но здесь крылось нечто большее. Ночью он часто просыпался, беспокойно ходил взад-вперед и зажигал во всех комнатах свет. С недавних пор он начал вызывать к себе ночью молодых людей, чтобы их присутствие хоть немного облегчило его страдания. Со временем его состояние еще более ухудшилось. Человек из его ближайшего окружения рассказывал, что Гитлер просыпался по ночам с дикими криками о помощи. Он садился на край кровати, и при этом его так трясло от страха, что кровать под ним дрожала, а с губ срывались лишь бессвязные слова. Он судорожно хватал ртом воздух, и казалось, что он задыхается... Этот же человек описал мне такую жуткую сцену, что я сперва даже не поверил ему. Оказывается, он видел,

как Гитлер стоял, качаясь из стороны в сторону, и с безумным взглядом хрипло бормотал: „Он! Он! Он здесь!“ Губы у него потемнели, по лицу текли струйки пота. Затем он стал выкрикивать какие-то бессмысленные обрывки фраз, а *потом вдруг начал считать*. Наконец он замолк и только беззвучно шевелил губами. Ему вытерли пот и попытались влить в рот немного воды. Внезапно Гитлер завопил: „Вон в углу! Кто там?“ Он топал ногами, дергался всем телом и, как обычно, дико кричал, но постепенно успокоился, когда ему объяснили, что все в порядке и никого постороннего в комнате нет. Тогда он проспал несколько часов и снова какое-то время вел себя терпимо» (Rauschnig, S. 237).

Хотя (а может быть — поскольку) большинство приближенных Гитлера в детстве подвергались насилию, никто из них так и не уловил связи между его паническим страхом и каким-то «непонятным счетом». Вспомним, что в детстве, когда отец бил его, Адольф считал удары, подавляя страх и боль. Теперь эти подавленные чувства обернулись ночными кошмарами и ощущением полной беспомощности и одиночества. Избавиться от них было уже невозможно.

Гитлер был готов принести в жертву целый мир, но этого оказалось недостаточно для избавления от глубоко запечатленного в душе страшного образа отца. Он по-прежнему продолжал незримо присутствовать в его спальне, ибо, даже уничтожив миллионы людей, нельзя уничтожить свое подсознание.

Люди, так и не сумевшие вывести свои подсознательные ощущения в сознание, наверное, сочтут наивным предположение о том, что истоки преступных деяний Гитлера следует искать в его детстве. Многие придерживаются точки зрения, что неправомерно искать причины всего и вся в детских переживаниях. Ведь политика — серьезная вещь, а вовсе не детская игра, скажут они и сочтут мои аргументы натянутыми или даже обидными для матерей и отцов. В этом нет ничего удивительного: ведь они полностью забыли действительность своего детства. Однако стоит повнимательнее приглядеться к биографии Гитлера, как сразу становится особенно явственно видна связующая нить между детством и последующими событиями его жизни. Еще совсем маленьким он любил играть в войну, находя таким образом освобождение от отцовской узды. *Идеальными борцами против угнетателей он считал сначала индейцев, а потом буров*. «Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы при каждом известии об их героической борьбе испытывать сильнейшие эмоции», — пишет он в своей книге «Майн Кампф». В другом месте он четко обозначает момент, ставший вехой на роковом пути от игры воображения до страшной реальности: «С тех пор я начал увлекаться всем, что так или иначе имеет отношение к войне или солдатскому ремеслу» (Mein Kampf, цит. по: Toland, S. 31).

Доктор Хюмер, преподававший немецкий язык в школе, где учился Гитлер, рассказывал, что в пубертатный период Адольф «нередко с плохо скрываемым раздражением воспринимал предупреждения и на-

ставления учителей, но зато *требовал беспрекословного повиновения от своих товарищей*» (ср. Toland, S. 77). Ранняя идентификация с отцом-тираном привела к тому, что, если верить словам Паула Моора, одного из жителей Браунау, Адольф еще в раннем детстве, стоя на холме, «произносил долгие и пламенные речи». В Браунау он провел первые три года жизни, а значит, очень рано начал играть роль вождя. В этих речах он неосознанно подражал Алоизу, а в публике видел себя самого, *восторженно глядящего на грозного отца*.

Позднее эту же роль выполняли массовые шествия, также в каком-то смысле отражавшие ситуацию его детских лет, но теперь в роли ребенка выступал целый народ, а Гитлер, обожаемый всеми, удовлетворял свой нарциссизм. Известно, что еще в юности будущий фюрер очень любил лезть и обладал способностью «гипнотизировать» слушателя. Вот что пишет Джон Толанд, ссылаясь на слова некоего Кубичека, бывшего в юности другом Гитлера:

«Речи Гитлера оказали на Кубичека воздействие схожее с „извержением вулкана“, он воспринял их как красочный спектакль и „в начале настолько растерялся, что даже забыл похлопать“. Лишь постепенно Кубичек понял, что „речи Гитлера не имели никакого отношения к театральному действу“ и что, напротив, его друг был настроен „очень серьезно“. Одновременно он также понял, что Гитлер ожидает от него только одного — полного и безоговорочного одобрения. Кубичек, пораженный не столько содержанием речи, сколько ораторским талантом Гитлера, не скупился на похвалу и лесть... Казалось, Адольф полностью завладел душой Кубичека, и теперь у них обоих были совершенно одинаковые ощущения. Все, что меня волновало, он воспринимал так, *словно это касалось непосредственно его*... Иногда я даже думал, что он *живет одной жизнью со мной*» (Toland, S. 41).

Вряд ли можно лучше прокомментировать легендарное гипнотическое воздействие Гитлера на массы. Если евреи представляли униженную часть его детского Я, которую он всеми средствами пытался уничтожить, то покоровшийся ему немецкий народ — в данном случае его олицетворял Кубичек — *воплощал в себе «прекрасную» часть его души, преклоняющуюся перед отцом* и им же любимую. Итак, ребенок, вставший на место отца, защищает чистую детскую душу от таящейся в ней самой опасности путем изгнания и «уничтожения злых евреев». Тем самым он одновременно стремится избавить «сына» от недобрых мыслей и добиться, наконец, полного единения с ним.

Разумеется, с этими выводами никогда не согласятся те, кто считает, что подсознание — лишь «порождение больного мозга психоаналитика». Но я вполне допускаю мысль, что даже психотерапевты крайне скептически или даже с негодованием отнесутся к моему намерению отыскать в детстве Гитлера истоки его бесчеловечных деяний. Но вряд ли моя гипотеза менее состоятельна, чем рассуждения последователей Эриха Фромма, искренне считающих, что Господь вдруг взял и прислал

на Землю «чудовищного некрофила». Достаточно вспомнить строки из книги их идейного вдохновителя:

«Чем объяснить, что два таких доброжелательных, совершенно нормальных человека с устойчивым, лишенным деструктивного начала характером дали жизнь этому чудовищу Гитлеру» (цит. по: Stierlin, 1975, S. 36).

Я нисколько не сомневаюсь в том, что любое преступление таит в себе личную трагедию преступника. Если мы реконструируем эти преступления и повнимательнее приглядимся к их предыстории, то, вероятно, сумеем предотвратить новые. Ведь громкое возмущение и нотации делу не помогут. Правда, кое-кто может сказать, что далеко не всякий, кого в детстве избивали, становится убийцей, иначе люди уже давно истребили бы друг друга. До известной степени с этим можно согласиться. Но, с другой стороны, на Земле продолжают войны, и мы даже представить себе не можем, какие смертоносные технологии способен изобрести человек, подсознательно желающий отомстить за причиненные ему в детстве страдания. Но главное, мы не знаем, *как развивалось бы человечество*, если бы родители уважали своих детей и принимали их *всерьез*. Я лично не знаю никого, кто бы в детстве пользовался уважением со стороны родителей и учителей, а потом вдруг испытал потребность в убийстве. (Я веду речь об *истинном уважении* к ребенку, которое, как я уже писала, чуждо любой педагогике, в том числе и так называемой антиавторитарной.)

Мы по-прежнему никак не можем проникнуться состраданием к униженному ребенку. Здесь нельзя руководствоваться одним только разумом, иначе в обществе давно бы уже осознали необходимость уважительного отношения к ребенку как к личности. Если человек способен воспринять на эмоциональном уровне чувства униженного, загнанного в угол ребенка, значит, он способен внезапно увидеть в них, как в зеркале, перенесенные им самим в детстве страдания. Но лишь немногие готовы, отбросив страх, пройти по этому пути и ощутить скорбь. Встав на этот путь, можно узнать о психодинамике больше, чем из любых книг.

Необходимость доказывать «чистоту своего расового происхождения» до третьего колена и лишение лиц, «не являющихся истинными арийцами», полностью или частично гражданских прав только на первый взгляд кажутся нелепыми. Но смысл этих вроде бы бессмысленных жестоких мер становится ясен, если представить себе, что в подсознательных фантазиях Адольфа Гитлера сформировались две мощные установки. *С одной стороны*, евреи олицетворяли его ненависть к отцу, и поэтому он всячески унижал их и стремился их уничтожить. Будь Алоиз жив, он бы наверняка попал под действие «законов о защите чистоты расы». Принятие этих законов означало окончательное отречение Гитлера от отца с его сомнительным происхождением. Ведь еврей воплощал в себе все отвратительные свойства отца. Еврей казался Гитлеру слабым и немощным, ибо маленький Адольф подсознательно чув-

ствовав, что отец не уверен в себе. Эти драконовские законы стали выражением желания Гитлера отомстить отцу за причиненные страдания. *С другой стороны*, Гитлер представлял еврея неким всемогущим существом наподобие Люцифера (об этом свидетельствуют постоянные заявления о «стремлении евреев уничтожить мир»), и это было отражением той воистину безграничной власти, которую имеет даже самый слабый отец над своим беззащитным ребенком, отражением того, как бездушный чиновник таможи разрушал хрупкий эмоциональный мир Адольфа. К этим двум установкам следует добавить еще одну. Гитлеру очень хотелось *достоверно знать*, кто же был его дедом. Вспомним, каким тяжким бременем лежало на его отце незнание своего происхождения. Именно поэтому каждый гражданин «Третьего рейха» должен был доказывать чистоту своего происхождения до третьего колена.

На сеансах психоанализа у пациентов критическое отношение к отцу начинается часто с того, что он вдруг предстает перед ними в смешном виде. Например, они вспоминают, что огромный отец выглядел нелепо в ночной рубашке. Ребенок никогда не был в близких отношениях с отцом, постоянно боялся его, но теперь, вспоминая об этой короткой ночной рубашке, он как бы мстит за то, что в свое время воспринимал его как Бога.

Мсть же Гитлера была направлена не против отца, а против объекта-заместителя. Используя свои *штурмовые отряды*, он распространял в народе ненависть и отвращение к «паршивому» еврею. На кострах сжигались книги Фрейда, Эйнштейна и многих других подлинно великих евреев-интеллектуалов. Перенос ненависти с отца на еврейскую нацию хорошо прослеживается в следующем отрывке из «Майн Кампф»:

«С тех пор, как я впервые внимательно пригляделся к евреям, Вена предстала передо мной в совершенно ином свете. Повсюду я видел одних евреев и чем больше я присматривался к ним, тем больше обнаруживал в них отличий от других людей. Центральная часть и районы к северу от Дуная были сильно заполнены народом, не имевшим даже внешнего сходства с немцами... Это уже само по себе не могло вызвать симпатий, но особенно неприятно было *внезапное осознание того факта, что за физической неопрятностью скрывается моральная нечистоплотность этого якобы Богом избранного народа*. Действительно, есть ли какое-либо мерзкое деяние, какое-либо бесстыдство, главным образом, в культурной жизни, к которому хоть как-то не был бы причастен еврей? Как только осторожно вскрыешь какую-либо опухоль, в ней, подобно червяку в разлагающемся теле, тут же обнаружится еврейчик, зачастую ослепленный неожиданно ярким светом... Постепенно я начал люто ненавидеть их» (цит. по: Fest, S. 63).

Человек, найдя подходящий объект для накопившейся ненависти, сперва чувствует облегчение («Повсюду я видел одних евреев...»). Оказывается, есть возможность дать выход запретным чувствам. И чем больше они угнетали его раньше, тем сильнее теперь чувство радости.

Можно уже ненавидеть, не боясь быть за это наказанным, поскольку ты ненавидишь не своих родителей, а кого-то еще.

Но с помощью объекта-заменителя нельзя утолить чувство ненависти, что как нельзя лучше подтверждает пример Адольфа Гитлера. Вряд ли кто-либо еще обладал такой властью над чужими жизнями и, тем не менее, успокоения ему это не принесло. Наиболее убедительное тому подтверждение — его завещание.

Когда читаешь у Штирлина характеристику отца Адольфа Гитлера, то просто поражаешься, насколько глубоко сын усвоил его характер и манеру поведения:

«Судя по всему, его социальный статус дорого обошелся как ему самому, так и остальным. Алоизу, правда, были присущи такие качества, как добросовестность и трудолюбие, но он был неуравновешенным человеком с крайне лабильной нервной системой. Временами он даже производил впечатление душевнобольного. По крайней мере, согласно одному из источников, какое-то время он провел в приюте для психически больных. Некоторые психоаналитики считают, что он обладал психопатическими чертами, выражавшимися в его стремлении использовать циркуляры и распоряжения в собственных целях. При этом он их всегда толковал так, что сохранялась видимость законности. Короче говоря, желание продвинуться по службе сочеталось у него с поразительной беззастенчивостью. Когда он, к примеру, просил разрешения Папы Римского на брак с Кларой, которая приходилась ему двоюродной сестрой, то настоятельно подчеркивал наличие у него двух маленьких детей, нуждающихся в заботе, но ни словом не упомянул о беременности своей будущей жены» (Stierlin, 1975, S. 68).

Черты характера отца могут так хорошо запечатлеться в подсознании ребенка, что позднее они отчетливо проявятся в его поведении. Однако биографы Гитлера не обратили на это внимание.

ПОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИ В СЕМЬЕ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ АДЛЬФА

Все авторы биографий сходятся на том, что Клара Гитлер «очень любила и баловала» сына. Сразу же следует отметить, что любить и баловать одновременно, по-моему, нельзя, если, конечно, понимать под любовью умение распознать и почувствовать истинные потребности ребенка. Если же родители неспособны на это, то они *балуют* ребенка, т. е. осыпают его ласками, всячески потворствуют ему, предоставляя блага, которые являются *лишь суррогатом* того, в чем он действительно нуждается и что родители не могут ему дать. Я не думаю, что у слова «баловать» есть какое-либо иное значение. Мать, балующая ребенка, лишает его любви, и это не может не сказаться на его дальнейшей жизни. Будь Адольф Гитлер по-настоящему любимым ребенком, он также был бы способен любить других. Но его отношения с женщинами, раз-

личные извращения (см. Stierlin, 1975, S. 168) и подчеркнута отстраненная манера общения с другими людьми свидетельствуют, что, в сущности, он так и не познал ни материнской, ни отцовской любви.

До появления на свет Адольфа у Клары было трое детей, которые умерли от дифтерии в течение одного месяца. Возможно, что первые два ребенка заболели еще до рождения третьего, которому суждено было прожить всего три дня. *Через 13 месяцев родился Адольф. Я позволю себе перенести в свою книгу таблицу, имеющуюся в монографии Штирлина.*

		Дата рождения	Дата и причина смерти	Возраст в момент смерти
1	Густав	17.05.1885	08.12.1887 дифтерия	2 года 7 месяцев
2	Ида	23.09.1886	02.01.1888 дифтерия	1 год 4 месяца
3	Отто	1887	1887 дифтерия	примерно 3 дня
4	Адольф	20.04.1889		
5	Эдмунд	24.03.1894	02.02.1900 корь	почти 6 лет
6	Паула	21.01.1896		

Не случайно, что все, кто отмечал, что после смерти Густава, Иды и Отто Клара всю свою любовь посвятила Адольфу, кто писал о ней как о необычайно ласковой матери и создавал из нее чуть ли не образ Мадонны, были мужчинами. Современная женщина, познавшая радость материнства, могла бы более реалистично оценить события, предшествовавшие появлению на свет Адольфа, и получить точное представление о том, в какой эмоциональной атмосфере прошел первый год жизни ребенка. Ведь именно этот год в огромной, если не в решающей, степени определяет все его дальнейшее развитие.

В 16 лет Клара Петцль переехала в дом своего «дяди Алоиза», чтобы помочь ему ухаживать за больной женой и двумя детьми. Там еще до смерти первой жены Клара забеременела, а в 24 года вышла замуж за 48-летнего Алоиза. Менее чем за три года она родила трех детей, которые умерли один за другим от дифтерии. Густав заболел в ноябре, но Клара почти не могла ухаживать за ним, т. к. вот-вот должна была родить третьего ребенка. Отто, видимо зараженный дифтерией от Густава, прожил *всего три дня*. Накануне Рождества *умирает Густав*, а через *три недели дочь Ида*.

Таким образом, *Клара всего за каких-то пять недель пережила и роды, и смерть троих детей*. Не обязательно обладать повышенной чувствительностью, чтобы после такой ситуации полностью утратить

душевное равновесие. К тому же она имела рядом с собой деспотичного мужа и была совсем еще молодой женщиной: ей не было и 28 лет. Возможно, она как истинная католичка восприняла все случившееся как Божье наказание за свою внебрачную связь с Алоизом. Возможно, она даже проклинала себя за то, что из-за родов так толком и не смогла поухаживать за Густавом. Во всяком случае, лишь человек с воистину железными нервами способен стойко перенести такие удары судьбы. Но Клара была вовсе не такой. Никто морально и эмоционально не поддерживал ее. Она продолжала исполнять свои супружеские обязанности, уже в год смерти Иды снова забеременела и в апреле следующего года родила Адольфа. Но из-за того, что в данной ситуации она вряд ли могла правильно воспринять свое горе, беременность вновь заставила ее испытать прежний шок, пробудила в ней прежние страхи и породила сомнения, выживет ли ребенок в этот раз. Какая женщина с таким прошлым еще во время беременности не испытывала бы страх? Разве ее сын мог вместе с молоком матери впитать такие чувства, как спокойствие, уверенность и ощущение защищенности? Скорее, вызванные беременностью и появлением на свет Адольфа воспоминания об умерших недавно трех детях и осознанный или подсознательный страх за судьбу новорожденного, с одной стороны, и чувства самого младенца, с другой — представляли собой как бы два сообщающихся сосуда. Клара также не могла сознательно испытать гнев на своего целиком занятого собой мужа, который не обращал никакого внимания на ее душевные страдания, поэтому она не могла не выместить гнев на младенце: ведь его ей не нужно было бояться.

Но такие судьбы были у очень многих людей, и здесь ничего не поделаешь. На таких выдающихся людей, как Новалис, Гельдерин, Кафка смерть их братьев и сестер тоже наложила очень сильный отпечаток, однако они имели возможность открыто рассказать о своих страданиях.

С Адольфом Гитлером все было совершенно иначе. Он ни с кем не мог поделиться своими ощущениями и переданным от матери чувством тревоги и потому был вынужден подавлять их, чтобы отец ничего не заметил и не стал его бить. *Оставалось лишь идентифицировать себя с ним.*

Но есть еще одно обстоятельство: матери довольно часто идеализируют умершего ребенка. (Напомним, что человек впоследствии часто неадекватно оценивает упущенные в жизни возможности, жалея о них.) Это заставляет нового ребенка особенно напрягаться, чтобы «ни в чем не уступить» умершему, которого мать по-настоящему любит, думая, что останься он в живых, был бы наверняка лучше. Это можно проследить на примере семьи Ван Гога, у которого умер, правда, только один брат.

Один из моих пациентов увлеченно рассказывал о своем «счастли-вом» детстве. Я привыкла к такому идеализированному подходу, но в данном случае идеализация переходила все границы. Пациент говорил

о совершенно поразительных вещах. Оказывается, сестра этого человека, умершая, когда ей не было и двух лет, обладала совершенно удивительными способностями. Она якобы ухаживала за больной матерью, пела ей песни, чтобы успокоить ее, знала наизусть молитвы и т. д... Когда же я спросила, неужели такое возможно, он посмотрел на меня так, словно я посягнула на самое святое, и ответил: «Вообще-то нет, но это был не ребенок, а чудо». Я сказала, что матери очень часто идеализируют своих умерших детей, рассказала ему про Ван Гога и под конец добавила, что ребенку порой очень трудно жить под таким прессингом, ибо он сам никак не «сравнивается» с умершим «вундеркиндом» по своим способностям. Он снова совершенно автоматически заговорил об удивительных способностях своей сестры и вдруг весь затрясся, оплакивая ее смерть, случившуюся 35 лет назад. У меня создалось впечатление, что он, наверное, впервые оплакивал свои детские годы, т. к. слезы его были совершенно искренними. Только теперь я поняла, что мне вначале не понравилось в его голосе — неискренняя интонация. Может быть, говоря о своем детстве, он подсознательно подражал восторженным рассказам матери о своем первом ребенке. Его высокопарные, многословные излияния, долженствовавшие свидетельствовать о «безоблачном» детстве, были проекцией рассказов матери о «чудо-ребенке», а поэтому тон их был тем же, что и у матери. Но благодаря этому обстоятельству они дали психоаналитику возможность понять правду.

Я часто вспоминала об этой истории, встречаясь с людьми, у которых складывалась схожая ситуация в семье. Из их рассказов я узнавала, что чем больше матери нуждались в поддержании душевного равновесия за счет других, тем больше они возвеличивали своих покойных детей, и это часто продолжалось десятилетиями. Тем самым они как бы вознаграждали себя за все страдания, причиненные им мужьями, и за трудности, связанные с воспитанием доставляющих столько забот живых детей. Каждая из них в глубине души полагала, что умерший ребенок обязательно стал бы ее помощником и защитником, заменив ей в этом отношении со временем ее собственную мать.

Поскольку Адольф появился на свет *после смерти трех своих братьев и сестер*, я не могу представить себе, что мать относилась к нему «с любовью и нежностью и готова была всем пожертвовать ради него». Однако все его биографы полагают, что Гитлер испытывал не недостаток, а *избыток* материнской любви, что его слишком часто хвалили, и *потому* он впоследствии так жаждал всеобщего восхищения. Якобы долгий симбиоз с матерью, вызывавший у него положительные эмоции, породил у него желание «слиться» с массами. Такие высказывания встречаются порой даже в серьезных психоаналитических исследованиях.

На мой взгляд, такого рода трактовка наиболее ярко отражает то, насколько укоренились в нашем сознании педагогические принципы. Напомню, что авторы педагогических трактатов выступают против

«слепой любви», рекомендуют ни в коем случае не «баловать» ребенка, а, напротив, с момента рождения *воспитывать его в строгости*, чтобы *подготовить его к жизни*. Психоналитики выражаются по-иному, они считают, что необходимо «научить ребенка справляться с состоянием фрустрации из-за недостатка любви», как будто он сам не может научиться этому. В этой связи стоит отметить следующее. Если ребенок в детстве получил достаточно любви и внимания, то он, став взрослым, как раз не будет в такой степени, как ребенок, нуждаться в любви и поэтому не будет испытывать ярко выраженной фрустрации при ее отсутствии. Зато появление у человека склонности к наркомании или иным извращениям всегда означает, что ему чего-то не хватает и что в детстве ему многое недодали, что в детстве он страдал от недостатка материнской любви. Даже если родители и утверждают, что «любили» ребенка, это не так, и на самом деле они его баловали. Ведь очень часто ребенка закармливают сладостями, щедро одаривают игрушками и всячески опекают (!), даже не желая разобраться, что же твориться в его душе. Наиболее ярко это опять-таки демонстрирует пример Гитлера. Вряд ли мать смогла бы любить в нем яркого ненавистника отца. Даже представив на минуту, что мать могла испытывать к Адольфу чувство истинной любви, невозможно допустить, что она не обставляла эту любовь целым рядом условий, одним из которых было, безусловно, требование «быть послушным мальчиком и прощать все отцу». О ее полной неспособности хоть как-то помочь сыну в его конфликте с Алоизом свидетельствует следующий отрывок из книги Штирлина:

«Авторитарный стиль главы семейства не мог не внушить жене и детям чувства уважения и даже страха, которое пережило отца. Даже после смерти отца в доме по-прежнему царил его культ. Так, например, его трубки остались стоять на кухонной полке, и вдова в беседе с кем-либо, желая доказать свою правоту, всегда показывала на них, т. е. ссыалась на незыблемый авторитет покойного» (Stierlin, S. 21–22).

При таком преклонении Клары перед Алоизом Адольф едва ли был готов поделиться с ней своими подлинными чувствами, особенно если учесть, что он, несомненно, предстал в глазах матери в невыгодном свете по сравнению со своими умершими братьями и сестрой. Ведь они, умершие так рано, наверняка не успели согрешить и попали на Небеса, где, как известно, также невозможно совершить никакого греха. Бедный же Адольф оставался на грешной земле. Чтобы получить любовь матери, он был вынужден притворяться, чем окончательно и определил свою жизненную позицию. В самом начале фундаментального труда Феста есть несколько очень метких замечаний:

«Всю свою жизнь он предпринимал невероятные усилия, чтобы скрыть свой истинный облик и сделать его гораздо более просветленным... Вряд ли мы найдем другую историческую личность, которая столь же тщательно скрывала свою истинную сущность и которая была готова применить столь чудовищное насилие, чтобы возвеличить себя. Сам

себя он скорее вообразил монументом, а не человеком и на протяжении всей жизни стремился создать о себе именно такое представление» (Fest, 1978, S. 29).

Человеку, познавшему любовь матери, не нужно так искажать свое подлинное лицо.

Адольф Гитлер постоянно стремился оборвать все связи с прошлым. Сводного брата Алоиза он даже близко к себе не подпускал, а сестру, которая вела у него домашнее хозяйство, заставил сменить фамилию. Однако на арене мировой политики он ставил подлинную драму своего детства, сам того не осознавая. *Подобно своему отцу*, он также стремился быть абсолютным диктатором. Остальные должны были повиноваться и молчать. Он внушал страх, но одновременно пользовался безграничной любовью народа, который, как когда-то Клара у ног своего мужа, теперь так же покорно лежал у его ног.

Известно, что Гитлер заволаживающе действовал как на мужчин, так и на женщин. Всем им он заменял строгого отца, точно знающего, что правильно, а что нет. Ведь всех этих людей с детства приучали к послушанию, неукоснительному выполнению своих обязанностей и соблюдению христианских заповедей. Они также с ранних лет должны были подавлять в себе ненависть и скрывать свои истинные потребности.

Гитлер предстал перед ними человеком, не только не отвергающим нормы буржуазной морали, но напротив, готовым высоко оценить привитую им с детства привычку к повиновению, и это почти ни у кого не вызывало внутреннего протеста. Ведь он не ставил перед ними глубоких вопросов о смысле жизни, его политика не вызывала у них душевных кризисов. Более того, он дал немцам универсальное средство, позволившее совершенно легальным путем излить накопившуюся в душе едва ли не с первых дней жизни ненависть. Найдите мне того, кто этим не воспользуется! Еврей теперь оказался виновным во всем, а истинных виновников (собственных родителей-тиранов) можно было, как и прежде, идеализировать.

Я знаю женщину, которая в детстве не сталкивалась с евреями до тех пор, пока не вступила в национал-социалистическую организацию «Союз германских девушек». В детстве ее держали в ежовых рукавицах. Отец и мать очень нуждались в ней: она вела домашнее хозяйство, т. е. ее брат и две сестры по разным причинам покинули родительский дом. Поэтому, несмотря на ее желание, а также ярко выраженные склонности и способности, она так и не освоила какой-либо профессии. Уже гораздо позднее она рассказывала мне, как с восторгом читала в «Майн Кампф» о «преступлениях евреев» и какое испытала облегчение, когда поняла, что теперь можно кого-то совершенно безнаказанно ненавидеть. В душе она завидовала брату и сестрам, поскольку те, в отличие от нее, занимались своим любимым делом, но эту зависть она не могла выразить открыто. И вот теперь она поняла, что еврейский банкир,

давший ее дяде ссуду под проценты, «бесстыдно наживался» на нем. На самом же деле именно родители нещадно эксплуатировали ее, и она подсознательно их ненавидела. Но ведь порядочной девушке не подобает испытывать такие чувства, как ненависть и зависть. И вдруг найден очень простой выход: *можно ненавидеть сколько угодно*, оставаясь любящей отца дочерью, да еще и «приносить при этом пользу Отечеству». Но самое главное — можно *гордиться своей силой, своими добродетелями, своим арийским происхождением* и презирать при этом евреев, таких же слабых и незащитных, каким в детстве был ты сам.

А сам Гитлер? И для него *еврей* — это беспомощный несчастный ребенок, каким он сам был когда-то. Гитлер жестоко измывался над евреями, потому что в детстве отец точно также обращался с ним. Алоиз непрерывно мучил сына, каждый день избивая его (мы помним, что в одиннадцатилетнем возрасте он чуть не забил его до смерти), поэтому и взрослый Адольф Гитлер также никак не мог успокоиться, и, уже уничтожив шесть миллионов евреев, призывал в своем завещании к полному истреблению еврейской нации.

Ведь и Алоиз Гитлер, и Адольф Гитлер испытывали страх перед возможным возвращением в психику человека отщепенной части собственного Я. (Этот страх характерен для всех родителей, избивающих детей.) Отсюда непрекращающиеся побои сына и постоянная борьба против евреев — за этим кроется боязнь прорыва в сознание подавленных ощущений (чувство собственного бессилия и униженности), прибежище от которых человек всю жизнь пытается найти в стремлении «стать великим», что дает ему возможность распоряжаться судьбами других людей. Алоиз стремился сделать служебную карьеру, его сын — стать вождем нации. В одном ряду с Адольфом и Алоизом стоят и психиатр, рьяно выступающий за широкое применение электрошока, и врач, занимающийся трансплантацией обезьяньего мозга, и профессор, навязывающий свое мнение студентам, и просто отец, воспитывающий своих детей. Все эти люди, которым неизвестно чувство скорби по собственному детству, стремятся не только погубить, унижить или оскорбить других, нет, главная цель их деятельности — предание окончательному забвению мучительных воспоминаний о зародившемся когда-то чувстве бессилия.

В очень интересной книге Штирлина прослеживается мысль, что мать как бы подсознательно «поручила» сыну сделать все для ее спасения от унижений со стороны мужа. Таким образом, из этого можно сделать вывод, что Германия заняла в подсознании Адольфа место матери. С этим, наверное, следует согласиться, однако упорство, с которым он позже стремился к поставленной цели, безусловно отражало его кровные подсознательные желания. Ведь Гитлер поставил перед собой воистину великую цель — полностью освободить свое подлинное Я от гнетущих воспоминаний о страшных унижениях, которым он подвергся в детстве. Для этого он принес в жертву Германию.

Впрочем, одно не исключает другого: ведь, «спасая мать», ребенок одновременно борется за право на существование. Иначе говоря, Адольф думал, что если бы его мать была сильной женщиной, она бы уж точно избавила его от мук и постоянного страха смерти. Но она, униженная и во всем покорная мужу, не могла защитить ребенка. Отныне настал его черед «спасти» мать (Германию) от врага, чтобы она была чистой, сильной и доброй. Только тогда она способна дать ему чувство уверенности в себе. Многие дети мечтают о том, как они спасают своих матерей в минуту смертельной опасности, и тогда они становятся именно такими, какими мечтают видеть их дети. Но поскольку у ребенка нет такой возможности, он ищет объект-заместитель, и так возникает синдром навязчивого повторения. Если вовремя не распознать его корни, он может привести к совершенно катастрофическим последствиям. Так, если довести рассуждения Штирлина до конца, то мы приходим к следующему выводу: освобождение Германии (полное истребление еврейского народа), т. е. *окончательное устранение злого отца*, предоставило бы Гитлеру возможность стать счастливым ребенком, живущим с «матерью» в мире и согласии.

Стремление во что бы то ни стало добиться этой неосознанной (и недостижимой) цели со временем, естественно, приобрело маниакальный характер. Однако любая мания легко объяснима, когда известно, какое детство было у человека, страдающего этой манией. К сожалению, авторы биографий Гитлера боятся допустить в свое сознание воспоминания о детстве и потому совершенно неверно истолковывают причину патологического поведения фюрера. Так, например, их чрезмерно занимает вопрос, действительно ли отец Алоиза Гитлера был евреем и можно ли самого Алоиза считать алкоголиком.

Но ведь психологическая атмосфера, в которой растет ребенок, как правило, не имеет ничего общего с той «объективной историей жизни», из которой биографы позднее дружно принимают выуживать факты. Они забывают, например, что *подозрение* оказывает на ребенка более пагубное воздействие, чем твердая уверенность в том, что его дед был евреем. Сам Алоиз страдал от неопределенности, а Адольфу бесспорно было известно о слухах, хотя в семье на известную тему говорили крайне мало и неохотно. Но именно слухи и замалчиваемые факты больше всего занимают ребенка, особенно если он чувствует, что с неизвестностью не в состоянии психологически справиться даже отец. (Выше уже рассказано о том, какую реакцию у Гитлера вызвало сообщение Франка о том, что его дед, возможно, все же был евреем. Эта реакция подтверждает мои выводы.)

Уничтожение евреев дало Гитлеру возможность хотя бы в мечтах «исправить» свое прошлое.

1. Гитлер отомстил отцу за мучения (ведь, возможно, отец был наполовину евреем).

2. Гитлер избавил мать от издевательств отца (то есть он избавил от ненавистных врагов Германию).
3. Он завоевал любовь матери при сохранении своего подлинного Я. (Гитлер завоевал любовь немецкого народа, представ перед ним орущим во все горло ярким ненавистником евреев, а вовсе не послушным, воспитанным в духе католической веры ребенком. Именно эти качества, абсолютно чуждые ему, ему приходилось демонстрировать, чтобы мать проявляла к нему любовь.)
4. Ему удалось переменить роль — теперь он сам стал диктатором, теперь все должны были повиноваться ему, как когда-то он повиновался отцу, он создал концлагеря, в которых с людьми обращались так, как когда-то в детстве обращались с ним. (Человек едва ли способен выдумать нечто совершенно чудовищное, если никогда не знал ничего подобного. А если то, что с ним делали в детстве, нам не кажется чудовищным, то это часто — следствие идеализации родителей.)
5. Он начал преследование слабого, беззащитного ребенка в своем собственном Я и часть своего Я спроецировал на свои бесчисленные жертвы, чтобы не испытывать скорбь, вызванную перенесенными в детстве страданиями, от которых его никто, даже мать, не мог спасти. Подсознательное желание отомстить тому, кто в раннем детстве жестоко мучил его и изгнать из своего Я слабого ребенка совпало с желаниями огромного количества немцев, которые выросли в точно такой же атмосфере насилия.

Согласно Штирлину, в воображении Адольфа Гитлера постепенно сформировался образ ласковой матери, которая, хотя и «поручает» сыну спасти ее, но одновременно защищает его от жестокого отца. В предложенном Фрейдом понятии «эдипов комплекс» также значительное место занимает идеализированный образ матери. Клаус Тевеляйт в своем исследовании «Мужские фантазии» очень близко подошел к правильному пониманию феномена идеализации матери, хотя он также побоялся сделать окончательные выводы. Так, он изучил речи и произведения целого ряда видных представителей фашистской идеологии и установил, что в них постоянно встречаются образы строгого, карающего за непослушание отца и доброй, защищающей ребенка матери. Ее называют «лучшей женщиной и матерью в мире», «добрым ангелом», «умной, глубоко религиозной, всегда готовой помочь женщиной с твердым характером» (Theweleit, том 1, S. 133). Матери же товарищей или жен, помимо всего прочего, вызывали восхищение такими чертами своего характера, как жесткость, любовь к Отечеству, истинно прусские взгляды («немцы не плачут»). Это были железные женщины, которые «даже глазом не моргнут при вести о гибели своих сыновей» (об этой черте родных матерей, как правило, ничего не говорится).

Тевеляйт приводит совершенно поразительные высказывания:

«И все же отнюдь не эта весть окончательно доконала мать. Четырех сыновей отняла у нее война. Она спокойно перенесла это, а убил ее

совершенный пустяк: Лотарингия отошла французам, и страна лишилась залежей медной руды» (S. 135).

Этот «железный характер» часто находит свое выражение и в наказаниях, которые такие матери применяют к своим «горячо любимым» детям. Герман Эрхард рассказывает:

«Четыре часа простоял я ночью на снегу в наказание за свое упрямство, пока, наконец, мать не заявила, что с меня достаточно» (там же, S. 133).

Мать мстит за унижения, перенесенные в раннем детстве, используя ребенка в качестве объекта-заместителя. Ребенок не в состоянии понять, почему любимая мать причиняет ему боль, и одновременно никак не может взять в толк, почему такая сильная женщина как маленькая девочка трепещет перед мужем. От ее жесткого характера ребенок *очень страдает*, однако ему *отказано в праве эмоционально воспринимать эти страдания и показывать, как ему больно*. Ему ничего не остается, как отщеплять от своего Я переживания, причиной которых стала жестокость матери, и приписывать эту черту другим матерям, даже восхищаясь ею.

Разве могла Клара Гитлер помочь своему сыну, когда, в сущности, была просто служанкой, во всем покорной своему хозяину-мужу? Будучи уже замужней женщиной, она по-прежнему робко называла мужа «дядюшка Алоиз», а после его смерти, стоило лишь кому-нибудь упомянуть о нем, как она тут же с благоговением смотрела на его трубки.

Что творится в душе ребенка, когда он видит, как та же самая мать, которая готовит ему еду и поет прекрасные песни, замирает, словно окаменев, и ничего не предпринимает, когда отец жестоко избивает ее любимого ребенка? Какие чувства охватывают его, когда он, стиснув зубы, надеется, что она — в его глазах такая сильная и смелая — наконец придет ему на помощь? Но ничего подобного не происходит. Мать так и не решается встать на защиту своего ребенка и своим молчанием лишь демонстрирует полную солидарность с мучителем. Неужели кто-то думает, что ребенок не понимает этого? И стоит ли удивляться тому, что в итоге он, хотя и неосознанно, начинает злиться на мать? Может быть, он будет горячо любить мать (во всяком случае сознательно), но ощущение, что его унизили, предали, что над ним насмеются и издеваются, никуда не уйдет и обязательно найдет выход, причем будет использован механизм отщепления и проекции.

Мать Гитлера — не исключение, а скорее подтверждение правила. Такую жену хотели бы иметь многие мужчины. Но разве может мать, если она по сути своей просто рабыня, привить ребенку чувство самоуважения, без которого он не сумеет развить в себе живое начало? Яркий пример женского идеала Адольфа Гитлера демонстрирует отрывок из «Майн Кампф»:

«Широкие массы по своей психологии невосприимчивы к любой половинчатости и слабости.

Подобно женщине, чьи душевные переживания определяются не столько отвлеченными интеллектуальными рассуждениями, сколько смутной чувственной страстью к способной дополнить ее силе и которая поэтому предпочитает склониться перед сильным, а не руководить слабым, масса также скорее покорится вождю, чем человеку, пытающемуся ей что-то объяснить... Удовлетворить ее может только учение, не терпящее рядом никаких других теорий... Масса, в большинстве своем, не знает, что делать с либеральными свободами, и, получив их, даже чувствует себя брошенной на произвол судьбы. Она не в состоянии осознать ни бесстыдство, с которым ей навязывают настоящий интеллектуальный террор, ни, казалось бы, достойное возмущения насилие над ее гражданскими правами; она совершенно не ощущает бессмысленность и противоречивость всего учения. Ее сознательно обрабатывают словами, и она слышит только звучащие в них силу и жестокость, которые она полностью и навсегда принимает» (цит. по: Fest, 1978, S. 79).

Давая характеристику массам, Гитлер явно видел перед собой мать. Ведь в основе его идеологии лежит очень рано приобретенный опыт: жестокость всегда побеждает.

Фест также выделяет презрительное отношение Гитлера к женщинам, которое вполне понятно любому, кто знаком с ситуацией, сложившейся в его семье. Вот мнение Феста:

«Среди определяющих факторов, приведших Гитлера к созданию „расовой теории“, особое место занимает комплекс собственной сексуальной неполноценности и глубокая антипатия к женщинам. Он уверял, что именно женщина занесла в наш мир грех, что ее чрезмерная податливость искусным в любви недочеловекам — этим животным в человеческом облике — есть основная причина осквернения нордической крови» (Fest, 1978, S. 64).

Возможно, Клара была по натуре робкой и застенчивой, и лишь потому называла своего мужа «дядюшкой Алоизом». Но ведь он не возражал. Не исключено, что Алоиз даже требовал этого, ведь настаивал же он, чтобы соседи обращались к нему исключительно на «Вы». Даже в «Майн Кампф» Адольф называет его «господин отец». Таково, наверное, было пожелание Алоиза, и сын уже настолько усвоил его, что даже в зрелом возрасте не мог называть его по-другому. Вполне вероятно, что Алоиз, настаивая на неуклонном исполнении своих требований, хотел тем самым хоть как-то вознаградить себя за то, что в детстве ему приходилось стыдиться своего происхождения, бедности и т. д., о чем я уже писала. Сразу же напрашивается мысль: а не потому ли все немцы в течение 12 лет были обязаны приветствовать друг друга возгласами «Хайль Гитлер!»? Вся Германия была вынуждена безропотно выполнять любые, даже самые нелепые требования своего фюрера, который очень хорошо запомнил, что в детстве его заставляли делать то же самое.

Гитлер всячески потворствовал массам, в том числе «истинно германским женщинам», ибо остро *нуждался* в их голосах на выборах, хотел, чтобы перед ним преклонялись и т. д. Но ведь в матери он нуждался не менее остро. Тем не менее он так и не смог добиться по-настоящему близких с ней отношений.

Штирлин пишет:

«Н. Бромберг (Bromberg, 1971) следующим образом описывает сексуальные привычки Гитлера: „Гитлер обычно ложился на пол лицом вверх и умолял молодую женщину сесть на корточки над его головой и справить ему на лицо малую или большую физиологическую нужду. Иначе он не получал сексуального удовлетворения... А вот пример мазохизма Гитлера, который однажды бросился на колени перед молодой немецкой актрисой и умолял ее бить его ногами. Сперва она отказалась, но он заклинал ее исполнить его желание. Он осыпал себя упреками, бился в истерике. Когда же она уступила и с нарастающей силой принялась бить его ногами, он буквально дошел до экстаза. Разница в возрасте между Гитлером и молодыми женщинами, с которыми он тем или иным образом вступал в интимные отношения, составляла обычно 23 года. Именно такой была разница в возрасте у его родителей“» (Stierlin, 1975, S. 168).

Невозможно даже представить себе, чтобы человек, которого, по уверению большинства его биографов, в детстве нежно любили, страдал бы от таких садомазохистских наклонностей. К сожалению, очень многие выводы о «теплых отношениях» между Адольфом и матерью продиктованы тем, что биографы идеализируют своих родителей. Да разве только они находятся по-прежнему во власти губительных воззрений, характерных для «черной педагогики»?

ВЫВОДЫ

Если читатель воспримет мои размышления о детстве Адольфа Гитлера как проявление чрезмерной чувствительности или даже как желание хоть как-то «оправдать» его страшные преступления, то это, разумеется, его полное право. Может быть, по-другому он просто не может воспринять мои мысли. Люди, которых очень рано приучили «жить, стиснув зубы», как правило, подсознательно входят в роль педагога, и потому для них любое выражение сочувствия к ребенку есть не что иное, как проявление излишней чувствительности. Что же касается проблемы вины, то я выбрала Гитлера только потому, что изо всех известных мне преступников у него на совести больше всего человеческих жизней. Однако недостаточно заявить, что кто-либо виновен и даже доказать его вину. Разумеется, не только наше право, но и наша обязанность — сажать за решетку убийц. Лучшего способа обезопасить себя от них люди пока не придумали. Но почему мы не хотим признать, что желание убивать очень часто обусловлено трагическими переживаниями, выпавши-

ми на долю убийцы в детские годы, а тюрьма — только их закономерный итог?

Если не заниматься поисками новых фактов, а попытаться оценить уже известное нам в более широком контексте, то выясняются обстоятельства, на которые пока не обращали внимания, в результате чего они оставались скрытыми от глаз общественности. Для психолога работы здесь еще непочтатый край. На мой взгляд, крайне важна следующая информация: оказывается, сестра Клары, т. е. тетка Адольфа, горбунья и шизофреничка *Иоганна с самого рождения мальчика вплоть до достижения им юношеского возраста жила с ним в одном доме*. Ни в одной из прочитанных мной книг о Гитлере данное обстоятельство никак не связывается с принятым в «Третьей рейхе» законом об эвтаназии. Ведь для того, чтобы обнаружить такую взаимосвязь, биограф Гитлера должен был понять чувства мальчика, вынужденного ежедневно наблюдать, как живущая с ним бок о бок родственница ведет себя неадекватно, если не сказать — пугающе странно. При этом нельзя забывать, что ему было запрещено публично выражать такие чувства, как ярость и страх, и вообще задавать щекотливые вопросы. Разумеется, присутствие рядом больной шизофренией тетки отнюдь не обязательно имеет негативные последствия, но лишь в том случае, если ребенку разрешено открыто проявлять свои эмоции и откровенно обсуждать с родителями свои страхи.

Как известно, отец Адольфа нанял служанку Франциску Херль, но она вскоре уволилась, ибо ее угнетало присутствие в доме именно тети Иоганны. Об этом она рассказала Етцингеру в интервью, прямо заявив: «Уж очень меня достала эта полоумная горбунья» (Jetzinger, S. 81).

Но племянник шизофренички не мог произнести такие слова и уйти из родного дома. Зато, повзрослев, он был в состоянии сделать надлежащие выводы. Придя к власти, Адольф Гитлер сполна «отомстил своей несчастной тетке» за свои тогдашние трагические переживания. Он приказал убить всех проживавших на территории Германии душевнобольных, поскольку не чувствовал в них «полезных членов здорового общества». Сразу отметим, что такое ощущение сохранилось у него с детства. Теперь, в зрелом возрасте, он без зазрения совести замаскировал свое желание отомстить идеологическими мотивами.

Предыстория принятия закона об эвтаназии остается за рамками моей книги, т. к. моей главной целью было на конкретном и ярком примере показать, к каким чудовищным последствиям может привести постоянное унижение ребенка. Но такое унижение вкупе с запретом на проявление чувств и выражение их в словесной форме едва ли не повсеместно стало одним из самых главных факторов системы воспитания, и потому в обществе совершенно не замечают его влияния на последующее развитие ребенка. За рассуждениями о том, что телесные наказания везде в порядке вещей, скрывается нежелание увидеть истинные масштабы происходящей трагедии. А сколько родителей убеждены в

том, что без побоев нельзя заставить ребенка учиться! Сколько педагогов постоянно издеваются над детьми! Когда же их воспитанник, став взрослым, совершает жестокие преступления, это для них оказывается «громом среди ясного неба». Не имея желаний увидеть взаимосвязь между жестокими методами воспитания и преступностью, общество ужасается и делает вид, что убийцы и грабители берутся «неизвестно откуда».

На основании анализа детства Гитлера я сделала следующие выводы:

1. Самый страшный преступник «всех времен и народов» был в детстве обычным ребенком.
2. Эмоциональное восприятие ситуации, сложившейся в детстве человека, совершившего тягчайшие преступления, и сострадание к несчастному ребенку отнюдь не исключает трезвой, критической оценки преступлений, совершенных этим человеком в зрелом возрасте (это относится и к Алоизу, и к Адольфу).
3. В основе репрессивной политики лежат воспоминания правителя об унижениях, перенесенных в детстве, сохранившиеся в подсознании.
4. Сознательное восприятие на эмоциональном уровне перенесенных унижений может скорее избавить человека от неудержимого стремления причинять боль другим, проще говоря, от садистских наклонностей, чем вытеснение этих переживаний в подсознание.
5. Ни заповедь, предписывающая нам почитать отца своего и мать свою, ни «черная педагогика», требующая непременно щадить родителей, совершенно не учитывают решающих факторов, способных определить всю дальнейшую судьбу ребенка.
6. Взрослый человек сможет разобраться в себе самом, только поняв истинные причины своего душевного состояния. Возмущение, обвинение других и испытываемое чувство вины не помогут ему в этом.
7. Подлинное понимание на эмоциональном уровне не имеет никакого отношения к сентиментальному сочувствию, которое не позволяет проникнуть в душу человека.
8. То обстоятельство, что определенное явление или представление, выступающее в качестве причины некоторого психического состояния, оказывается повсеместно распространенным, не освобождает нас от изучения этого явления. Наоборот, его широкая распространенность говорит о том, что изучать его нужно, поскольку оно касается или может коснуться всех нас.
9. Ощущать ненависть на эмоциональном уровне — не то же, что и открыто выражать ее и вымещать на других людях. В первом случае речь идет о психическом переживании, во втором — о действии, которое может стоить жизни другим. Там, где путь к эмоциональному ощущению ненависти закрыт запретами в духе «черной

педагогике» или потребностями родителей, там дело обязательно дойдет до ее открытого выражения. При этом разрушительные действия человека могут быть направлены как на других людей (пример Гитлера), так и на самого себя (пример Кристианы Ф.).

Впрочем, часто случается так, что эти действия направлены и внутрь своего Я, и вовне: именно такова структура деструктивной деятельности большинства преступников. Это мне хотелось бы продемонстрировать на примере Юргена Барча.

ЮРГЕН БАРЧ: КОГДА КОНЕЦ СТАНОВИТСЯ НАЧАЛОМ ОСОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

Как бы ни был виновен человек, все равно это не дает ответа на вопрос, который всегда останется открытым: «Почему вообще на свете есть такие люди? Неужели большинство из них родились именно такими? Господи, чем же они провинились еще до своего рождения?»

*Из письма,
написанного Юргеном Барчем в тюрьме*

ВСТУПЛЕНИЕ

Люди, слепо верящие статистическим данным и делающие на этом основании психологические выводы, наверняка сочтут бессмысленным мое стремление понять чувства Кристианы и Адольфа. Им сначала нужно с помощью статистических выкладок доказать, что обращение с детьми сказывается на статистике убийств, совершенных позднее уже взрослыми людьми. Но сделать это невозможно по следующим причинам:

1. Насилие над детьми совершается, в основном, за закрытыми дверями, и потому остается незамеченным. Ребенок сам предпочитает никому ничего не рассказывать о нем, и горький опыт вытесняется в подсознание.
2. Даже при наличии многочисленных показаний свидетелей найдутся люди, утверждающие прямо противоположное. Кроме того, можно приписать информации, предоставленной свидетелями, прямо противоположный смысл, который будет идеализировать родителей. (Как мы помним, Етцингер, ничтоже сумняшся, оспаривал достоверность сведений о том, что Гитлера жестоко избивали.)
3. Ни криминалисты, ни психологи не усматривают взаимосвязи между жестоким обращением с детьми и свершенными позднее убийствами. Поэтому очень редко предпринимаются попытки статистического анализа этих явлений. Впрочем, иногда такие исследования все же проводятся. Но даже если их результаты подтверждают мои утверждения, я все равно не считаю количественные показатели информативными. Ведь важно содержание конкретных понятий. Количественные характеристики не помогут, если сами ответы опрошенных или не позволяют сделать никаких выводов

(например, «безоблачное детство»), или расплывчаты и многозначны («познала родительскую любовь»), или весьма туманны («отец был суров, но справедлив»), или даже содержат очевидные противоречия («меня любили и баловали»). Таким образом установить правду почти невозможно. Поэтому я хочу пойти другим путем. Не использование якобы объективных данных статистики, а попытка представить ситуацию субъективно, с точки зрения жертвы (насколько мне, конечно, позволит моя чуткость) — вот мой метод, которым я уже пользовалась в главе о Гитлере. При этом я обнаружила поразительное сочетание любви и ненависти; недостаток уважения и интереса к независимому от потребностей родителей единственному и неповторимому существу, манипулирование им, ограничение его свобод, унижение и надругательство над ним, — с одной стороны, и непрерывные ласки и нежности — с другой. Правда, последнее имело место в тех случаях, когда ребенок подсознательно воспринимался как часть собственного Я. К данному выводу я пришла чисто практически, используя минимум теоретических выкладок. Поэтому даже любой непрофессионал способен противопоставить моим заключениям собственные аргументы. Напомню, что работники юстиции (в том числе и судьи) и работники исправительных учреждений, как правило, не психологи-профессионалы.

Статистические данные вряд ли помогут юристам понять чужой внутренний мир, особенно если они не испытывают к нему интереса. И все же юрист должен попытаться понять психологию преступника. Каждое уголовное дело требует именно такого подхода. Газеты ежедневно публикуют криминальную хронику, но эти преступления — лишь трагическая развязка душевной драмы. Может ли понимание подлинной причины какого-либо преступления повлиять на меру наказания или привести к смягчению режима для осужденного? Разумеется, если и может, то только в рамках закона. Однако сейчас речь идет не об этом. К сожалению, общество до сих пор полагает, что главное — это упрятать преступника за решетку. Но когда-нибудь все-таки нужно понять, что часто вина лежит не столько на нем, сколько на самом обществе, что он может быть жертвой стечения многих трагических обстоятельств. Это особенно хорошо видно на примере дела Барча. Это не означает, что судья должен выносить несоразмерно мягкий приговор. Безусловно, необходимость защиты общества требует применения наказания в виде лишения свободы. Но одно дело в соответствии с принципами «черной педагогики» сурово *покарать* человека, а другое — с пониманием отнестись к его трагедии и провести в тюрьме курс психотерапии. Можно, например, разрешить осужденным к лишению свободы собираться в группы и заниматься рисованием или лепкой. Это даст им возможность не только творчески выразить свои самые сокровенные детские переживания, свои воспоминания о перенесенном жестоком обращении, но

и осознанно пережить чувство ненависти, переполнявшее в детстве их души. Предоставив осужденным такую возможность, государство не понесет дополнительных расходов, а ведь тем самым можно предотвратить появление у них желания излить ненависть на кого-либо в реальной жизни. Чтобы принять такую позицию, нужно понять, что недостаточно изолировать человека от общества, это не приведет к тому, что он автоматически исправится.

Мою позицию иногда истолковывают следующим образом: дескать, она винит во всем родителей и слишком много говорит о «жертвах», в то же время легко оправдывает родителей, т. к. они сами якобы нуждаются в помощи психотерапевта; но при этом она забывает, что каждый человек должен сам отвечать за свои дела. Эти упреки также представляют собой следствие применения «черной педагогики» и свидетельствуют о том, что человек с раннего детства привык чувствовать себя во всем виноватым. Очень тяжело, не закрывая глаза на жестокость преступления и не умаляя *его опасности*, одновременно понять трагическую судьбу самого преступника. Если бы я хоть чуть-чуть изменила свою позицию, то, несомненно, стала бы типичным сторонником «черной педагогики». Но я, напротив, стремлюсь, *как можно дальше отойти от нее*, и потому отдаю предпочтение голым фактам, а не *морализаторству*.

Педагогам особенно трудно понять мою концепцию, поскольку, по их собственному выражению, они «не видят в моей концепции ничего, на что бы они могли опереться». Если имеется в виду, что, приняв мою позицию, они должны были отказаться от своих воспитательных принципов, то это не было бы большой потерей для общества. Принятие моей концепции позволило бы им эмоционально пережить чувство вины и страх, внедренные в их души насилием и более изощренными методами. Это сделало бы их гораздо более жизнестойкими и более искренними по отношению к своим ученикам, дало бы им ощущение стабильности и помогло бы им больше, чем все педагогические принципы (см. A. Miller, 1979).

Отец одного моего пациента, который сам никогда не говорил о своем тяжелом детстве, постоянно мучил сына, т. к. видел в нем самого себя. Но и он, и сын считали это не насилием, а «воспитательными мерами». Когда сын с крайне тяжелыми симптомами нервного расстройства пришел на сеанс психоанализа, то сразу же заявил, что «очень благодарен отцу за строгое воспитание». Когда-то он сам изучал в университете педагогику, но теперь, открыв для себя трактаты Эккехарда фон Браунмюля с их ярко выраженной антипедагогической позицией, понял, насколько он заблуждался. После этого он как-то навестил отца и во время разговора с ним осознал, что тот все время пытался причинить ему боль: отец либо не слушал его, либо высмеивал то, что тот говорил. Он осторожно попытался указать отцу на это, но отец, профессор педагогики, вполне серьезно ответил ему: «Да ты мне должен

быть благодарен за это. Привыкай к тому, что не всегда на тебя будут обращать внимание или принимать твои слова всерьез. Я специально подтрунивал над тобой. Это хороший урок для тебя, а уроки, полученные в юности, запоминаются на всю жизнь». Двадцатичетырехлетний сын был совершенно ошеломлен. Раньше он часто слышал подобные вещи, но никогда в его душу не закрадывалась и тень сомнения, но на этот раз он настолько возмущился, что даже процитировал Эккехарда фон Браунмюля: «Если ты и дальше собираешься воспитывать меня в соответствии с этими принципами, лучше убей меня, ведь рано или поздно я все равно умру. Так что убить меня было бы лучшей педагогической мерой». Отец, правда, тут же обвинил его в дерзости и чрезмерном самомнении, но именно это эмоциональное переживание определило в дальнейшем отношение сына к педагогике: он перешел на другой факультет.

Трудно сказать, руководствовался ли отец юноши методами собственно «черной педагогики» или же это было скрытое насилие в виде «белой» педагогики. Я вспомнила об этой истории лишь потому, что ее анализ, на мой взгляд, позволяет более непредвзято отнестись к судьбе Юргена Барча.

А вот еще один случай. Одаренного двадцатичетырехлетнего студента на сеансах психоанализа мучили жестокие садистские фантазии. Они были так сильны, что он боялся однажды стать детоубийцей. Но выявление в процессе психоанализа источника этих фантазий и осознание на эмоциональном уровне своих прежних отношений с отцом и матерью позволило ему избавиться как от этих страхов, так и от других невротических симптомов. Ведь его фантазии, в которых он хотел убить ребенка, следует воспринимать как желание отомстить родителям (он подсознательно ненавидел отца, который мешал ему чувствовать себя личностью. Молодой человек идентифицировал себя с жестоким отцом, убивая в своих фантазиях ребенка, которым он сам был когда-то. Я привела и этот пример лишь потому, что у этого студента были такие же психодинамические черты, как и у Юргена Барча, хотя судьбы у них сложились совершенно по-разному.

«ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА»

Я разговаривала со многими людьми, которые читали труды сборников «черной педагогики» и были очень удивлены тем, как жестоко «раньше» обращались с детьми. Они искренне полагали, что принципами «черной педагогики» уже давно никто не руководствуется и что на них основывалось разве что воспитание дедушек и бабушек.

В конце шестидесятых годов в ФРГ судили сексуального маньяка и серийного убийцу Юргена Барча. Этот процесс наделал много шума. Молодой человек 1946 года рождения в возрасте 16 лет начал совершать совершенно немыслимые по жестокости убийства детей. В вышедшей в

1972 г. и мгновенно распроданной книге «Биография Юргена Барча, частично изложенная им самим» Пауль Моор (Das Selbstporträt des Jürgen Bartsch, Paul Moor, 1975) пишет:

«Карл-Хайнц Задрозински — Юргеном Барчем его назвали позднее — родился 6 ноября 1946 г. от внебрачной связи больной туберкулезом вдовы, муж которой погиб на войне, и сезонного рабочего из Голландии. Мать раньше срока тайком сбежала из больницы, оставив новорожденного сына. Через несколько недель она умерла, а еще через несколько месяцев в больницу на операцию легла Гертруда Барч — жена зажиточного мясника из Эссена. Она и ее муж решили забрать ребенка к себе. Правда чиновники из отдела усыновлений управления по делам несовершеннолетних возражали, ссылаясь на крайне сомнительное происхождение мальчика, поэтому весь процесс усыновления продолжался целых семь лет. Новые родители держали ребенка в строгости и не позволяли ему общаться с другими детьми, потому что те могли проболтаться Юргену, что он приемный сын. Когда отец открыл вторую мясную лавку (с целью как можно раньше дать возможность Юргену иметь собственное дело), то госпожа Барч была вынуждена в ней работать, а заботу о ребенке взяли на себя бабушка и периодически меняющиеся служанки.

В десятилетнем возрасте родители отправили Юргена в расположенный в Рейнбахе интернат, где, помимо него, находились еще двадцать детей. В двенадцать лет мальчика, уже привыкшего к тамошней относительно дружеской атмосфере, внезапно перевели в католическую школу, где царил чисто казарменный дух. Среди трехсот содержащихся там мальчиков были и «трудные» подростки.

В период с 1962 по 1966 г. Юрген Барч убил четырех мальчиков и предпринял, по его словам, свыше ста покушений на убийство, к счастью, оказавшихся безуспешными. Для совершения преступлений он избрал один способ, хотя иногда вносил в него незначительные изменения. Как правило, он знакомился с мальчиком неподалеку от своего дома на Хегерштрассе в Лангенберге, заманивал его в пустой подвал, когда-то служивший бомбоубежищем, связывал его жгутом и начинал играть его половыми органами, иногда занимаясь при этом онанизмом. Затем он душил или забивал ребенка до смерти, вспарывал ему живот, полностью опустошал брюшную и грудную полости и закапывал изуродованный труп. Порой он расчленял его, отрубал руки, ноги и голову, отрезал половые органы, выкалывал глаза, срезал куски мяса с ягодиц и бедер (очень любил их нюхать) и предпринимал неудачные попытки заняться анальным сексом. Как на предварительном следствии, так и на самом процессе Барч до мельчайших подробностей описал свои действия, всякий раз подчеркивая, что оргазма он достигал именно тогда, когда расчленял трупы. Занимаясь онанизмом, он ничего подобного не испытывал. Свое четвертое и последнее убийство Барч совершил способом, о котором давно уже мечтал: он привязал свою жертву к

столбу и постепенно отрубал у кричащего от безумной боли мальчика различные куски тела, действуя как мясник, разделяющий тушу» (S. 22).

Такие кошмарные преступления, конечно же, вызывают бурю возмущения. Но одновременно многие не перестают удивляться, как такой милый, симпатичный, умный и очень чувствительный мальчик мог совершать такие зверства, ведь он совсем не был похож на преступника, а уж тем более на маньяка. К тому же судьба его внешне складывалась довольно благополучно: он воспитывался в добропорядочной состоятельной семье и в детстве, как водится, у него была целая коллекция плюшевых зверей. Многие, разумеется, сразу же подумают: «И у нас все было точно так же в семье, что же, выходит, мы все потенциальные преступники, раз корни всех преступлений следует искать в детстве?» Остается лишь констатировать, что Юрген родился абсолютно «нормальным». Это явствует из заключения приглашенных в качестве экспертов специалистов-психиатров, которые также постоянно подчеркивали, что Юрген Барч вырос не «на дне», а в благополучной семье, которая о нем хорошо заботилась, и потому никто, кроме него самого, не может нести ответственность за его чудовищные преступления.

Таким образом, как и в случае с Адольфом Гитлером, создается образ добрых, глубоко порядочных родителей, которым Господь или, наоборот, сатана подбросил в колыбель какого-то морального урода. Но такие монстры не падают с неба и не вырываются из ада. Если известно, как функционируют механизмы индентификации с жестоким отцом и что такое синдром вытеснения, отщепления и проекции, как происходит перенос внутренних конфликтов своих детских лет (превративших процесс воспитания в самые настоящие репрессии) на ребенка, избранного в качестве жертвы, то тогда уже мало кого удовлетворяют объяснения, которые недалеко ушли от средневековых представлений апологетов «черной педагогики». Если, кроме того, знать, что эти механизмы у отдельных индивидуумов могут быть задействованы особенно мощно и что в ряде случаев они могут просто парализовать волю человека, *то тогда события в жизни так называемых «монстров» воспринимаешь как естественные последствия ситуации, сложившейся в детстве.*

Прежде, чем подкрепить свои выводы примерами из жизни Барча, я хотела бы задать себе и читателям вопрос: «Почему общество отказывается прислушиваться к мнению психоаналитиков и не принимает к сведению приобретенный ими опыт?» Пауль Моор, который вырос в США и вот уже 30 лет живет в ФРГ, в начале процесса по делу Барча был просто поражен совершенно неадекватными представлениями о человеческой психике у служителей Фемиды. Моор просто не мог понять, почему они не обращают внимания на, казалось бы, совершенно очевидные вещи. Ведь он, родившийся в стране с другими традициями, сразу же заметил их. Разумеется, в зале суда также действуют незримые

общественные нормы и табу, обязательные и для судей, и прокуроров, и экспертов. Ведь они тоже живут в этом обществе, возможно, воспитывались так же, как и Юрген Барч, с детства идеализировали окружающий мир, но просто нашли другие, легальные способы для избавления от скопившихся в душе отрицательных эмоций. Как же они могут обратить внимание на применение в данном конкретном случае чересчур суровых методов воспитания? Тогда рухнет вся их система. *Ведь одна из основных целей «черной педагогики» — сделать так, чтобы с самого начала никто не замечал и не воспринимал страданий ребенка, и уж тем более не давал им объективной оценки.* В заключениях экспертов постоянно встречается весьма характерная фраза. Оказывается, «других людей» тоже так воспитывали, тем не менее они не стали «насильниками и серийными убийцами на сексуальной почве». Для оправдания существующей системы воспитания достаточно только постоянно подчеркивать, что через нее прошли все, а преступления совершают лишь отдельные люди.

Нет никаких объективных критериев, позволяющих оценивать детство одних, как «особенно трудное», а других, как «сравнительно благополучное». Оценка ребенком своего детства зависит от степени чувствительности, а все люди разные. Кроме того, у каждого было множество незаметных для постороннего взгляда как спасительных, так и губительных моментов.

Но зато можно изменить *наши представления о последствиях всего совершенного нами.* Ведь с тех пор, как мы знаем, что дальнейшее загрязнение воздуха и воды ставит под вопрос само выживание человека, охрана окружающей среды уже не воспринимается только как альтруизм или «соблюдение природоохранных норм». В результате были приняты законы, положившие конец варварскому загрязнению природы. И не потребовалось для этого никаких нравучений, просто сработал инстинкт самосохранения.

То же самое относится и к знаниям в области психоанализа. До тех пор, пока ребенка будут рассматривать как козла отпущения, на котором всегда можно выместить свою злость, принципы «черной педагогики» будут по-прежнему применяться на практике. Мы будем и дальше поражаться росту числа психозов, неврозов и случаев наркомании среди молодежи, возмущаться, узнав о разного рода сексуальных извращениях и вспышках насилия, и в то же время молча мириться с тем, что вооруженные конфликты, во время которых гибнет множество людей, стали неотъемлемой частью жизни на нашей планете.

Но если опыт, накопленный психоаналитиками, станет достоянием общественности — а это непременно когда-нибудь произойдет благодаря тем представителям подрастающего поколения, которые воспитывались в гораздо более свободной атмосфере — то тогда и бесправие ребенка, и родительское насилие над ним уже не смогут быть оправданы интересами всего человечества. *Никто уже не будет воспринимать как*

нечто само собой разумеющееся ситуацию, когда от ребенка требуют полного контроля над своими эмоциями и когда родители, со своей стороны, устраивают ему истерики и изливают на него свой гнев.

Родители также изменяют свое поведение, когда узнают, что то, что они до сих пор искренне считали «необходимыми воспитательными мерами», есть не что иное, как цепь унижений, оскорблений и открытого насилия. Более того, по мере понимания обществом взаимосвязи между преступлениями и горьким опытом первых лет даже специалисты начнут сознавать, что в любом преступлении можно увидеть скрытую в подсознании историю детства, детали которой можно понять, *проанализировав само преступление.* Чем внимательнее мы будем изучать эту взаимосвязь, *тем скорее рухнут стены,* скрывающие от нас истинное положение в тех семьях, где безнаказанно воспитывают будущих преступников. Неукротимое желание отомстить обусловлено тем обстоятельством, что взрослый может со спокойной душой вести себя агрессивно в отношении ребенка, в то время как гораздо более сильные эмоции ребенка всячески подавляются с помощью насилия.

Если только представить себе, какой заряд агрессии может таиться в «нормальных» людях, живущих в полном соответствии с требованиями общества, какие «дамбы» они вынуждены строить, чтобы сдерживать бушующие реки эмоций, и как подобная борьба против собственного Я подрывает их здоровье, то приходишь к выводу, что если такой человек не стал сексуальным преступником, то это счастье, но не нечто само собой разумеющееся. Впрочем, такие люди не обязательно превращаются со временем в сексуальных маньяков, но часто становятся жертвами психозов, наркотической зависимости или же полностью приспосабливаются к окружающему миру. Последнее таит в себе следующую опасность: такой человек может внушить (сознательно или бессознательно) и своему ребенку, что необходимо возводить «дамбы», чтобы удержать за ними мир чувств. (Вспомните историю молодого человека, изучавшего педагогику.)

Но что касается преступлений на сексуальной почве, то в данном случае играют роль несколько факторов, и эти факторы гораздо более важны, чем принято считать. Часто на сеансах психоанализа пациенты рассказывают о своих фантазиях, но в то же время они боятся, *что эти фантазии станут реальностью.* Но, к счастью, в этом случае реальностью они не становятся, потому что *осознанное переживание* эмоциональных порывов на сеансе психотерапии позволяет вывести их в сознание, чем, как правило, дело и ограничивается.

ДЕТСТВО УБИЙЦЫ

Пауль Моор пытался по-человечески понять Юргена Барча и не только вел с ним переписку, но и говорил со многими его знакомыми. Вот что он пишет о первом году жизни будущего серийного убийцы:

«Уже в день своего появления на свет в январе 1946 года Юрген Барч оказался в крайне неблагоприятной атмосфере. Его сразу же разлучили с больной туберкулезом матерью. Как известно, через несколько недель она умерла. Женщины, которая могла бы заменить ему мать, не нашлось. В родильном отделении до сих пор служит медсестра Анни, которая хорошо помнит Юргена. Она рассказала мне: „Как правило, в больнице детей держали больше двух месяцев. Но Юрген провел у нас целых одиннадцать месяцев“.

Современная психология пришла к выводу, что первый год — самый важный в жизни человека. Физический контакт с матерью и ощущение исходящего от нее тепла крайне важны для дальнейшего развития ребенка.

Но уже в больничных яслях младенец оказался полностью зависим от своих будущих приемных родителей. Они, используя свое социальное положение и свои материальные возможности, присвоили себе право распоряжаться судьбой ребенка. Медсестра Анни вспоминает: „Госпожа Барч заплатила сверх положенного, чтобы мальчик остался у нас. Она и ее муж хотели усыновить его, но чиновники все никак не могли принять окончательного решения. Их очень смущало его происхождение, ведь его мать, как и он сам, родилась от внебрачной связи. Она тоже какое-то время провела в приюте. К тому же никто толком не знал, кто его отец. Обычно мы по истечении определенного срока отправляем детей, которых оставили родители, в другое отделение, но госпожа Барч даже слышать об этом не хотела. Ведь в другом отделении мог оказаться кто угодно, в том числе дети, родители которых вели совсем уж асоциальный образ жизни. Я до сих пор помню, как у мальчика сияли глаза. Он очень рано начал улыбаться и поднимать головку, был очень любознателен. Однажды он обнаружил, что медсестра приходит по звонку и начал то и дело нажимать на кнопку. Это ему доставляло огромное удовольствие! И аппетит у него всегда был хороший, и в еде не привередничал. Совершенно нормальный, здоровый, вполне контактный ребенок“.

С другой стороны, мальчик начал слишком рано развиваться, что уже само по себе патология. Я был весьма удивлен, узнав, что ребенок уже к одиннадцати месяцам научился пользоваться горшком. Правда медсестра Анни сочла мое удивление неуместным. „Не забывайте, пожалуйста, что после войны прошел всего год. Мы тогда ни сна, ни отдыха не знали“. На мой вопрос, как же она и ее коллеги смогли приучить его так рано пользоваться горшком, медсестра Анни ответила с легким раздражением: „Мы уже в возрасте шести или семи месяцев просто сажали его на горшок. Некоторые из наших детей уже в одиннадцать месяцев ходить начинали и у них штанишки тоже всегда были чистые и сухие. Вот так“. Остается лишь констатировать, что в условиях, существовавших тогда в Германии, медсестра никак не могла использовать гуманные методы воспитания, даже если она, как Анни, желала ребенку добра.[...]

Проведя почти год жизни в неблагоприятной обстановке, ребенок, которого теперь звали Юргеном, начал жить со своими приемными родителями. Все близкие знакомые госпожи Барч в один голос утверждали, что она была буквально помешана на чистоте. Вскоре после переезда мальчик быстро забыл слишком рано привитые правила гигиены, чем очень разозлил госпожу Барч. Люди, знавшие их семью, уже тогда обращали внимание на покрытые кровоподтеками руки и лицо Юргена. Госпожа Барч так и не смогла убедительно объяснить их происхождение. Однажды ее муж откровенно признался другу, что подумывает о разводе: „Она так избивает ребенка, я больше не вынесу“. В другой раз господин Барч объяснил свой поспешный уход из гостей следующим образом: „Мне срочно нужно домой, иначе она забудет его до смерти“» (Moog, 1972, S. 80).

Сам Юрген, естественно, не может ничего рассказать о том времени, но, по всей видимости, именно побои послужили причиной того, что он часто испытывал чувство страха. «Еще в детстве мне внушали страх крики и ругань отца. И что меня уже тогда потрясло: я почти никогда не видел его улыбающимся».

Но откуда этот страх? Я боялся не столько исповеди, сколько других детей. «Вы не знаете, что в первом классе я был мальчиком для битья и что там со мной делали. Почему не защищался? А попробуй защищаться, если ты самый маленький в классе. От страха я не мог в школе ни петь, ни заниматься физкультурой! Я не мог утвердиться, потому что не входил ни в одну компанию. Одноклассники думали, что я их чурась. Им было без разницы, не хочу я или не могу. Я не мог. Пару дней, и то неполных, я жил у моего учителя Хюннемайера, пару дней в Вердене у бабушки, где спать приходилось на полу, а остальные дни в Каттернберге в лавке. В результате я нигде не чувствовал себя дома, не имел ни товарищей, ни друзей, т. к. не мог толком ни с кем познакомиться. Вот основные причины, но есть еще одна важная вещь: до того, как пойти в школу, я жил, как в тюрьме, в доме, окруженном трехметровой стеной, с зарешеченными окнами и искусственным светом. Выходить можно было только в сопровождении бабушки, и никаких игр с другими детьми. *И так шесть лет.* Ведь, не дай Бог, испачкаешься, и «вообще, они тебе не ровня». Я старался быть послушным, но мне всегда представлялось, что для родителей я обуза. Про незаслуженные побои я даже не говорю. Зато мне иногда прощались самые дурацкие поступки. У родителей для меня вообще не было времени. Отца я боялся, т. к. он мгновенно выходил из себя и начинал кричать, а мать уже тогда была истеричкой. Но главное: не было никаких контактов со сверстниками. Мне просто запрещали общаться с ними. Почему я потом не победил в себе страх и не начал с ними играть? Было уже поздно» (S. 56).

Это ощущение пребывания взаперти, невозможность вырваться из замкнутого пространства позднее сыграют очень важную роль. Не случайно Юрген будет заманивать подростков в бывшее бомбоубежище и

убивать их. Ведь в детстве никто не желал понять его душевное состояние, он не имел права на эмоциональные переживания и уж тем более, как он сам говорит, не мог показывать, что ему плохо.

«Если бы я стал рассказывать кому-то о своих проблемах, то меня бы сочли трусом. Во всяком случае, мне так казалось. Может быть, я был неправ, думая так. Но ведь я не был трусом во всем, и потом, вы же знаете, у каждого мальчика есть чувство собственного достоинства. Я, например, не всегда плакал, когда меня дома наказывали, я считал, что нехорошо быть неженкой, и никому не показывал, что мне плохо. А если откровенно, ну к кому я мог пойти, чтобы излить душу? К родителям? Несмотря на всю любовь к ним, мне приходится с ужасом признать, что они не смогли развить в себе ни малейшей способности понять ребенка. Я хочу особенно подчеркнуть *не смогли развить*, а не *не развили*, т. к. никого не хочу упрекать, а просто констатирую факт. Я твердо уверен, я в этом на собственной шкуре убедился, что мои родители никогда не умели правильно обращаться с детьми» (S. 59).

Только в тюрьме Юрген впервые предъявил родителям серьезные обвинения:

«Вам нельзя было держать меня взаперти и запрещать играть с другими детьми, и тогда в школе меня не считали бы жалким трусом. Вы не должны были отправлять меня к этому садисту в сутане, а когда я бежал, потому что священник измывался надо мной, вы не должны были посылать меня обратно. Но ведь вам это даже в голову не пришло. Когда мне было одиннадцать или двенадцать лет, мама бросила в печь книжку по вопросам полового воспитания, которую мне подарила тетя Мария. И потом, вы хоть раз поиграли со мной? Наверное, другие родители ведут себя так же... Но для вас-то я был желанным ребенком. Но почему, почему я многое понял так поздно, когда уже ничего нельзя исправить? Почему двадцать лет я ничего не замечал? Почему?»

«Когда кончался рабочий день, мать бежала вон из лавки, как солдат в атаку; прибегая домой, она распахивала дверь, и не дай Бог, если я попадался ей на пути, я тут же получал пару оплеух. Только потому, что я попался ей на пути — это довольно часто было единственной причиной. А через несколько минут я уже снова милый, славный мальчик, которого нужно взять за руку и поцеловать в щеку. Она еще удивлялась, почему я упираюсь и боюсь ее. С первых же дней я боялся их обоих: и отца, и мать; просто отца я видел очень редко. Я и сегодня спрашиваю себя, как он мог выдержать такое. Иногда он непрерывно работал с четырех часов утра до десяти или одиннадцати вечера, много времени проводя в колбасном цеху. Всегда, когда я его видел, он либо куда-то спешил, либо кричал на подчиненных. Но он единственный, кто хоть как-то заботился обо мне, например, менял пеленки и стирал их. Он мне сам потом говорил, что его жена так и не смогла заставить себя заниматься этим.

Я вовсе не хочу говорить о матери плохо. Я даже по-своему люблю ее. Но тем не менее я не считаю, что она была способна понять душу

ребенка. Она, должно быть, тоже меня любит. Это меня удивляет, но если бы это было не так, то она не сделала бы для меня всего того, что делает сейчас. Да, раньше мне от нее доставалось. Я помню, как она неоднократно была меня вешалкой до тех пор, пока та не ломалась, за то, что я, по ее мнению слишком долго готовил уроки или допускал в домашнем задании ошибки.

Так уж повелось, что она всегда сама мыла меня. Я никогда не ныл, не возражал, хотя мне это не особенно нравилось. Не знаю, возможно, что я считал это чем-то *само собой разумеющимся*. Самое интересное, что отец не имел права входить в ванную. Ох, как бы я тогда закричал!

Вплоть до девятнадцати лет, т. е. до ареста, я сам мыл только руки и ноги. Мать мыла мне голову, шею и терла спину. Это вроде вполне естественно, но ведь она еще добиралась до живота и бедер и вообще мыла мне тело сверху вниз. Можно сказать, что она меня мыла, а не я мылся. Я, как правило, ничего не делал, она говорила мне только, чтобы я помыл руки и ноги. Я был слишком ленив. Ни отец, ни мать мне никогда не говорили, что надо промывать и головку полового члена, оттягивая крайнюю плоть. Во всяком случае, она меня этому не научила, когда купала.

Считал ли я такое купание ненормальным? Было чувство, которое возникало время от времени на какие-то секунды или минуты, которые все-таки оставались в глубине души. Я его никогда не испытывал явно, если вообще выражение «не испытывать явно» имеет смысл.

Я не помню, чтобы я когда-то поддавался спонтанным порывам нежности, я не помню, чтобы я вдруг начинал обнимать мать и ласкаться к ней. Я смутно припоминаю, что однажды вечером, когда я лежал в кровати между родителями и мы смотрели телевизор, она меня стала ласкать. Наверное, за четыре года это было всего два раза. Да и я тогда склонен был отвергать ее нежности. Моей матери никогда не нравилось то, что я ее боюсь.

Уж не знаю, как это назвать, может, иронией судьбы, а может быть, это выражение не передает весь трагизм моих ощущений, но в детстве она мне снилась или продающей меня, или бросающейся на меня с ножом. Последнее, к сожалению, стало явью.

Это было то ли в 1964, то ли в 1965 году. Мне кажется, это был вторник, поскольку мама работала тогда в лавке только по вторникам и четвергам. В обед мы с ней фасовали куски мяса и мыли прилавки. Ножи тоже нужно было мыть. Эту работу мы с ней делили пополам. Я сказал, что все сделал. Но она была не в духе и сказала: «У тебя еще много работы». «Да нет же, — возразил я, — посмотри!» Она упорствовала: «Да ты только взгляни на зеркала! Тебе придется перемыть их». Я не сдавался: «Я не буду их пере мыть, они и так вымыты до блеска». Она стояла у зеркала, в трех или четырех метрах от меня. Вдруг она наклонилась к ведру, вынула оттуда очень красивый длинный мясницкий нож и как швырнет им в меня! Я уже не помню точно, может быть, нож,

когда летел, стукнулся о весы. Во всяком случае, он вонзился в скамью. Слава Богу, я успел в последний момент отскочить, иначе она бы мне точно в плечо попала.

Я застыл, как столб. Вообще не знал, на каком я свете. Все было уж как-то очень нереально. Такое даже представить себе невозможно. И тут она подошла поближе, плюнула мне в лицо и заорала: «Ты — дерьмо! Я позвоню господину Биттеру, — это начальник Управления по делам несовершеннолетних, — чтобы он забрал тебя! Убирайся, откуда пришел! Там твое место!» Я бросился на кухню, вцепился в шкаф и сказал продавщице госпоже Оскоп: «Она бросила в меня нож!» «Да ты рехнулся, — ответила продавщица. — У тебя совсем ум за разум зашел». Я сбежал по лестнице вниз, заперся в туалете и завыл, как собака. Когда я снова поднялся наверх, то увидел, что мать лихорадочно листает телефонную книгу. Вероятно, она и впрямь искала номер господина Биттера. Она долгое время со мной не разговаривала. Очевидно, она думала, что я негодный мальчишка и ничтожество, которое позволяет так с собой обращаться — швырять в себя ножом — и которое просто в таком случае отпрыгивает в сторону. Я не знаю...»

«Слышали бы вы голос моего отца! Настоящий фельдфебельский бас, которому место на плацу. Ужас! Он орал по любому поводу. По-моему: то жена его что-либо не так делает, то еще что-то — любая мелочь могла вызвать его недовольство. Иногда он закатывал скандал, но я уверен, что он вовсе не считал такое свое поведение чем-то ужасным. По-моему, он просто не мог по-другому. Но для меня как для ребенка это был кошмар. Помню, что скандалы бывали довольно часто.

Он всегда любил командовать и по-армейски делать замечания. Мне кажется, он был всегда перегружен своими делами, так что не будем обижаться на него.

На первом процессе председательствующий спросил отца: „Господин Барч, Вы, конечно, знаете, что в католической школе Вашего сына жестоко избивали?“ Отец четко и ясно ответил: „А я не считаю, что с ним обращались жестоко. Его ведь не забили до смерти“.

Как правило, днем родителей я не видел. Иногда мать пронеслась мимо как угорелая, и я не отваживался даже близко подойти к ней, боясь получить оплеуху. У меня уже был горький опыт. Очень часто она избивала меня только за то, что я осмеливался обратиться к ней с какой-нибудь просьбой или просто стоял у нее на пути. Что такое терпение, ей было просто неизвестно.

В душе я никак не мог понять ее. Я знаю, что она очень любила меня и любит до сих пор, но, по-моему, ребенок должен чувствовать любовь. Один пример: она могла взять меня на руки и несколько раз поцеловать, а потом, увидев, что я случайно забыл снять ботинки, жестоко колотить меня вешалкой, пока та не раскалывалась на две части. Такое происходило довольно часто, и всякий раз во мне что-то ломалось. Этого обращения со мной я никогда не забуду, как говорится, на том стою и не

могу иначе. Кто-то, может быть, упрекнет меня в неблагодарности, но он будет неправ. Я просто рассказываю о впечатлениях детства, потому что не хочу никакой лжи, даже самой святой и сладкой. Уж лучше горькая правда...

Им вообще не следовало жить вместе. Если два бесчувственных человека решили создать семью, то жди беды. У меня до сих пор в ушах стоит: „Заткнись, помолчи, когда старшие говорят, отвечай только, когда тебя спрашивают“.

Но самое грустное происходило в Сочельник. Представьте себе следующую картину: поздний вечер, тишина, я спускаюсь почти на цыпочках по стерильно чистой лестнице в общую комнату, иду по сверкающим половицам и вижу, что для меня приготовлены роскошные подарки. Настроение классное, мать на какое-то время усмирила свой бурный темперамент (а то обычно не знаешь, чего от нее ждать), так что думаешь, что хотя бы на вечер ты забудешь, какой ты подонок; но вскоре я чувствую какое-то напряжение в воздухе и понимаю, что все закончится гадко. Мне хочется спеть рождественскую песню, и надо же — она сама просит меня об этом; я отнекиваюсь, говорю, что уже слишком взрослый для этого, а про себя думаю: „Детоубийца, оказывается, любит рождественские песни. С ума можно сойти!“ Мать вручает мне подарки, она по-настоящему рада. Я тоже „рад“, во всяком случае, стараюсь продемонстрировать радость. Еда — куриный суп — уже готова. Через два часа приходит отец, он так долго работал и очень зол. Тут же бросает матери под ноги какой-то предмет домашнего обихода. Это, оказывается, подарок, и у матери от умиления даже слезы на глазах выступают. Отец бурчит что-то вроде „Счастливого Рождества!“, садится за стол. „Ну что, идете?“ — раздается его голос. Мы садимся к столу. Молча едим суп, к курице из супа даже не притрагиваемся.

За столом мы не произносим ни единого слова. Тишину нарушает только тихое и непрерывное бормотание радио, которое уже включено несколько часов: „Надежда и вера дают нам силу и утешение в это трудное...“ Наконец, отец встает и, как фельдфебель на плацу, выкрикивает: „Отлично! А чем мы займемся теперь?“ „Ничем!“ — орет мать и с плачем бежит на кухню. Я думаю: „Кто же так карает меня? Господь Бог или судьба?“ Но ведь я знаю, что *такого быть не должно*, и мне вспоминается скетч, который я видел по телевизору. „Вам то же, что Вы брали в прошлом году, мадам?“ — „Мне то же, что я беру каждый год, Джеймс!“

Я спрашиваю отца тихонько: „Может быть, ты хоть посмотришь, что мы тебе подарили?“ — „Нет!“ — он сидит за столом, уставившись ничего не видящими глазами на скатерть. А ведь еще нет и восьми часов. Здесь мне делать больше нечего. Торопливо поднявшись к себе, я бегу взад-вперед по комнате, а в голове вертится только одна мысль: „Может все-таки плюнуть на все и выброситься из окна?“ Уж лучше умереть, чем

и дальше терпеть такое. Почему моя жизнь — это сущий ад? Почему мне хочется умереть? Только потому, что я убийца? Но ведь это не объяснение: сегодня все было так же, как и каждый год под Рождество. Этот день всегда был самым отвратительным в году, и особенно это ощущение в последние годы перед тем, как я переехал жить в интернат. В этот день происходило все, действительно все плохое, что только можно было придумать.

Разумеется, отец и мать относятся к той категории людей, которые считают, что в нацистской „системе воспитания“ не все было плохо. Я сам слышал, как отец в разговорах с людьми своего возраста (которые почти *все* так думают!) неоднократно повторял: „Да, были дисциплина и жесткая система воспитания, был порядок, и в голову не приходили дурные мысли“. Я полагаю, что большинство молодых людей, подобно мне, предпочитают не расспрашивать родственников о жизни в „Третьем рейхе“. Ведь каждый в глубине души опасается, что узнает при этом нечто такое, что вовсе не хотелось бы знать.

Эта история в лавке, когда мать бросала в меня нож, произошла после третьего убийства, однако похожее случалось и раньше, еще до первого преступления, хотя, конечно, не было столь ужасным. Примерно два раза в год она меня жестоко избивала. При этом я не имел права защищаться, иначе она приходила в дикую ярость. То есть я должен был смиренно стоять, а на меня сыпались удары. Когда мне было уже шестнадцать лет, я однажды рискнул выдернуть из руки оружие экзекуции. Для нее это было равнозначно бунту на корабле, хотя это была лишь самозащита, ведь у нее силы на нескольких хватит. И вот в этот момент я почувствовал, что она была готова даже изувечить меня. Я не мог это не почувствовать» (Moog, S. 63–79).

Я как бы дала возможность Юргену Барчу выговориться, чтобы читатель почувствовал, какая атмосфера обычно царит на психоаналитическом сеансе. Психотерапевт должен верить людям. Как правило, он внимательно выслушивает пациента, не поправляет его, не предлагает никаких рецептов. Иногда случается, что благодаря общению с психоаналитиком человек понимает, каким адом было его детство. А ведь ни он, ни его родители ничего об этом и не знали!

Можно сделать предположение, что приемные родители Юргена вели бы себя по отношению к мальчику совершенно иначе, если бы заранее знали, что совершенные их сыном преступления сделают их собственное поведение достоянием гласности. Но не исключено, что неврозы, которыми они страдали, все равно вынудили бы их жестоко обращаться с мальчиком. Однако если бы они были худо-бедно подготовлены в психологическом отношении, то, вероятно, не отправили бы Юргена в интернат в Мариенхаузене, а после бегства не возвращали бы его туда насильно. В своих письмах Паулю Моору Юрген Барч достаточно подробно описал нравы, царившие в Мариенхаузене. После знакомства с этим описанием, равно как и с показаниями свидетелей,

данными на процессе, остается лишь констатировать, что «черная педагогика» живет и здравствует. Приведу лишь несколько цитат.

«От того, что всем в Мариенхаузене управляли католики, жилось там ничуть не лучше. Это был самый настоящий ад, в отличие от прежнего интерната. А наш воспитатель был вовсе невыносим. Я навсегда запомнил, как пасторы били нас в любое время и в любом месте: на занятиях, на репетициях церковного хора и даже во время богослужения. А уж как они нас наказывали, такое не всякому садисту в голову придет. Достаточно только перечислить: стояние по стойке «смирно» в пижаме на протяжении нескольких часов, пока кто-нибудь из нас не упадет в обморок, использование запрещенного детского труда на полевых работах в палящий зной на протяжении всего лета в послеобеденное время (заставляли ворошить сено, перебирать картофель, пропальвать свеклу и больно били тех, кто делал это недостаточно быстро), не говоря уже о бесчисленных угрозах, типа: „Кто хоть мельком взглянет на нашу кухарку, будет наказан“. О каком нормальном развитии могла идти речь в таких условиях! Все наши попытки хоть как-то выразить себя объявлялись „дьявольскими штучками“ (естественно, для нашего же „блага“).

Дьякон Хамахер как-то вечером в спальне (там, как и в столовой, нельзя было даже слово произнести — вот вам, кстати, еще одно бессмысленное правило — запрет на любые разговоры), двинул мне, поскольку я на свою беду немного разговорился, так, что я даже под кроватью закатился. Незадолго до этого священник, преподававший у нас Закон Божий, сломал о мою задницу большую линейку и на полном серьезе потребовал от меня возместить ущерб.

Как-то в шестом классе я заболел гриппом. Учитель Закона Божьего не только вел уроки, но еще и ведал больничным отделением. Естественно, меня отправили прямо к нему. Рядом со мной лежал мальчик с высокой температурой. Учитель зашел, сунул ему градусник, вышел, через несколько минут вернулся, посмотрел на градусник и жестоко избил моего соседа. Мальчик плакал и кричал. Не уверен, что он хоть что-то понимал, такая высокая была у него температура. Но учитель топал ногами и кричал, как безумный: „Он держал термометр возле батареи“. Пастор забыл, что зима прошла, и батареи давно холодные» (S. 105–106).

Ребенка вынуждали беспрекословно принимать любые причуды воспитателей, иной раз доходящие до абсурда. Педагоги стремились заглушить в нем чувство ненависти и желание иметь рядом душевно близкого человека, способного хоть как-то облегчить его положение. Характерно, что так обращаются именно с ребенком, а не со взрослым. Но разве может человек справиться с таким прессингом?

«Наш воспитатель отец Пьютлиц запрещал нам спать по двое в одной кровати. За этот проступок полагалось еще более жестокие побои, чем за обычные провинности. Нас еще предупредили, что любого, кто

нарушит запрет, тут же вышвырнут из школы. Бог мой, да мы не столько исключения, сколько порки боялись! Нам ежедневно вдалбливали глупости, например: тот, у кого влажные ладони — гомосексуалист, а гомосексуалист на все способен. Было прямо сказано, что он уже готовый убийца. Отец Пютлиц с нами почти каждый день вел разговоры о том, что половое влечение — это естественный инстинкт, но ему нужно противостоять, потому что он — от сатаны. Просто „внутри накапливается слишком много горячей крови“. Это его выражение мне всегда казалось каким-то отвратительным. Затем он с гордостью возвещал, что еще ни разу не поддался сатане. Эту тему он не поднимал на уроках, зато постоянно говорил об этом в течение дня.

Вставали мы всегда в шесть или шесть тридцать утра, не разговаривая, выстраивались в два ряда и шли в церковь, а затем таким же образом обратно (S. 108).

Почти все личные контакты были запрещены. Ни с кем нельзя было дружить, и даже нельзя было слишком часто друг с другом играть. Вообще-то, в определенной степени этот запрет можно было обойти, они ведь не могли за всеми уследить. Для них любая дружба таила в себе опасность, им казалось, что стоит кому-либо из нас обрести настоящего друга, как тот тут же полезет к нему в штаны. Повсюду им мерещился секс.

Побоями можно заставить усвоить любую вещь, и потом ее уже из головы не выбьешь. И пусть многие говорят, что это не так, на самом деле это именно так. У меня до сих пор в голове прочно сидит многое из того, что я усвоил таким образом (S. 111).

Если кто-либо из нас совершал что-либо предосудительное, но не признавался в этом, отец Пютлиц заставлял весь класс бегать в школьном дворе по кругу до тех пор, пока кто-либо не падал в обморок.

Он часто и со всеми подробностями рассказывал нам о массовом истреблении евреев в „Третьем рейхе“ и даже показывал фотографии. Похоже, что эти рассказы доставляли ему удовольствие (S. 118).

Я также хорошо помню, что во время репетиций хора иногда он начинал молотить палкой всех подряд и бегал, как безумный, взад-вперед. Изо рта у него стекала пена. При битье палка часто ломалась» (S. 120).

Человек, который всеми способами пытался предотвратить любые сексуальные контакты между его подопечными, не постеснялся затаскать больного Юргена к себе в постель.

«Он хотел получить обратно свой радиоприемник. Кровати стояли рядом на довольно значительном расстоянии друг от друга. И, хотя у меня была температура, я встал и принес ему радиоприемник. И тут он вдруг заявил: „Уж если ты здесь, иди ко мне“.

Я ни о чем таком не подумал. Какое-то время мы просто лежали рядом, потом он прижал меня к себе и сунул руку мне в штаны. Это было нечто новое, но я как-то даже не слишком удивился. Ведь по утрам на

хорах, уж не помню, как часто, кажется раза четыре, а может и больше, он садился рядом и почти касался моих коротких штанов.

В кровати он просунул руку в мои пижамные штаны и начал легонько поглаживать меня. Второй рукой он попытался массировать мой член, но эрекции не наступило, т. к. у меня была температура (S. 120).

Не помню точно его слова, но сказал он примерно следующее: *если я кому-то проболтаюсь, он прикончит меня*» (S. 122).

Может ли ребенок без посторонней помощи выйти из такой ситуации? Тем не менее Юрген рискнул убежать и окончательно убедился, что его положение безнадежно и что *в этом мире он совершенно одинок*.

«В Мариенхаузене до этой истории с отцом Пютлицем я никогда не скучал по дому, но сейчас, после поездки домой, когда родители доставили меня обратно в интернат, я вдруг страшно затосковал. Воспитатель наблюдал за мной денно и нощно, и у меня даже в мыслях не было оставаться там. Итак, я сбежал из Мариенхаузена и начал думать, куда же мне направиться. Домой я боялся идти, т. к. понимал, что мне там такую зададут взбучку. Поэтому я сидел и дрожал от страха. *Ведь мне просто некуда было идти*.

В конце концов я направился в расположенный возле селения густой лес и бродил по нему до вечера. И вдруг там объявилась моя мать! Кто-то, вероятно, видел меня там. Я тут же спрятался за дерево. Она кричала: „Юрген! Юрген! Где ты?“ Наконец она нашла меня и подняла страшный крик.

Родители немедленно позвонили в Мариенхаузен. Я так ничего им и не рассказал. Весь день они созванивались со школой, а затем сказали мне: „Они дают тебе последний шанс! Тебе разрешено вернуться“. Я, естественно, зарыдал и завыл: „Ну, пожалуйста, пожалуйста, я не хочу назад“. Но любой, кто хоть немного знал моих родителей, понимал, что я ничего не добьюсь» (S. 123).

Юрген Барч описывает не только свое собственное положение в Мариенхаузене, но и ситуацию, в которой оказался один из его товарищей.

«Герберт был очень хорошим парнем. В интернат он попал задолго до меня. Он был родом из Кельна. В нашем классе он оказался самым маленьким. Терпеть не мог, когда говорили что-то плохое о его родном городе, и сразу же начинал драться. Я уже не помню, сколько раз это случалось. Понятно, что он очень тосковал по близким и друзьям, оставшимися в Кельне, ведь ностальгия по родине — это всегда тоска по тем людям, которые остались там и которых нет с тобой.

В хоре его всегда ставили в первом ряду, т. к. он был самым маленьким, и потому почти на каждой репетиции он получал свою порцию ударов в лицо и по почкам. Ему доставалось *гораздо больше*, чем тем, кто стоял в последнем ряду. Уж не помню, сколько раз его били и пинали. Я не хочу писать о нем как о герое, он бы мне этого не простил, тем более что героем он не был и не хотел быть. Если отец Пютлиц или

толстый учитель Закона Божьего принимались дубасить его, он кричал, как никто другой, так, что казалось, что от этого крика должны рухнуть ненавистные стены нашей церковной школы-тюрьмы.

В 1960 г. мы поехали в палаточный лагерь в местечко Рат, что недалеко от Нидэггена. Отец Пютлиц решил устроить веселую игру и приказал „похитить“ Герберта. Мальчику никто ничего не сказал. Его просто затащили вечером в лес, связали, заткнули ему рот, засунули его в белый спальный мешок и оставили лежать так до полуночи, не обращая внимания на его мольбы о помощи. Уж не знаю, что он ощущал. Наверное, страх, отчаяние и ощущение полной беспомощности. Но никто не испытывал к нему сострадания. В первом часу ночи его освободили и вдоволь посмеялись над ним. Действительно, это была очень „веселая“ игра.

Через несколько лет он уехал из Мариенхаузена. Еще будучи подростком, он разбился насмерть во время прогулки в горах. Он родился, чтобы терпеть побои, муки, а затем так нелепо погибнуть. Он был самым маленьким в нашем классе. Его звали Герберт Грeve. И он был хорошим парнем» (S. 126).

Мариенхаузен — лишь один из многих примеров...

«В начале 1970 г. в интернате имени дона Боско в Кельне разразился скандал, привлечший внимание прессы, радио и телевидения. Порядки в Мариенхаузене никого не взволновали, но аналогичная ситуация в кельнском интернате заставила управление по делам несовершеннолетних забрать оттуда всех „своих“ детей, потому что оно больше не могло нести за них ответственность.

Учителя избивали там детей, а затем сбрасывали их с лестницы, били их ногами, окунали головой в унитаз и т. д... То же самое творилось и в Мариенхаузене, так что братья из ордена салезианцев оказались ничуть не лучше. Согласно некоторым источникам, четыре преподавателя покушались на честь своих подопечных. Характерно, что отец Пютлиц после 1960 г. несколько лет был воспитателем именно в этом интернате» (S. 180).

Однако в Мариенхаузе в жизни Юргена Барча произошло также и нечто положительное. До сих пор он был единственным «мальчиком для битья»: так было и дома, и в школе. Здесь же впервые он оказался не одинок в своем противостоянии «садистам-педагогам».

«Солидарность значила для меня так много, что я готов был примириться и с гораздо более худшим. Главное, что ты не отверженный, это же просто чудо. Мы были солидарны в противостоянии садистам-педагогам. Я где-то прочитал арабскую поговорку: „Враг моего врага — мой друг“. Педагоги не могли не чувствовать эту невероятную сплоченность учеников, готовых им противостоять. Как известно, авторы воспоминаний часто приукрашивают прошлое, но я думаю, что я этого не делаю. Итак, я впервые *не был изгоем*. Мы все предпочли бы быть разорванными на куски, чем предать товарища. Последнее было просто невероятно!» (S. 131).

В зрелом возрасте Барча помещают в психиатрическую больницу. Психиатры, полагая, что он не в состоянии справиться со своими инстинктами, решают подвергнуть его кастрации, на которую Юрген дает согласие. Во время этой операции в 1977 г. он умирает. Но любому психоаналитику ясно, что позиция психиатров просто абсурдна, т. к. Юрген уже в детстве мог прекрасно справляться со своими естественными инстинктами: подтверждение тому — тот факт, что он уже в одиннадцатимесячном возрасте научился пользоваться горшком. К тому же это произошло в больнице, где у ребенка просто не могло быть постоянного референтного лица. Но именно то, что Юрген мог контролировать свои инстинкты, и стало для него роковым. Если бы он не был способен к этому, то семья мясника вряд ли бы его усыновила или бы отказалась от него. Не исключено, что другие приемные родители проявили бы к ребенку больше понимания.

Юрген был довольно способным мальчиком. Он сумел приспособиться к требованиям взрослых: научился сносить побои, молча *терпеть*, когда над ним измывались, запирая в подвале. Эти кошмарные обстоятельства не мешали ему «вести себя хорошо» и получать приличные отметки. Но всплеск чувств в пубертатный период отключил защитные механизмы. Можно было бы сказать «к счастью», если бы последствия этого отказа механизмов саморегуляции не были столь трагичными. (Необходимо отметить, что они оказываются трагичными достаточно часто. Например, подростки могут попасть в зависимость от наркотиков.)

«Разумеется, я часто говорил матери: „Подожди, вот мне исполнится 21 год, и тогда я начну самостоятельную жизнь“. Уж какие-то вещи говорить у меня хватало мужества. На это мать обычно отвечала: „Ты такой дурак, что тебе везде будет плохо, кроме как у нас. А уедешь, все равно через два дня вернешься“. Тогда я верил, что действительно больше двух дней нигде не продержусь. А почему, сам не знаю. А знал я, что и в двадцать один год никуда не уеду. Просто хотелось этими словами хоть немного пар выпустить.

Когда я начал работать, то не говорил „Здорово!“ — или, наоборот: „Кошмар!“ . Я вообще не задумывался, нравится мне моя профессия или нет» (S. 147).

Таким образом, всякая надежда начать самостоятельную жизнь была убита у этого человека в зародыше. Произошло самое настоящее убийство души. Разве можно назвать это как-нибудь иначе? Такого рода преступлениями криминалисты не занимаются. Их просто не замечают, потому что они считаются неотъемлемым элементом воспитания. И лишь конечный итог этого воспитания — уголовное преступление — является наказуемым деянием. Психолог может, проанализировав его, раскрыть трагическую предысторию, но для этого приходится проникать в подсознание преступника. Точное описание своих преступлений Юргеном Барчем напроочь опровергает его собственное утверждение о том,

что они порождены половым инстинктом. (Мы помним, что, думая так, он дал согласие на кастрацию.) Психолог, изучив его письма, может многое узнать о взаимосвязи упоения «величием» своего Я и сексуальных извращений. (Сама эта тема еще недостаточно разработана.)

Юрген Барч не понимает сам себя и неоднократно задает себе вопрос, почему истинное сексуальное влечение имело крайне отдаленное отношение к совершенным убийствам. Он пишет о том, что испытывал нежные чувства к тому или иному товарищу, хотел завести с ним «дружбу». Но ведь это так далеко от зверских расправ над подростками! К тому же во время них он почти не занимался онанизмом. Просто он, убивая других, воссоздавал ситуацию *глубочайшего унижения, ощущения полного бессилия, отчаяния и страха, в которой когда-то находился маленький мальчик*. Он особенно возбуждался, когда смотрел в испуганные, покорные глаза беззащитной жертвы, т. к. видел в них отражение самого себя и тем самым вновь и вновь уничтожал чужое Я (выступая в роли всемогущего насильника, делая то, что с ним проделывали в детстве), одновременно утверждая «величие» своего Я.

Поскольку книгу Пауля Моора, которая читателя не потрясти не может, достать практически невозможно, я привожу здесь обширные выдержки из нее. В них Юрген Барч подробно описывает совершенные им преступления. Его первой жертвой стал соседский мальчик Аксель.

«Через две недели произошло то же самое. „Пойдем в лес“, — сказал я. Но Аксель ответил: „Нет, ты опять себя будешь вести как чокнутый!“ Но я обещал, что не буду, и он пошел со мной. Однако на меня опять что-то нашло, я силой заставил мальчика раздеться догола, и тут мне в голову пришла совершенно дьявольская выдумка. Я заорал: „А ну ложись ко мне на колени задом вверх. Будет больно, дрыгай ногами, но не вздумай шевелить руками и вообще — не дергайся. Я буду бить тебя по заднице тринадцать раз, и с каждым разом все сильнее. А если ты не согласишься — убью!“ (На самом деле я его, конечно, не убил бы.) „Согласен?“

Что ему еще оставалось делать? Конечно, он согласился. И, действительно, дергал ногами, как безумный, но не шевелил ни руками, ни телом. Я же нанес ему не тринадцать, а гораздо больше ударов и бил его до тех пор, пока у меня не заболела рука.

А потом — отрезвление и все то же ощущение глубочайшего унижения. Я чувствовал себя полным ничтожеством. Ведь я унизил не только себя, но и того, кого очень любил. Надо сказать, что Аксель *не плакал*. Он сидел в стороне и молчал.

„Ударь меня“, — попросил я его. Как мне хотелось, чтобы он забил меня до смерти! Но он не стал меня бить. В конце концов именно я заревел и завыл. „Теперь ты будешь меня презирать“, — сказал я по дороге домой. Он ничего не ответил.

На следующий день (это было во второй половине дня) он подошел к моей двери и тихо попросил: „Не нужно больше, ладно?“ Вы не пове-

рите, я сам не поверил, но он на меня даже не обиделся! Он даже не боялся меня, только показался мне более осторожным. Мы потом часто вместе играли, пока он не переехал. Я же сам настолько испугался содеянного мной, что на какое-то время даже успокоился» (S. 135).

«Относительно самых страшных своих преступлений могу только сказать, что лет с тринадцати-четырнадцати я уже почти не отвечал за свои поступки. Я много молился, надеясь, что это поможет, но это не помогло».

«Они все были такими маленькими, гораздо меньше, чем я тогда. И так боялись, что даже не защищались» (S. 137).

«До 1962 года я только раздевал их и ощупывал их тело, чтобы испытать соответствующее ощущение. Позднее для этого я уже должен был убивать и резать. Хотел сперва использовать бритву, а потом понял, что для этого лучше всего подходит такой нож, какой был у отца» (S. 139). В этой связи для психоаналитика важно следующее замечание Барча:

«Когда я говорю о любви, имея в виду то чувство, которое, например, молодой человек может испытывать к девушке, то понимаю, что объект любви не просто должен подходить на роль жертвы моего дьявольского инстинкта. Любить — это нечто гораздо большее. Совершенно неверно думать, что у меня на первом месте стоит инстинкт и, чтобы любить именно так, по-настоящему, я должен совладать с ним. Если бы я полюбил, желание терзать свою жертву прошло бы само собой» (S. 155).

Итак, своих жертв Юрген Барч не любил.

«Сперва мне хотелось, чтобы мальчики сопротивлялись, хотя их беспомощное состояние действовало на меня завораживающе. Но я прекрасно понимал, что им со мной не справиться, и шансов на спасение у них нет.

Фрезе я пытался целовать, но, вообще говоря, это не входило в мои планы. Даже не знаю, почему у меня вдруг возникло такое желание. Я подумал, что целовать — это классно. Это было для меня нечто новое. А потом — я думал, что моей жертве было приятно, чтобы я ее целовал. Может быть, кто-то подумает, что я совсем спятил. Но я действительно так полагал. Попытаюсь это объяснить. Меня в детстве страшно избивали. Но должен сказать, мне было тогда гораздо приятнее, чтобы тот, кто мне внушал отвращение, целовал меня, а не бил сзади ногой по яйцам. Умом это можно понять. Но тогда я был просто поражен тем, что у меня возникло желание поцеловать Фрезе. Когда я сделал это, он попросил: „Еще!“ Я продолжил его целовать. Ведь ему это все же было приятнее, чем терпеть боль от ударов» (S. 175).

Характерно, что Юрген Барч откровенно рассказывает о своем зверском обращении с беззащитными детьми (хотя понимает, какие чувства это вызывает у других) и крайне сдержанно, неохотно, как бы по необходимости — о ситуациях, в которых *сам оказывался жертвой*. В восемь

лет с ним совершил развратные действия тринадцатилетний двоюродный брат, а в своинадцать Юрген оказался в постели воспитателя. Но он почти ничего не говорит о том чувстве унижения, которое он должен был тогда испытывать. Объяснение этому очень простое: эти переживания были вытеснены в подсознание. Те чувства, которые испытывал Юрген, издеваясь над беззащитными жертвами, помогают понять механизм этого вытеснения. Совершая убийства, Юрген Барч представлялся самому себе сильным человеком с чувством собственного достоинства, хотя понимал, что все его проклянут. Однако в момент убийства это понимание оказывалось вытесненным в подсознание. Лишь временами он сознавал, какую же мерзость он совершил, и ощущал беспомощность и невыносимый жгучий стыд.

Вытеснение переживаний в подсознание — одна из причин равнодушного отношения людей к совершенному над ними в детстве физическому и сексуальному насилию и того, что о нем так легко забывают.

Приводя здесь отрывки из книги Пауля Моора, я вовсе не ставила своей целью «снять ответственность» с преступника. А ведь именно в этом судьи обычно обвиняют психоаналитиков. Я также не собиралась возлагать всю вину на его родителей. В мои намерения входило лишь показать, что у каждого поступка есть свой (зачастую потаенный) смысл, и понять его можно, лишь увидев всю причинно-следственную связь. К сожалению, воспитание в соответствии с принципами «черной педагогики» *лишает людей этой возможности*. Газетные публикации, посвященные Юргену Барчу, потрясли меня, не вызвав, однако, никакого морального возмущения. Ведь многие мои пациенты, получив возможность вызволить из подсознания вытесненное туда еще в раннем детстве желание мести, в своих фантазиях разыгрывали поражающие своей жестокостью сцены. (Вспомним о двадцатичетырехлетнем студенте, о котором я писала во введении к главе о Юргене Барче.) Но опять же именно потому, что они имеют возможность откровенно обсуждать то, что они ощущают, у них не появляется желание претворить свои фантазии в жизнь. У Юргена Барча такая возможность напрочь отсутствовала. На первом году жизни его душу не согревала любовь матери, вплоть до школьного возраста он никогда не играл с другими детьми, а родители также никогда не играли с ним. В школе же он быстро сделался мальчиком для битья. Естественно, ребенок, живший дома в полной изоляции и приученный побоями к абсолютному послушанию, не мог быть на равных со своими сверстниками. Его одноклассники чувствовали, что он боится их, и все больше и больше измывались над ним. То, что произошло после бегства из Мариенхаузена, наглядно показывает, как страшно страдал мальчик, мечущийся между «благополучным» родным домом, где остались отец и мать («добропорядочные бюргеры»), и церковной школой с ее псевдоблагочестивой атмосферой. Потребность рассказать дома обо всем и понимание, что никто этому не поверит, страх перед родителями и страстное желание выплакать им

свою боль — разве в такой ситуации не оказываются ежедневно тысячи подростков?

В интернате Юрген, будучи послушным ребенком, исправно выполнял все тамошние предписания, не совершал ничего запретного и был буквально вне себя от ярости, когда его бывший соученик рассказал на суде, что он не только спал там с одним из мальчиков, но и воспринимал это как нечто «само собой разумеющееся». Естественно, в приюте многие находили возможность обходить запреты, но это отнюдь не относится к детям, которых еще в младенческом возрасте приучили к безоговорочному послушанию. Такие дети были готовы исполнять обязанности причетников, лишь бы быть поближе к какому-нибудь живому существу. Таким в их глазах являлся священник.

Если родители подвергают ребенка насилию или используют его как сексуальный объект, это запечатлевается в подсознании, и провоцирует потом различные извращения. В том, как Юрген Барч совершал убийства с зеркальной точностью отразилось многое из его детства:

1. Бывшее бомбоубежище, в котором он убивал детей, по описанию Барча, сильно напоминает «подвал с решетками и трехметровыми стенами», т. е. его дом, где он был когда-то заперт.
2. Преступлениям обязательно предшествовал «выбор жертвы». Но ведь при усыновлении Юргена выбрали (и потом постепенно лишили жизненных сил).
3. Он убивал детей «нашим ножом», т. е. инструментом, которым отец разделывал туши.
4. Он возбуждался, заглядывая в полные ужаса глаза беззащитных жертв. В этих глазах он видел себя самого, испытывающего те чувства, которые он когда-то был вынужден скрывать. Одновременно он чувствовал себя в роли тех, от кого когда-то всецело зависел.

Совершенные Юргеном Барчем убийства свидетельствуют:

- 1) об отчаянной попытке обойти запрет и «удовлетворить свою сексуальную потребность», что раньше ему строго-настрога было запрещено;
- 2) о всплеске накопившейся в душе (и считающейся в обществе чем-то предосудительным) ненависти к родителям и учителям, заинтересованным только в «добропорядочном поведении», но лишившим мальчика возможности нормально жить;
- 3) о синдроме навязчивого повторения; чувство беспомощности теперь должны были испытывать мальчики в коротких штанах, какие Юрген Барч носил в детстве, кроме того, он хотел заставить людей вновь испытывать чувство почти физического отвращения к нему, то чувство, которое испытывала мать, когда он в двухлетнем возрасте вновь начал справлять свою нужду в пеленки.

Преступления Юргена Барча, равно как и откровенное провокационное поведение Кристианы Ф., вызывает вполне обоснованное чувство возмущения.

Но тот, кто объясняет убийства, совершенные Юргеном Барчем, исключительно «болезненным сексуальным влечением», никогда не сумеет найти истинные причины многих актов насилия. Расскажу коротко о преступлении, где секс не играл почти никакой роли, но которое, тем не менее, обусловлено трагическими эпизодами детства.

Еженедельник «Цайт» опубликовал 27 июля 1979 г. статью о Мэри Белл, которая в 1968 г. в одиннадцатилетнем возрасте была осуждена английским судом за двойное убийство на пожизненное заключение. На момент публикации ей исполнилось 22 года, она сидит в тюрьме и еще ни разу не общалась с психотерапевтом. Я позволю себе привести выдержки из этой статьи.

«Слушается дело об убийстве двух мальчиков, одному из которых было три, а другому четыре года. Председатель суда в Ньюкастле приказывает обвиняемой встать. Девочка отвечает, что она уже стоит. Обвиняемой Мэри Белл всего лишь одиннадцать лет.

26 мая 1957 г. семнадцатилетняя Бетти К. в больнице „Дилстолл Холл“ города Гейтсхеда родила девочку. Когда матери через несколько минут после родов протянули младенца, она якобы даже содрогнулась от отвращения и закричала: „Уберите от меня эту гадость!“ Когда Мэри исполнилось три года, мать как-то отправилась с ней погулять, не заметив, что за ними тайком увязалась сестра Бетти. Они отправились в агентство, занимающееся вопросами усыновления, и натолкнулись там на молодую женщину, плачущую навзрыд. Она сказала, что хочет усыновить ребенка и уехать в Австралию, но ей ответили, что для усыновления она слишком молода. „Так заведи ее“, — сказала Бетти, сунула Мэри в руки незнакомки и ушла...

В школе Мэри вела себя вызывающе: била, кусала и царапала других детей, душила голубей, а однажды даже спихнула своего двоюродного брата в бывшее бомбоубежище. Мальчик упал с высоты два с половиной метра на бетонный пол. На следующий день Мэри на детской площадке приставала к трем девочкам: *она хватала их за горло и пыталась душиТЬ*. В девять лет ее перевели в другую школу, и двое тамошних учителей заявили в один голос: „Лучше не приставать к ней с расспросами и не копаться в ее жизни“. Сотрудница полиции, хорошо изучившая поведение Мэри в следственном изоляторе, рассказывала: „Ей было очень скучно. Она стояла у окна, смотрела на идущую по желобу кошку, затем спросила, можно ли ее впустить. Мы открыли окно. Она достала шерстяную нитку и стала играть с кошкой. Через какое-то время я вдруг увидела, что она схватила кошку за загривок так, что у несчастного животного перехватило дыхание. От недостатка воздуха кошка даже выгнула язык. Я отняла у нее кошку и сказала: „Ты делаешь ей больно“.

Она ответила: „А плевать, она все равно ничего не чувствует, и вообще, мне нравится делать больно тем, кто не может защищаться“.

Другой сотруднице полиции Мэри сказала, что хотела бы стать медсестрой, т. е. ей „хочется колоть людей и вообще нравится причинять

им боль". Тем временем мать вышла замуж за Билли Белла, однако по-прежнему обслуживала довольно специфических клиентов. После судебного процесса над ее дочерью Бетти объяснила сотруднику полиции, в чем, собственно говоря, заключается ее занятие. „Я бью их бичом, — заявила она таким тоном, как будто речь шла о чем-то естественном и собеседник должен был давно это знать. При этом она добавила: — Но я всегда прятала бич от детей“».

Поведение Мэри Белл не оставляет никакого сомнения в том, что ее мать, выбравшая такую, мягко говоря, экзотическую профессию, мучила своего ребенка и, вероятно, даже пыталась убить его, т. е. проделать то же самое, что ее дочь сделала с кошкой и маленькими детьми. К сожалению, нет закона, запрещающего подобную родительскую жестокость.

Нам часто говорят, что курс психотерапии стоит довольно дорого. Это звучит как упрек. Но разве дешевле для общества всю жизнь держать за решеткой человека, которого посадили в тюрьму в одиннадцать лет? Да и поможет ли это? Ребенок, с которым так жестоко обращались родители, повзрослев, непременно захочет хоть как-то отомстить за совершенное над ним насилие. Если он не найдет никого, с кем можно поделиться самыми сокровенными мыслями и желаниями, следует ожидать, что он совершит жестокое преступление, и общество еще раз ужаснется. Но ужасаться следовало бы раньше, при совершении самого первого убийства, а именно убийства души ребенка. Тогда мы смогли бы помочь ему эмоционально воспринять собственные страдания. Осознав их, и он не стал бы носить в себе крайне опасный для общества потенциал. (Во время чтения гранок этой книги я узнала из газет, что Мэри Белл освобождена из тюрьмы. Она стала «очень привлекательной женщиной и хочет непременно жить рядом с матерью».)

СТЕНА МОЛЧАНИЯ

Я подробно описала историю Юргена Барча, чтобы на конкретном материале показать, как выявление истоков чудовищных убийств позволяет детально восстановить картину убийства души ребенка. Чем раньше оно совершается, тем труднее человек понимает, что с ним происходит, и тем сложнее ему описать то насилие, которому он подвергался. Поэтому он вынужден воссоздавать в реальной жизни ситуацию своих детских лет. Вот почему я проявляю такой интерес к раннему детству. Я считаю, что, не проанализировав первый период жизни преступника, мы не поймем причины преступлений.

После того, как я написала целую главу и еще раз просмотрела выделенные курсивом места, выяснилось, что я забыла выделить самую важную мысль: анализ эмпирического материала подтверждает, что *детей порой начинают избивать в младенческом возрасте, и это имеет затем катастрофические последствия.*

То, что я пропустила столь важный тезис, свидетельствует о следующем: нам всем крайне трудно представить себе мать, способную избивать младенца. Вот почему мы не можем осознать последствия этого, дать полную волю своим чувствам, вот почему психоаналитики так мало занимаются такими фактами и не ставят перед собой задачу выяснить, как ведет себя человек, уже на первом месяце жизни ощутивший насилие над собой.

Не следует неправильно истолковывать и исказить мое намерение, полагая, что я собираюсь в чем-либо обвинить госпожу Барч. Я хотела бы *воздержаться от какого-либо морализаторства и просто указать на причины и следствия*. Я считаю, что если человека в детстве били, то он тоже будет кого-нибудь бить, если ему угрожали — угрожать другим, если унижали — унижать других, *если убили его душу, значит, он будет тоже убивать, как духовно, так и физически*. Что же касается морали, то нужно прямо сказать, что ни одна мать не будет беспричинно бить своего младенца. Поскольку мы ничего не знаем о детстве госпожи Барч, причины ее поведения нам неизвестны. Но они, безусловно, есть. Ведь Алоиз Гитлер не случайно вел себя как жестокий деспот. Ограничиться лишь осуждением матерей гораздо легче, чем взглянуть правде в глаза. Если мы пойдем по этому нелегкому пути, то это будет говорить о том, что и наша мораль небезупречна. Ведь наши обвинения приведут лишь к тому, что родители, жестоко обращающиеся со своими детьми, окажутся в еще большей изоляции, они будут жить в состоянии еще большего нервного напряжения: *ведь они действительно не понимают причин своего поведения*.

Разумеется, их положение трагично, но это не значит, что мы должны и дальше терпеть духовное и физическое унижение родителями своих детей. Здесь необходимо применять такие методы, как лишение родительских прав и психотерапевтическое воздействие.

Мысль написать о Юргене Барче принадлежит отнюдь не мне. Одна из читательниц «Драмы одаренного ребенка» прислала письмо, из которого я, с ее позволения, приведу следующий отрывок.

«От книг двери тюрем не распахиваются, однако есть книги, благодаря которым у тебя хватает духа пытаться взломать эти двери. Среди них Ваша книга занимает особое место.

В одном месте (страницу я не помню) Вы пишете о применении по отношению к детям телесных наказаний и подчеркиваете, что ситуация в Германии вам неизвестна (здесь не совсем верно передана моя мысль. — А. М.). Могу подтвердить Ваши самые худшие опасения. Неужели Вы думаете, что нацисты смогли бы создать систему концлагерей, если бы в детских комнатах немецких домов не царил культ таких воистину пыточных инструментов, как палка, трость, выбивалка для ковров или ремень? Мне 37 лет, я мать троих детей, и до сих пор с переменным успехом я пытаюсь преодолеть губительные для души

последствия пресловутого старого воспитания. Я хочу, чтобы мои дети выросли свободными людьми.

Вот уже почти четыре года я „героически борюсь“, но в душе моей по-прежнему присутствует образ сурового отца, всегда готового наказать своих детей. Мне даже не удастся сделать его хоть немного более человечным. В новом издании Вашей книги, я надеюсь, вы отведете Германии первое место в перечне тех стран, где больше всего истязают детей. На наших улицах их умирает гораздо больше, чем в остальных европейских государствах. Опыт жестокого обращения с детьми по-прежнему передается из поколения в поколение, но любой, кто захочет выяснить, что конкретно родители делают со своими чадами, натолкнется на глухую стену молчания. Но даже если кому-то и удастся заглянуть за нее, благодаря осознанию важности проблемы и пройденному курсу психоанализа, он будет молчать, т. к. знает, что ему никто не поверит. Скажу сразу, чтобы Вы поняли меня правильно: я выросла отнюдь не в асоциальной среде, а во вполне благополучной семье, принадлежавшей не просто к среднему классу, а к его привилегированному слою. Мой отец был священником. Так вот, в этой „гармоничной атмосфере“ я регулярно получала порцию побоев».

Эта читательница обратила мое внимание на книгу Пауля Моора. Благодаря ей я занялась изучением судьбы Юргена Барча, и это оказалось для меня очень полезным. Я также узнала довольно много о собственных защитных механизмах: раньше я кое-что слышала о деле Барча, но как-то не слишком интересовалась им. И лишь это письмо побудило меня встать на путь, который я непременно должна была пройти до конца. У меня просто не было другого выбора.

Теперь я знаю, что во всех европейских странах с детьми обращаются одинаково жестоко, и Германия вовсе не главенствует в этом списке. Иногда нам невыносимо трудно признать горькую истину, и поэтому мы предпочитаем тешить себя иллюзиями. Наиболее распространенный защитный механизм — перенос во времени и пространстве. Так, например, мы готовы признать факты жестокого обращения с детьми в прошлом столетии или в каких-нибудь далеких странах и как-то не замечаем, что то же самое происходит у нас, здесь и сейчас. Есть и другой метод внутренней защиты. Если кто-либо, подобно моей читательнице, смело решится ради своих детей искать ответы на все вопросы, касающиеся его детства и убедится в том, что он стал жертвой насилия, то почти наверняка он уверит себя в том, что *далеко не везде* дела обстоят так плохо и что в других странах и в другие времена с детьми обращались гораздо более гуманно, чем в непосредственной близости от него самого. Как известно, без надежды жить нельзя, и возможно именно она способствует зарождению иллюзий. Поэтому я совершенно уверена в том, что даже после ознакомления с приводимыми ниже фактами некоторые читатели будут по-прежнему пребывать во власти заблуждений. Однако эти факты дают нам возможность по-

нять, что творится в относительно благополучной Швейцарии, где, как и в Германии, «черная педагогика», как мы увидим, живет и процветает. Я взяла эти данные из сборника, составленного специалистами службы доверия в Эфлигене, кантон Берн. Характерно, что сам сборник был разослан в редакции более чем двухсот газет, но только две из них опубликовали выдержки из него¹. Вот хроника всего лишь одного месяца.

05.02. Ааргау: Отец жестоко избивал кулаками, бичом и т. д. своего семилетнего сына, а также регулярно запирает его в чулане. Бил он и свою жену. Причина: алкоголизм и финансовые трудности.

05.02. Санкт-Галлен: Двенадцатилетняя девочка рассказывает, что родители бьют ее ремнем за любую провинность, превратив ее жизнь в сущий ад.

05.02. Ааргау: Отец бил двенадцатилетнюю девочку кулаками и брючным ремнем. Он запретил дочери иметь друзей, относясь к ней как к своей собственности.

07.02. Берн: Семилетняя девочка сбежала из дома. Причина: мать в наказание постоянно бьет ее выбивалкой для ковров. По мнению матери, применение телесных наказаний вплоть до наступления школьного возраста никак не отразится на душевном здоровье дочери.

08.02. Цюрих: Родители, желая приучить свою пятнадцатилетнюю дочь к дисциплине, таскали ее за волосы. Иногда они брали ее одновременно за мочки обоих ушей и кругообразными движениями как бы «закручивали» их. По их мнению, дочь с юных лет нужно приучать к суровым жизненным условиям, т. к. жизнь — очень жестокая штука. Если с дочерью церемониться, она вырастет неженкой, считают они.

14.02. Люцерн: Отец кладет четырнадцатилетнего сына на колени животом вверх и, надавливая на ноги и грудную клетку, выгибает его так, что хрустит в спине. Врач констатирует смещение позвонков. Сын украл в супермаркете перочинный нож, поэтому отец и подверг его такому наказанию.

15.02. Тургау: Десятилетняя девочка вне себя от горя. В наказание отец прямо у нее на глазах убил и разрезал на куски ее любимого хомьячка.

16.02. Солотурн: Мать угрожает четырнадцатилетнему сыну тем, что отрежет ему член, если еще раз застанет его за занятием онанизмом. По ее словам, все, кто занимается таким богомерзким делом, непременно попадут в ад. Однажды она поймала за этим мужа и с тех пор прилагает все усилия для борьбы с подобным извращением.

Граубюнден: Отец с такой силой ударил пятнадцатилетнюю дочь по голове, что та потеряла сознание. Врач констатировал трещину черепа. Девочка всего лишь пришла домой на полчаса позже, чем обычно.

¹ Во время чтения корректуры я узнала, что два семейных журнала также решились на столь смелый шаг.

17.02. Ааргау: Четырнадцатилетний мальчик в отчаянии. У него нет никого, с кем можно поговорить. Он полагает, что *сам виноват*, т. к. панически боится других людей, особенно девочек.

18.02. Ааргау: С тринадцатилетним мальчиком его дядя вступил в половую связь. Мальчик хочет покончить с собой, но не потому, что стал жертвой насилия. Просто он боится стать гомосексуалистом. Родителям он не хочет ничего говорить, они только избьют его.

Базен-Ланд: Тринадцатилетнюю девочку избил ее восемнадцатилетний друг и заставил вступить с ним в половую связь. Девочка очень боится своих родителей, и потому хочет сохранить это в тайне.

Базель: Семилетний мальчик каждый день около двенадцати часов начинает вдруг испытывать страх. К вечеру он успокаивается. Мать не хочет вести сына к психотерапевту. Во-первых, у нее нет денег, а во-вторых, он же «нормальный ребенок»... А между тем мальчик уже два раза пытался выпрыгнуть из окна.

20.02. Ааргау: Отец избивает свою дочь и угрожает выколоть ей глаза, если она и дальше будет «путаться» со своими дружкой. Оба однажды уже на два дня сбежали из дома.

Цюрих: Отец на четыре часа подвешивает сына за ноги. Затем он окунает его в холодную воду. Оказывается, мальчик что-то украл в супермаркете.

27.02. Берн: Учитель в назидание многократно бьет учеников по лицу, заставляя их после каждого удара выполнять кувырок вперед или назад. Это продолжается, пока провинившийся не падает от полного изнеможения.

Цюрих: Пятнадцатилетняя девочка жалуется, что мать уже в течение шести лет избивает ее веником и электрошнуром, а также колет ее вилкой и ножом. Девочка в отчаянии и хочет сбежать из дома.

Служба доверия существует в Эфлигене уже два года. За это время ее сотрудники узнали о следующих методах издевательства над детьми.

Нанесение ударов. Удары по ушам (ребенка неоднократно и сильно бьют ладонью, кулаком или согнутым большим пальцем по уху; иногда бьют одновременно ладонями, кулаками или согнутыми большими пальцами обеих рук по двум ушам); *удары рукой по телу* (ребенка сильно бьют ладонью то одной, то другой руки); *удары кулаком по телу* (ребенка сильно бьют то одним, то другим кулаком); *удары обоими кулаками одновременно*; *удары локтем*; *удары рукой и локтем* (сначала ребенка бьют рукой, затем локтем); *подзатыльники* (обычный удар или «скользящий» удар по касательной, удар по затылку согнутым безымянным пальцем, на который надето обручальное кольцо); *удар линейкой по рукам* (излюбленный способ наказания, практикуемый не только учителями, но и родителями; ребенка бьют чаще всего пластмассовой линейкой по внутренней или тыльной стороне ладони, по подушечкам пальцев; иногда бьют ребром линейки).

Наказание электрическим током. Этот метод используется не так уж и редко. К телу ребенка или к дверной ручке детской комнаты подводят напряжение.

Истязания, сопровождающиеся нанесением ран. Раны возникают при ударах ладонью (от порезов ногтями), кулаком (в результате травмирования мягких тканей перстнем или кольцом), ножом, вилок или ложкой, для нанесения колотых ран используются иголка, спицы, ножицы; есть свидетельства о том, что родители избивали детей гитарными струнами, используя их как плетку или электрическим проводом, рассекая кожу до крови.

Воздействия, сопровождающиеся переломами. Родители резко отталкивают ребенка от себя, в результате чего он падает; выбрасывают его из окна; сталкивают вниз на лестнице, и он катится кубарем; находясь на нижней площадке лестницы, бросают младенца на верхнюю; защемляют руку ребенка дверью машины; наступают ногой на грудную клетку (результат — перелом ребер); топчут ногами лежащего на земле ребенка; сильно бьют кулаком по голове (результат — трещина черепа); бьют ребром линейки по пальцам.

Истязания, приводящие к термическому или электрическому ожогу. Есть данные о том, что родители тушили о тело ребенка сигареты и спички, пытали детей паяльником, обливали кипятком, подносили к нему горящую зажигалку, подводили электрический ток.

Удушение. Ребенка душат рукой, электропроводом и т. п. Иногда просовывают его голову в открытое стекло машины, а затем закрывают его.

Воздействия, приводящие к разможению мягких тканей или контузии. Удары по голове, защемление пальцев руки, ладони или стопы дверью.

Выдергивание волос. Волосы на голове, на груди, на лице (у юношей) выдергивают целыми пучками.

Подвешивание ребенка за ноги вниз головой. Дети рассказывали, что отец иногда применял к ним эту меру наказания, оставляя их в таком положении на несколько часов.

«Закручивание ушей в трубочку». Об этом я уже писала, см. выше рассказ пятнадцатилетней девушки из Цюриха.

Выворачивание рук в плечевых суставах. Ребенка заставляют сложить руки за спиной, а затем выворачивают их.

Надавливание сгибом указательного пальца на чувствительные места (виски, затылок, околушное пространство, ключицу, грудину, голень) и *кругообразные движения сгибом пальца.*

Банан. Ребенка кладут животом вверх на колено, надавливая на ноги и грудь, выгибают тело, при этом оно «принимает форму банана».

Кровотускание (редко). Десятилетнему ребенку была вскрыта вена в области локтевого сгиба; от кровопотери он упал в обморок. Лишь после этого ему простили его «грехи».

Пытка холодом. Ребенка помещают в холодный чулан или окунают в ледяную воду. Известно, что последующее воздействие нормальной температуры на переохлажденные ткани сопровождаются болевыми ощущениями и углубляет страдания.

Окувание головой в воду. Если младенец при купании справляет свою маленькую нужду, его окунают головой в воду.

Лишение сна (редко). Одиннадцатилетняя девочка рассказывала, что ей в течение двух суток не давали выспаться. Каждые три часа ее будили и спящую окунали в ванну с холодной водой. Известно, что часто таким образом родители наказывают детей, страдающих недержанием мочи. Мать одного младенца установила даже в постели специальное устройство, реагирующее на влагу и работающее по принципу будильника, в результате чего ребенок в течение трех суток почти не спал. Накопившуюся сонливость и возникшее нервное напряжение мать пыталась устранить с помощью медикаментов. Естественно, что это не привело к желаемому результату. Мальчик начал получать в школе плохие оценки, за что его подвергали побоям. Затем в течение длительного времени родители заставляли его глотать таблетки.

Принудительные работы. Метод, применяемый преимущественно в сельских местностях. Ребенка заставляют работать всю ночь, лишая его таким образом сна, или мыть погреб, пока он не упадет от усталости. Дети рассказывают, что принудительные работы начинались порой еще до школы (в пять часов утра) и продолжались после возвращения домой, заканчиваясь в двадцать три часа. Их продолжительность — от одной до четырех недель.

Использование рвоты как инструмента издевательства. После еды у ребенка искусственно вызывается рвота путем надавливания пальцем на корень языка, после этого ребенка заставляют съесть рвотные массы.

Инъекции (редко). С помощью шприца ребенку впрыскивается раствор поваренной соли в ягодицу, бедро или плечо. Этот метод применялся одним зубным врачом.

Уколы иглами. Дети часто рассказывают, что родители берут с собой иголку, когда идут с ними за покупками. Если ребенок хочет взять что-либо с полки в супермаркета, следует укол иглой в область шеи.

Использование медикаментов. Чтобы ребенок быстрее засыпал, ему дают лошадиную дозу снотворного или используют специальные медицинские свечи. Один тринадцатилетний ребенок чувствовал себя утром после таких процедур «как оглушенный» и не мог работать на уроках.

Использование алкоголя. В молоко для кормления младенца подмешивают пиво, ликер, крепкие спиртные напитки, в результате чего дети быстрее засыпают и не кричат по ночам.

Наказание, заключающееся в том, что детей заставляют удерживать книги на ладонях вытянутых рук (редко). Ребенка заставляют

держат на ладонях вытянутых рук несколько тяжелых книг, пока он не упадет от усталости. Одну девочку при этом родители заставили стоять на коленях, опираясь ими на ребро полена.

Удар своей головой по голове ребенка. Один мальчик рассказывал, что его отец владел особой техникой, которой он очень гордился: он приближал свою голову к голове ребенка, а затем ударял его ей. Видимо, он много тренировался, чтобы наносить удар так, чтобы самому не было больно.

Наказание, заключающееся в том, что на ногу ребенку «фроняют» тяжелый предмет. Сначала ребенка просят помочь нести какой-либо тяжелый предмет. Затем взрослый как бы случайно разжимает ладонь, и предмет падает. При этом часто повреждаются пальцы, ладонь или стопа ребенка.

Истязания в специальной «камере пыток». Ребенок и бабушка сообщили службе доверия, что отец в подвале, где он раньше хранил уголь, устроил настоящую «камеру пыток». Он привязывал ребенка к лавке и зверски избивал плеткой. В зависимости от тяжести поступка он использовал различные плетки. Часто после экзекуции ребенок оставался привязанным до утра.

Так почему же все редакции, основной задачей которых является изучение и анализ общественных проблем, проигнорировали эти вопиющие факты? Понимают ли их сотрудники, кого они прикрывают? Почему швейцарская общественность не должна знать о том, что эта прекрасная страна превратилась в сплошной концлагерь, в котором роль узников отводится детям? И к чему может привести это молчание? Разве не следовало бы дать понять зверски обращающимся со своими детьми родителям, что данной проблемой наконец-то занялись всерьез? Может быть, это помогло бы им понять, какое зло они творят, и разобратся в причинах своего поведения? Подобно преступлениям Юргена Барча, насилие над детьми есть не что иное, как рассказ обществу о собственном прошлом, память о котором часто сохранилась лишь в подсознании. Раньше редакциям газет не разрешалось заниматься этими проблемами. Теперь все запреты сняты. Что же мешает средствам массовой информации в интересах всего общества раскрыть механизм насилия?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, читателю покажется странным, что я описала судьбы трех таких разных людей. Но я сделала это, чтобы, несмотря на все различия, выявить определенное сходство. Моменты, которые я сейчас перечислю, характерны для всех них (и не только для них).

1. Для всех троих характерна ярко выраженная направленность личности на разрушение. У Кристианы Ф. она выражалась в наркомании, приводящей к физической и моральной деградации, у Адоль-

- фа Гитлера в неукротимой воле к борьбе с реальными и мнимыми врагами, у Юргена Барча — в жгучем желании убивать маленьких мальчиков, в которых он видел прежде всего самого себя.
2. Эта направленность на разрушение имела причиной желание излить на кого-то (на другие объекты или самого себя) накопившуюся с детства ненависть.
 3. Всех троих родители в детстве постоянно избивали и унижали. С ранних лет дети росли в атмосфере жестокости и насилия.
 4. Во всех трех семьях руководствовались принципами авторитарного воспитания, и потому строго-настрого запрещали детям выражать свои чувства. (Хотя именно всплеск ярости был бы нормальной реакцией на жестокое обращение.)
 5. Никто из этих людей не имел с собой рядом в детстве и юности взрослого человека, которому можно было бы поведать свои чувства и поведать о накопившейся ненависти.
 6. Все трое буквально изнемогали от подспудного желания рассказать миру о своем выстраданном опыте и хоть как-то выразить себя. Все трое были наделены даром красноречия.
 7. Поскольку у этих людей не было возможности довериться кому-либо и удовлетворить свое желание безопасности для себя и для общества в целом, им не оставалось ничего другого, кроме как подсознательно разыгрывать в реальности историю своего детства, вовлекая в это действие других людей и заставляя их страдать и мучиться вместе с ними.
 8. Во всех трех случаях «последний акт бессловесной драмы» внушал людям возмущение и ужас. Но ни в одном из случаев общество не заинтересовалось предысторией этой драмы.
 9. «Последний акт драмы» привлек, конечно, внимание к бывшей жертве родительского насилия. Ей удалось впервые после рождения заявить о себе. (Кристиана Ф. в данном случае является исключением, т. к. в период полового созревания ей встретились два человека, готовых ее выслушать.) Но, во-первых, это было не то внимание, которое могло спасти человека, во-вторых, было уже поздно.
 10. Если родители временами и обращались ласково с Кристианой Ф., Адольфом и Юргеном, то лишь потому, что видели в них свою собственность. Они упорно не хотели воспринимать детей такими, какими они были на самом деле. Жажда ласки, которую испытывали все трое, была еще одним фактором, который предопределил ход «бессловесной драмы».

Я выбрала эти три судьбы еще и потому, что каждая из них дает возможность проанализировать формы поведения, свойственные представителям определенных социальных групп. Понять, что именно ощущают наркоманы, убийцы, самоубийцы и политики определенного типа, можно лишь тогда, когда мы тщательно проанализируем их детство в

каждом конкретном случае. Ведь они всего лишь хотят добиться понимания обществом их проблем, но делают это в такой форме, что общественность проникается крайней антипатией к ним. Трагедия человека, страдающего синдромом навязчивого повторения, помимо всего прочего, заключается также и в том, что он надеется обрести, наконец, нечто лучшее, чем то, что он имел в детстве, но своими действиями постоянно воссоздает реальную ситуацию детских лет.

Если человек не может откровенно рассказать о совершенном над ним физическом насилии из-за того, что за давностью происшедшего уже фактически не помнит о нем, он рано или поздно начнет вести себя *демонстративно жестоко*. У Кристианы это нашло выражение в жажде самоуничтожения, а Гитлер и Барч занялись истреблением других людей. Если у такого человека есть дети, вопрос о выборе жертвы даже не стоит, ибо дома можно практически безнаказанно проявлять жестокость. Но пример Гитлера наглядно свидетельствует, что при отсутствии детей скрытая в подсознании ненависть, вырвавшись наружу, может заставить человека уничтожить миллионы людей, и пораженным невиданными по размаху зверствами жертвам, равно как и судьям, остается лишь беспомощно разводиться руками. С момента зарождения у Гитлера идеи истреблять людей, как вредных насекомых, прошло много лет, и необходимые для этого технические средства достигли небывалого совершенства. Тем более важной должна представляться психоаналитику попытка понять, *где лежат истоки такой лютой, неутолимой ненависти*. Я, отдав должное стремлению объяснить данный феномен с исторических, социологических и экономических позиций, напомним лишь, что и создатель газовых камер, и эсэсовец, загонявший туда детей, а потом со спокойной совестью открывавший газовый кран, были когда-то детьми. До тех пор, пока общественность остается безучастной к происходящему ежедневно физическому и духовному насилию над детьми, от последствий которого страдают все слои общества, мы по-прежнему будем блуждать в лабиринте, и никакие, с самыми добрыми намерениями разработанные планы ядерного разоружения нас не спасут.

При составлении конспекта второй части книги у меня и в мыслях не было заниматься изучением проблемы сохранения мира на Земле. Я лишь хотела поделиться с родителями своим двадцатилетним опытом занятий практическим психоанализом и объяснить им, что именно он лег в основу моего негативного отношения к педагогике. Не желая ничего рассказывать о своих пациентах, я выбрала судьбы трех людей, представлять которых общественности нет никакой нужды, поскольку они либо хорошо известны, либо сами рассказали о себе. Но написание книги сродни авантюрному путешествию, когда сам не знаешь, куда попадешь.

Я могу лишь затронуть проблему сохранения мира на Земле, т. к. я себя не чувствую в этой области достаточно компетентной. Но исследование жизни Гитлера и попытка, основываясь на методах психоана-

лиза, объяснить его преступления перенесенными в детстве унижениями не могли остаться без последствий. Я просто была вынуждена вплотную заняться вышеупомянутой проблемой и в результате поняла, что есть основания как для оптимизма, так и для пессимизма.

На грустный лад меня настраивает мысль о том, что, как бы нам это ни было неприятно, мы очень сильно зависим не только от государственных и общественных институтов, но и от поступков и настроения отдельных личностей, которые *прошли ту же школу воспитания, что и большинство населения*, и потому вполне способны увлечь за собой народные массы. Люди, сознанием которых в детстве манипулировали «в педагогических целях», в зрелом возрасте вряд ли поймут, что их вновь используют в чьих-то интересах. Человек с задатками вождя, в котором массы видят отца, в сущности (как и кое-кто из строгих, не терпящих возражения отцов), лишь ребенок, *желающий отомстить за совершенное над ним насилие*. Народ нужен ему только как средство для осуществления собственной заветной цели — отмщения.

Именно зависимость «великого вождя» от собственного детства и *невозможность предсказать, к чему приведет реализация колоссального потенциала ненависти*, накопившегося в подсознании, делают его особенно опасным для общества.

Не следует забывать, однако, что есть и повод для *осторожного оптимизма*. Из всего прочитанного о детстве преступников, в том числе и Гитлера, я могу сделать следующий вывод: ни один из них не являлся изначально неким извергом, которого педагоги напрасно пытались наставить на «путь добра». Повсюду я видела перед собой лишь беззащитных детей, над которыми взрослые жестоко измывались, зачастую делая это *во имя «высоких идеалов»*. Таким образом, мой оптимизм обусловлен надеждой на то, что общество в конце концов перестанет мириться с жестоким обращением с детьми, если признает, что:

- а) данная система воспитания предназначена не для блага ребенка, а исключительно для удовлетворения потребностей самих воспитателей и утоления их жажды власти и мести, и что ни о каком благе ребенка даже речи не идет;
- б) жертвами этой системы являются не только несчастные, подвергшиеся истязаниям дети, но в конечном итоге все мы.

ЛЮБОЕ НАСИЛИЕ, ДАЖЕ СОВЕРШЕННОЕ БЕЗ ЗЛОГО УМЫСЛА, — ПРИЧИНАЕТ БОЛЬ

Если человек действительно хочет простить тех, кто измывался над ним, *он вовсе не должен сдерживать свою ярость*. Только когда он признает, что с ним поступили несправедливо, назовет насилие насилием и позволит себе открыто возмутиться и возненавидеть, ему откроется путь к подлинному прощению. Достаточно вспомнить о причиненном

тебе в раннем детстве зле, эмоционально воспринять его и перестать сдерживать гнев и ненависть, как через какое-то время для них не найдется места в твоей душе. На смену им придут горечь и боль, за которыми последует *понимание смысла многих поступков родителей*. Лишь после внимательного изучения их детства и избавления от ненависти, накопившейся в подсознании, может постепенно вызреть чувство подлинного сострадания к ним. Никакие предписания и заповеди здесь не помогут, такое чувство само возникает в исцеленной от яда ненависти душе. Солнце не нужно силой вытаскивать на небо, когда рассеялись облака: оно просто светит.

Если взрослый человек сумел *пробиться к истокам поведения родителей и понять, какими конкретными обстоятельствами было обусловлено их жестокое обращение с ним*, то со временем он без помощи священников или педагогов поймет, что физическое насилие над ним не доставляло родителям никакой радости, и что они поступали так вовсе не из желания продемонстрировать мощь или от избытка жизненных сил. Просто они не могли поступать по-другому, т. к. сами были жертвами традиционной системы воспитания.

Многие люди не в состоянии понять элементарную вещь: *любой насильник одновременно является жертвой*. Совершенно ясно, что человек, с детства чувствующий себя сильным и свободным, никогда не будет унижать других. Приведу выдержку из дневниковых записей Пауля Клее.

«Я все время пытался сделать какую-нибудь гадость маленькой красивой хромой девочке. Всю их семью я ни в грош не ставил, особенно мать, но притворяться умел и, смиренно опустив глаза и изображая из себя пай-мальчика, просил отпустить со мной малышку погулять. Какое-то время мы мирно шли рука об руку, но затем на небольшом поле, где рос картофель и водились божьи коровки, или даже не доходя до него, я чуть отставал и, выбрав момент, несильно бил мою подопечную сзади. Девочка падала, потом я отводил ее зареванную домой и с невинным видом говорил матери: „Случайно упала“. Я проделывал это несколько раз, и госпожа Энгер так ни о чем и не догадалась. Девочке, по-моему, было лет пять-шесть» (... , 1975, S. 17).

Безусловно, маленький Пауль в данном случае неосознанно подражал отцу, о котором он лишь коротко упоминает в своем дневнике:

«Я очень долго *безоговорочно верил отцу и воспринимал каждое его слово как истину в последней инстанции, думал, что отец может и умеет все*. Я только терпеть не мог, когда старик высмеивал меня. Как-то я, думая, что вокруг никого нет, начал разыгрывать настоящую пантомиму и вдруг услышал за спиной характерное „фу!“, произнесенное с откровенной издевкой. Я, конечно, обиделся. Подобное отношение отца ко мне проявлялось неоднократно» (S. 16).

Можно себе представить, как глубоко задело маленького Пауля насмешливое «фу!», произнесенное любимым человеком.

Было бы неверно утверждать, что страдания, причиненные не по злому умыслу, а под воздействием невротозов, переносятся легче и что маленький Пауль отнюдь не издевался над маленькой девочкой, ибо не ставил такой цели, а всего лишь нуждался в объекте, на который можно излить свою ненависть. Любое насилие причиняет боль. Поняв это, мы осознаем весь трагизм ситуации, в которой оказываются наши дети, но именно это понимание позволяет нам переосмыслить свое отношение к ним. Ведь из сказанного выше можно сделать следующий вывод: как бы мы ни любили ребенка, мы не можем быть уверены, что не причиняем ему боль, если мы сами не освободились от последствий традиционного воспитания. Но осознание этого должно вызвать у нас *чувство горечи, скорби, но отнюдь не чувство вины*, ибо последнее может быть спроецировано нами на ребенка, и он затем всю жизнь будет ощущать себя виноватым, неполноценным и зависимым от родителей.

Осознание различия между чувством скорби и чувством вины позволит разрушить ту стену молчания, которая возведена в нашем обществе вокруг преступлений нацистского режима. О них не хотят говорить, потому что не хотят испытывать чувство вины. Но способность искренне скорбеть прямо противоположна чувству вины. Скорбят о прошлом, которое нельзя изменить. Скорбью и чувством горечи можно поделиться с детьми, не испытывая никакого стыда (ведь все уже в прошлом). Чувство вины, напротив, вызывает стыд, поэтому часто вытесняется в подсознание или проецируется на детей. (Порой имеет место и то, и другое.)

Горечь же пробуждает к жизни другие чувства, юноши и девушки как бы выходят из состояния внутреннего оцепенения и делают для себя крайне неприятные открытия. Их итогом могут быть приступы вполне оправданного гнева и болезненная реакция на поведение родителей, по-прежнему придерживающихся своих принципов, и потому не понимающих, почему их повзрослевшие дети вдруг дали волю своим эмоциям. Поэтому есть опасность, что молодой человек возьмет свои сказанные в гневе слова назад и сделает вид, что ничего не произошло, т. е. ему, наверняка, в очередной раз покажется, что своими обвинениями он сведет родителей в могилу. (Ведь раньше родители ему наверняка говорили, что если он не будет их слушаться, будет самовольничать, то сведет их в могилу. Порой человек всю жизнь действует с оглядкой на эти слова.)

Тем не менее, даже если сострадания к молодому человеку никто так и не проявляет, а постаревшие родители, как и раньше, негативно относятся к любым проявлениям эмоций, только один прорыв в сознание такого запретного чувства, как гнев, способен вывести человека из тупика самоотчуждения. Если это произошло, то человек ощущает то, что должен чувствовать здоровый ребенок, *не понимающий, почему родители причиняли ему боль и одновременно запрещали кричать, плакать и даже говорить о ней*. Одаренный ребенок мог приспособиться

к обстоятельствам. Стремясь разобраться в том, почему к нему предъявляют столь абсурдные требования, он не мог не прийти к выводу, что они есть нечто само собой разумеющееся. Подобный вывод приводил к потере своего Я, потере способности переживать свои чувства — убийству в себе нормального ребенка, способного бурно реагировать на несправедливое обращение с ним и не желающего принимать в расчет высокие цели, которыми якобы руководствуются жестоко обращающиеся с ним родители.

Взрослый человек, испытывавший запрещенные с детства чувства, отнюдь не становится после этого раздраженным и вечно недовольным собой и другими. *Наоборот.* Ему уже не нужно ни на кого больше изливать свой гнев, в то время, как человек, лишенный возможности вывести гнев из подсознания, будет *постоянно искать все новых людей, на которых можно излить накопившуюся ненависть.* На примере Адольфа Гитлера мы видим, к чему это приводит.

Именно обрушившийся на родителей гнев дает нам шанс, ибо таким образом человек узнает правду о самом себе и своих близких, выходит из состояния внутреннего оцепенения, получает возможность испытать чувство скорби и простить родителей. Пусть меня поймут правильно и не обвиняют в том, что я лично обвиняю во всем родителей. У меня для этого нет никаких оснований, да и, собственно говоря, какое я имею право в чем-либо упрекать их? Нас не связывают кровные узы, не они меня воспитывали и принуждали молчать: я твердо знаю, что подавляющему большинству родителей присущи примерно одинаковые стереотипы поведения, и поступать по-другому они не могут.

Но именно потому, что я, стремясь побудить подрастающее поколение не бояться открыто конфликтовать с родителями, *в то же время не обвиняла родителей,* многие читатели так и не разобрались в моей позиции. Разумеется, легче всего возложить всю вину или на детей, или на родителей или объявить, что виноваты обе стороны. Но жизненный опыт подсказывает мне, что вопрос о чьей-либо вине здесь даже не стоит, и что у родителей и детей просто не было альтернативных вариантов поведения. Но, поскольку ребенку не дано понять этого (любая попытка это понять повлекла бы за собой тяжелое душевное расстройство) я обращаюсь ко взрослым. Я исхожу из того, что их дети окажутся в несравненно более благоприятных условиях, т. к. отцы и матери до конца разберутся в своем детстве.

Полагаю, однако, что моих доводов явно недостаточно для того, чтобы переубедить многих из тех, кто неправильно истолковывает мои взгляды. Ведь причина их заблуждений отнюдь не недостаток интеллекта. Если кому-либо с молодых ногтей внушать, что он всегда и во всем виноват, а на его родителей не должна пасть даже тень подозрения, тогда мои размышления неизбежно вызовут у него страх и чувство вины. Насколько сильно укоренились традиционные принципы воспитания, лучше всего видно на примере людей старшего поколения. Как только они становят-

ся слабыми и немощными, они начинают чувствовать себя виноватыми буквально во всем, а к своим взрослым детям относятся как к строгим судьям. Эта ситуация крайне неблагоприятна для того, чтобы дети смогли ощутить гнев и вывести в сознание ненависть: многие будут склонны упасть беспомощных родителей и обрекут себя тем самым на молчанье.

Поскольку кое-кто из психоаналитиков также не имеет возможности избавиться от страхов и лично убедиться в том, что естественное поведение детей отнюдь не убивает отца и мать, он, безусловно, будет убеждать своих пациентов как можно скорее примириться с родителями. Но если человек так и не дал волю эмоциям и не излил накопившуюся в душе ярость, это будет не более чем мнимое примирение. В душе по-прежнему сохранится мощный заряд ненависти, вот только обрушится он на посторонних людей. Мнимое прощение еще больше извратит подлинное Я, а расплачиваться придется детям, перед которыми отец или мать уже не будут скрывать своих подлинных чувств. Несмотря на все сложности познания своего детства, появляется все больше и больше публикаций, в которых юноши и девушки вступают в открытую и честную полемику с родителями. Ничего подобного раньше нельзя было представить себе. Я имею в виду прежде всего книги Барбары Франк «Я смотрю в зеркало и вижу свою мать» (Frank, 1979) и Марго Ланге «Мой отец. Рассказы женщин о первом в их жизни мужчине» (Lange, 1979). Поэтому есть надежда, что критические публикации найдут своего критически настроенного читателя, у которого никакие пронизанные духом «черной педагогики» научные издания в таких областях, как психология, этика, педагогика или же биографии исторических личностей уже не вызовут чувства вины.

СИЛЬВИЯ ПЛАТ И ЗАПРЕТ НА ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ

Ты хочешь знать, зачем пишу я?
И нравится ли мне?
И есть ли смысл?
Конечно, есть,
А как же может быть иначе?
Ведь я пишу,
Лишь голосу души своей подвластна,
Что хочет говорить.

Сильвия Плат

Любой человек в своей жизни часто оказывается в состоянии фрустрации. В детстве по-другому тоже не могло быть: даже самая лучшая мать не способна удовлетворить все желания и потребности ребенка. Но причиной психических расстройств является не столько сама фрустрация, сколько *запрет родителей на проявление отрицательных эмоций, которые ей вызваны, его причина — желание родителей защитить свою психическую сферу*. Взрослый может конфликтовать с Господом Богом, бросать вызовы судьбе, властям, обществу, если ему кажется, что его обманывают, игнорируют, несправедливо наказывают или

предъявляют к нему чрезмерные требования. Ребенок же не имеет права протестовать. Он обязан жить в мире со своими богами — родителями и педагогами, — скрывать свое подлинное внутреннее состояние и вплоть до зрелого возраста не позволять эмоциям выплескиваться из глубин подсознания. В результате эмоциональная разрядка все же наступает, но в извращенной форме: здесь и насилие над собственными детьми, осуществляемое с помощью педагогических методов, и психические заболевания различной степени тяжести, и наркомания, и алкоголизм, и жестокие преступления, и, наконец, самоубийство.

Наиболее удобной и безопасной для общества формой эмоциональной разрядки является литературное творчество, т. к. занятие им не порождает чувства вины: от лица выдуманного персонажа можно упрекать любого и выдвигать любые обвинения. Особенно хорошо это видно на таком ярком примере, как жизнь Сильвии Плат. Слушая рассказы о ней, читая ее стихи и письма, не только ощущаешь жажду деятельности, которая ей была свойственна, но и понимаешь, в состоянии какого чудовищного стресса она находилась все время. Она очень много работала, не делая себе поблажек. Естественно, что ее мать, говоря о самоубийстве дочери, подчеркивала именно этот фактор, т. к. матери детей, совершивших последний шаг, обычно стремятся объяснить все чисто внешними обстоятельствами. Подспудно они ощущают вину, и это мешает им по-настоящему ощутить горечь утраты.

Жизнь Сильвии Плат была не тяжелее жизни многих миллионов людей. Правда, из-за чрезмерной чувствительности Сильвия гораздо сильнее страдала от периодически возникавших фрустраций, но и в минуты радости испытывала гораздо более яркие ощущения. Но в отчаяние она приходила вовсе не из-за этого, а потому, что не с кем было поделиться своими горестями. В письмах к матери она уверяла, что у нее все в порядке. Подозрение, что мать просто отказалась публиковать другие письма, едва ли оправданно. Ведь *Сильвия не могла написать других писем*, полагая, что мать нуждается в оптимизме дочери, который должен подтверждать правильность ее жизненной позиции, если же дочь откровенно поделится в письмах своими бедами и печалью, то мать просто умрет. Если бы Сильвия могла открыто высказать в письмах свое негативное отношение к матери и заявить, что в жизни у нее далеко не все благополучно, она бы никогда не покончила с собой. Если бы мать осознала, что никогда не понимала дочь, фактически оказавшуюся на краю пропасти, и испытала скорбь в этой связи, то она никогда бы не издала сборник писем дочери. Ведь тогда изданные ею самой письма доставили бы ей невыносимую боль. Но Аурелия Плат испытывала чувство вины, и письма призваны были доказать, что она невиновна. Примером такого самооправдания является следующий фрагмент из ее предисловия:

«Следующее стихотворение Сильвия написала в 14 лет. Она рисовала натюрморт, и когда закончила рисунок, то сразу же показала его нам. Уоррел, Грэмми и я были просто поражены. Тут в дверь позвонили,

Грэмми сняла фартук, машинально бросила его на картину и пошла открывать дверь. Увидев, что весь рисунок смазался, Грэмми чуть не заплакала, но Сильвия сказала ей: «Не бери в голову, я сделаю все заново». В тот же вечер она впервые написала стихотворение с трагедийным подтекстом «Я думала, что я неуязвима», которое и было инспирировано описанным событием.

Я думала, что я неуязвима,
 Что боль меня боится,
 Стрдание мне чуждо,
 Душа моя свободна,
 Словно птица.
 А солнце грело в марте — просто чудо!
 И мысль моя, лилово-золотая,—
 О радости! Но и об острой сладкой боли,
 Что с радостью повенчана навеки,
 Не забываю.

Душа моя взмывает выше чайки
 В прозрачные просторы поднебесья,
Крылом касаясь купола небес —
 От легкости полета мир прекрасен,
 Как песня.
 (Как слабо все же сердце человека —
 То лихорадочно трепещет, бьется,
 То, словно чуткий музыкальный
 инструмент,
 Стеклянным звоном плачет,
 то смеется.)

Вдруг мир стал серым,
 будто дождь осенний,
 И счастье улетело в никуда.
 И пустота, щемящая, глухая,
 Жестоко меня за руки хватала —
 И тогда —
 Разорваны серебряные нити,
 И небосвод разбился золотой...
 И руки, что меня давно хранили,
 Застыв, рыдали от такой потери,
 от боли той.
 (Как слабо все же сердце человека —
 Но мудрости итог в своих глубинах прячет,
 Как инструмент, звучит
 и как кристалл, сверкает,
 То, радуясь любви, безудержно смеется,
 то плачет.)

Мистер Крокет, обучавший Сильвию английскому языку, показал стихотворение одному из своих коллег, который сказал: «Даже не верится, что такое юное создание способно на такие переживания». Когда я передала эти слова Сильвии, она шаловливо улыбнулась и сказала: «Пусть каждый толкует стихотворение на свой манер. Это его право» (Plat, 1975, S. 28).

Если такой чрезмерно эмоциональный ребенок, как Сильвия, чувствует, что для ее матери жизненно важно считать, что причиной страданий дочери стала нелепая история с натюрмортом, а не *разрушение подлинного Я девочки*, лишенной возможности в разговоре с матерью выразить свои подлинные переживания, она будет тщательно скрывать от нее свои подлинные ощущения. После прочтения писем Сильвии начинаешь это понимать. Строки стихотворения «Стеклянный колокол» (1978) позволяют почувствовать подлинное Я Сильвии, погибшее в результате ее самоубийства. А вот мнимому Я мать воздвигла памятник, издав книжку писем дочери.

После прочтения этих писем становится ясно, что такое суицид. В ряде случаев это единственно возможный способ выражения своего подлинного Я. Многие родители поступают так же, как и мать Сильвии Плат. Они отчаянно пытаются вести себя «правильно», и поведение их детей должно подтвердить, что они хорошие родители. Они пытаются «правильно воспитывать детей», т. е. давать им не слишком мало и не слишком много, стремятся к тому, чтобы дети были послушными, чтобы у них выработалось чувство долга. Но тем самым они лишают себя возможности понять, что творится в душах их детей. О какой эмпатии может идти речь, когда я всецело одержима желанием быть только хорошей матерью и не думаю больше ни о чем! Естественно, ребенок не может встретить у такой матери никакого сочувствия. Вот несколько примеров неправильного поведения родителей.

Зачастую родители упорно не замечают фрустрации ребенка, т. к. их самих с детства приучили не воспринимать это состояние всерьез. Но иногда они просто *делают вид, что ничего не замечают*, искренне полагая, что это лишь на пользу ребенку.

Порой они пытаются убедить его не верить собственным глазам и ощущениям и ни в коем случае не полагаться на опыт первых детских лет. Они думают, что дети, узнав правду, будут страдать нервными расстройствами, но не понимают, что неврозы возникают именно из-за невозможности узнать правду. Вот один пример: младенца, который из-за врожденной патологии не может сам сосать грудь, связывали по рукам и ногам и кормили насильственно. Мать затем из самых лучших побуждений скрывала эту «тайну» от своей взрослой дочери. Но ведь подсознательно дочь всегда помнила о способе кормления, напоминая пытку, и это не могло не найти выражения в симптомах расстройства ее психики.

Таким образом, если первый тип материнского поведения обусловлен вытеснением детских эмоций в подсознание, то второй — нелепыми представлениями о возможности исправить прошлое, умалчивая о нем.

В первом случае мать руководствуется принципом «этого не может быть потому, что этого не может быть никогда», а во втором — «если не говорить об этом, значит, этого никогда не было».

Чрезмерно эмоциональный ребенок подобен глине в руках скульптора и всей душой воспринимает родительские заповеди. Его можно заставить приспособиться к чему угодно, но есть некий фактор, который родители подчинить себе не могут. Я бы назвала его телесной памятью. Он выражается в телесных недугах, ощущениях и иногда во снах. Психопатия и неврозы — другая, непонятная для окружающих форма выражения истинного душевного состояния. Эти заболевания крайне обременительны как для самого больного, так и для общества в целом. Но ведь естественные реакции ребенка на жестокое обращение были когда-то обременительны для родителей.

Я уже неоднократно подчеркивала, что опасна не сама душевная травма, а вытесненные в подсознание чувство отчаяния, которое возникает из-за невозможности рассказать о своей боли. Ведь запрещается не только проявлять, но даже испытывать такие чувства, как гнев, ярость, отчаяние, горечь, нельзя естественно реагировать на унижения и оскорбления. Тем самым очень многих можно довести до самоубийства, поскольку без выражения подлинного Я жизнь теряет всякий смысл. Разумеется, родителей также нельзя ни к чему принуждать и заставлять переносить то, чего они вынести не могут. Однако нужно постоянно внушать им следующую мысль: причиной душевных заболеваний детей являются отнюдь не сами страдания, а вытеснение вызванных ими ощущений в подсознание ради душевного спокойствия родителей.

Фрустрация — не позор и не яд. Вызванная ею душевная боль — вполне естественная человеческая реакция. Но если на выражение чувств горечи налагается вербальный или невербальный запрет или в соответствии с принципами «черной педагогики» воспитатели применяют насилие, чтобы воспрепятствовать выражению этого чувства, то тем самым человеку не дают возможность развиваться естественным путем и создают предпосылки для возникновения у него нервных и психических заболеваний. Мы помним, что Адольф Гитлер с гордостью рассказывал, что ему однажды удалось, ни разу не вскрикнув и не заплакав, сосчитать, сколько ударов нанес ему отец. Он утверждал, что отец оценил его стойкость и никогда его больше не бил. Я думаю, что так быть не могло, и Адольф Гитлер просто выдавал желаемое за действительное. Ведь Алоиз бил сына вовсе не потому, что его раздражало поведение Адольфа. На насилие его толкало сохранившееся с детства в подсознании чувство униженности, которое он раньше не мог открыто выразить. То есть Гитлер просто фантазирует. Он утверждает, что,

начиная с определенного момента, больше не подвергался побоям, и это не случайно. В этот момент ему удалось «задавить» в себе душевную боль, и он отождествил себя с насильником-отцом. Многие мои пациенты сначала также не могут припомнить, что происходило с ними в детстве, и лишь после «пробуждения чувств» память о детских годах «возвращается».

К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ СКРЫТАЯ НЕНАВИСТЬ, ЧУВСТВО ВИНЫ И НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВЫРАЗИТЬ СВОИ ЧУВСТВА

В октябре 1977 г. философ Лемек Колаковский был удостоен Премии мира Германского союза книготорговцев. В своей торжественной речи он подробно остановился на таком явлении, как ненависть, и в качестве примера привел захват террористами самолета авиакомпании «Люфтганза», который был угнан в Магаджио. Это событие тогда очень взволновало общественность.

По мнению Колаковского, у очень многих людей *напрочь отсутствует чувство ненависти*. Он утверждает, что человек может жить вообще без ненависти. Неудивительно, что об этом говорит именно философ: для многих философов человеческое бытие идентично сознательному бытию. Но для психоаналитика, ежедневно сталкивающегося с феноменами подсознания и понимающего, к каким тяжким последствиям приводит игнорирование его роли, отнюдь не бесспорно, что люди делятся на добрых и злых, любящих и ненавидящих. Он знает, что моральные ценности часто всего лишь ширма. Ненависть — нормальное человеческое чувство, а чувства еще никого никогда не убивали. Разве есть более адекватная реакция на зверское обращение с детьми, насилие над женщинами, пытки невинных, чем гнев или ненависть, тем более, когда неясны мотивы таких действий? Человек, которому с самого начала родители дали возможность проявлять ярость и гнев, реагировать на несовершенство жизни, запомнит, что его отец и мать способны к эмпатии, и в дальнейшем сможет без помощи психоаналитика разобраться в своих чувствах. Правда мне такие люди пока не попадались. Зато те, с кем я общалась, вынуждены были скрывать свои чувства и потом, сами того не замечая, отыгрываться на других людях. Помимо всего прочего, либо у них, либо у их детей развивался синдром навязчивого повторения, в структуре личности появлялась установка на разрушение. Часто они годами были вынуждены лечиться от различных соматических заболеваний, имевших психическую природу. Иногда они страдали от тяжелых депрессий. Но все эти симптомы исчезали, как только они получали возможность испытать на сеансах психоанализа зародившееся еще в раннем детстве чувство гнева. Исчезал и страх обидеть кого-либо, выражая свой гнев. На примере Адольфа Гитлера хорошо видно, что накопление ненависти в подсознании может побудить человека к истреблению миллионов людей. Но если человеку удается

открыто выразить какое-либо свое чувство, со временем оно уступит место другому, и даже самая лютая, вполне осознанная ненависть к отцу не повлечет за собой убийства других людей, не говоря уже о геноциде. Но детские ощущения Адольфа Гитлера так и остались заключенными в его подсознании, и потому он с легкостью уничтожал людей, объясняя это тем, что «Германии нужно гораздо больше жизненного пространства», «евреи угрожают миру», а ему самому требуется «жесточкая молодежь, без которой ничего нового не создать»... Список мнимых причин можно продолжать до бесконечности.

Чем же тогда объяснить, что, несмотря на все большее распространение знаний о психологии, две трети населения Германии выступают за телесные наказания? А что мы знаем об оставшейся одной трети? Сколько родителей избивают своих детей, прекрасно понимая, что этого делать нельзя? Сложившуюся ситуацию невозможно понять без учета следующих обстоятельств:

1. Для того, чтобы родители, издеваясь над детьми, эмоционально восприняли их ощущения, они должны сохранить в душе память о том, как тяжело было им в детстве переносить насилие. Но ведь им внушалось, что это вовсе не насилие, и было запрещено выражать свои чувства. Это означает, что родители не только могут, но иногда даже вынуждены бить и унижать своих детей, не замечая, что этим причиняют им боль.
2. Если человек, желающий быть честным с самим собой, не воспринимает сложившуюся в детстве ситуацию как трагическую, идеализируя своих родителей, ненависть, накопившаяся в подсознании, все равно найдет способ заявить о себе: развивается синдром навязчивого повторения. Такой человек по совершенно непонятным для него причинам будет создавать ситуации, в которых он будет мучить другого человека или же другой человек будет причинять ему боль. (У таких людей подсознательное желание причинить боль иногда сопровождается желанием испытать боль.)
3. Поскольку насилие над детьми, именуемое воспитанием, в обществе считается нормой, дети прекрасно подходят для того, чтобы срывать на них злобу и ненависть.
4. Поскольку практически все религии запрещают детям отвечать гневом на жестокое обращение родителей с ними, то в дальнейшем раскручивается спираль насилия, жертвой которого становятся последующие поколения.

По мнению социологов, в обществе не было бы табу на инцест, если бы сексуальное влечение к близким родственникам не было бы естественным чувством. Поэтому такое табу присуще всем народам, имеющим достаточно развитую культуру, и воспитание ребенка в этих культурах немислимо без привития ему соответствующих установок.

Видимо, некоторая агрессивность ребенка по отношению к родителям так же естественна, как и сексуальное влечение к близкому чело-

веку, и здесь есть определенная проблема. Мне неизвестно, как она решается народами других культур, не обязанными следовать христианским заповедям, в том числе и заповеди, требующей почитать отца и мать; но, куда ни взгляни, повсюду чтут права родителей, и ни в одной культуре нет заповеди, требующей уважения к правам детей. Может быть, требование уважать родителей существует потому же, почему есть запрет на инцест? Может быть, за этим стоит соображение, что нужно как можно скорее привить уважение к родителям, в противном случае естественной реакцией детей на жестокое обращение будут ответное насилие или даже убийство?

Мы постоянно слышим о том, каким страшным насилием отмечено наше время. И все же есть некоторые тенденции, которые мне внушают оптимизм. Все чаще подвергаются сомнению заповедь: «Возлюби отца своего и мать свою». Действительно, если она используется для того, чтобы родители сразу же смогли пресечь естественную и вполне оправданную агрессивную реакцию своего ребенка, то последнему не остается ничего другого, кроме как проявить ее в отношении своих детей, и возникает замкнутый круг. Таким образом, нарушение этой заповеди — уже само по себе значительный прогресс. *Если дети поймут, что с ними проделывали родители, то они попытаются отомстить именно им.* Имей, к примеру, Адольф Гитлер возможность в детстве открыто излить свою ярость на своего отца, миллионы людей остались бы живы.

Мой вывод о том, что именно жестокое обращение отца с маленьким Адольфом Гитлером породило в ребенке неутолимую ненависть, т. к. мальчик ничем не мог ответить, легко может быть неправильно истолкован. Мне могут возразить, что желания отдельного человека недостаточно, чтобы истребить миллионы людей, что не следует забывать об экономическом кризисе или об унижительных условиях Версальского договора. Все это так, но ведь убивали не «кризис» и не «условия», а люди, чьим беспрекословным повиновением гордились отцы.

Если принять мою точку зрения, то многое из того, что раньше вызывало лишь отвращение на эмоциональном уровне, становятся понятным. Так, например, один американский профессор на протяжении многих лет проводил эксперименты с трансплантацией мозга. В интервью журналу «Теле» он рассказал, что ему удалось пересадить мозг обезьяны. Он не сомневается в том, что недалек тот день, когда то же самое можно будет проделать с человеческим мозгом. Читателю остается или восхищаться столь высоким уровнем научных достижений, или же, напротив, задать вопрос, стоит ли вообще заниматься такими нелепыми вещами. Но тут его наверняка озадачит следующее высказывание профессора Уайта. (А может быть, благодаря ему он как раз и поймет его гораздо лучше.) Оказывается, им, помимо всего прочего, двигают еще и «религиозные чувства», он католик, и даже откровенно заявляет журналисту, что, по мнению его десяти детей, его воспитывали «как динозавра». (Это выражение можно понять по-разному, но, видимо,

его дети считают, что по отношению к отцу применялись совершенно допотопные методы воспитания.) Какой же смысл в его теперешнем занятии? Возможно, посвятив всю свою энергию и жизненную силу изучению проблемы трансплантации человеческого мозга, он тем самым подсознательно хочет осуществить нереализованную заветную мечту его детства — заменить мозги родителям.

Садизм — не внезапно проникающая в организм инфекция, *её корни в далеком детстве*, когда отчаявшийся ребенок в фантазиях ищет выход из безвыходной ситуации. Любой опытный психотерапевт знает людей, выросших в семьях священнослужителей, не позволявших своим детям «никаких недобрых мыслей». В результате у детей развивались тяжелые невротические заболевания. На сеансах психоанализа эти люди наконец получали возможность оживить свои детские фантазии, и в них неизменно присутствовали садистские сцены, в которых желание отомстить неизменно смешивалось с жестокостью взрослых, интроецированной детьми. Взрослые заставляли их в детстве следовать неким «моральным нормам», которые при всем желании соблюсти было невозможно, и это убивало в ребенке жизненные силы.

Каждый человек просто обязан найти для себя приемлемую форму проявления своих агрессивных устремлений, если, конечно, он не хочет превратиться просто в марионетку. Лишь тот, кто не желает стать инструментом в чужих руках, способен удовлетворить свои потребности и отстаивать свои законные права. Но многие люди, с детства убежденные в том, что *человек должен постоянно думать только о хорошем*, о добре и Боге, (и при этом все время быть честным с собой и людьми) просто не в состоянии найти адекватную форму выражения своих агрессивных желаний. К тому же человек не в состоянии жить без некоторой агрессивности, а сама невозможность выполнить требования родителей может свести ребенка с ума. Неудивительно, что в своих необузданно-садистских фантазиях он попытается вырваться из «тюрьмы». Но ведь на такие попытки также наложен запрет, поэтому эти мысли изгоняются из сознательной сферы. Таким образом, наиболее красочные и вполне понятные фантазии остаются в подсознании, как бы придавленные могильным камнем возмущающей всех жестокости, объектом которой становится кто угодно, только не родители. Этот камень лежит на виду, но человек всю жизнь инстинктивно опасается прикоснуться к нему. Однако ему никогда не найти другого пути к собственному Я: единственный путь откроется тогда, когда человек снимет этот камень с могилы своих чувств. Ведь перед тем, как развить в себе способность к проявлению агрессивных чувств, нужно извлечь из подсознания вытесненное туда желание мести. Только тогда можно испытать подлинные возмущение и ярость, на смену которым придут скорбь, прощение и примирение.

В качестве примера можно привести становление Фридриха Дюрренматта как личности, которое проходило, вероятно, без помощи пси-

хотерапевта. Он вырос в семье священника, начал довольно рано публиковать свои произведения и сразу же откровенно показал читателю абсурд, лживость и жестокость окружающего мира. Даже демонстративная эмоциональная холодность и крайний цинизм не могли скрыть следы детских ощущений. И хотя автор вряд ли помнил об аде, через который ему довелось пройти, он, как и Иероним Босх, описывал именно его.

«Визит старой дамы» мог написать лишь человек, интуитивно понявший, что более всего ненавидят именно тех, с кем были когда-то связаны самыми близкими отношениями. Но, несмотря на столь богатый опыт, молодой Дюрренматт последовательно демонстрирует свое равнодушие к другим, к их проблемам. (А ведь именно равнодушие воспитывается в ребенке, которому строжайше запрещается проявлять свои чувства, в результате чего он в дальнейшем будет безучастен к страданиям других.) Что же касается Дюрренматта, чтобы избавиться от навязанных ему в детстве традиционных моральных норм, писатель вынужден сперва отвергнуть такие хваленые (и уже представляющиеся ему весьма сомнительными) добродетели, как сострадание, жалость и любовь к своему ближнему и, наконец, дать волю своим самым необузданным жестоким фантазиям. В зрелые годы ему уже, видимо, не так уж и нужно было скрывать свои подлинные чувства. В поздних произведениях Дюрренматта чувствуется не только желание бросить провокационный вызов обществу, сколько неукротимая потребность открыть человечеству крайне неудобную для него истину. Тем самым он оказывает обществу неоценимую услугу. Ведь еще в детстве Дюрренматт смог разгадать истинную сущность своего окружения, и теперь ему не нужно прикрываться идеологическими установками или моралью: ремесло писателя дает ему полную свободу творческого самовыражения.

Такая форма проявления зародившегося в детстве чувства ненависти не только приносит пользу человечеству, но и позволяет человеку не вступать с обществом в конфликт. Бывшим пациентам психотерапевтов, признавшимся на лечебных сеансах в садистских фантазиях, также теперь не требуется причинять боль другим людям. Напротив, они становятся гораздо менее агрессивными, когда понимают, *что не нужно скрывать своих желаний*. В подобных случаях имеет место не сублимация инстинкта (о которой может идти речь в случае Дюрренматта), а нормальный процесс его развития, который начинается после устранения всех препятствий. Не нужно прилагать никаких душевных усилий, ведь чувство ненависти *испытывается совершенно открыто, а не загоняется вглубь и не вымещается на других*. Такие люди становятся гораздо более мужественными и не боятся больше возражать начальству. Им также не нужно больше унижать своих детей или близких. Они уже свыклись с тем, что были в детстве жертвой, и им теперь не требуется отщеплять от своего Я сознание этого. Однако очень многим, к сожалению, ничего другого не остается, и поэтому родители жестоко

обращаются с детьми, психиатры — с пациентами, естествоиспытатели — с животными, что никого не удивляет и не возмущает. Опыты, проводимые профессором Уайтом с обезьянами, считаются научным экспериментом, и никто не видит в этом ничего зазорного. Но чем же он в принципе отличается от доктора Менгеле, проводившего в Освенциме опыты над людьми? Ведь в «Третьем рейхе» евреи людьми не считались, и потому его эксперименты не рассматривались как аморальные. Чтобы понять, почему Менгеле со спокойной душой так действовал, достаточно выяснить, что именно с ним сделали родители. Ему, конечно, в детстве пришлось столкнуться с жестокостью. Я твердо убеждена в том, что его «хорошо воспитывали». Думаю, что сам он тоже так полагал.

Выбор подходящих объектов для мести за перенесенные в детстве страдания практически неограничен, но собственные дети как нельзя лучше подходят для этого. Почти во всех педагогических трактатах едва ли не на первой странице подробно описываются методы борьбы с эгоизмом младенца, призванные *воспрепятствовать тому, чтобы он стал тираном*, а также указывается, какие крайние меры следует предпринять в отношении слишком упрямых маленьких детей. Родители, которых самих когда-то в детстве мучили в соответствии с этими рекомендациями, по вполне понятным причинам торопятся как можно скорее выместить гнев *на объекте, заменяющем им отца-тирана*. Ведь этот объект, как и обезьяны профессора Уайта, всегда под рукой.

На сеансах психоанализа зачастую выясняется, что пациентам кажутся чрезмерными их вроде незначительные, но жизненно важные желания. За это они сами себя ненавидят. Так, например, человек, купивший дом себе, жене и детям, не может позволить себе иметь в этом доме отдельную комнату, в которой он мог бы уединиться, хотя этого ему очень хочется. Это, по его мнению, чрезмерные запросы, «ведь он же не буржуа». Но т. к. он буквально задыхается без своей комнаты, то хочет даже бросить семью и бежать, куда глаза глядят. Женщина, после целой серии операций пришедшая к психоаналитику, считает, что предъявляет слишком завышенные требования к жизни, т. к. постоянно хочет от нее большего. В дальнейшем выясняется, что вот уже несколько лет она испытывает неудержимое желание покупать все новые и новые платья, которые ей совершенно не нужны. Тем самым она стремится удовлетворить свое ненасытное желание быть совершенно самостоятельной. Оказывается, в детстве мать постоянно упрекала ее в том, что у нее завышенные требования, заставляя ее стыдиться этого. В результате она всю жизнь старалась жить скромно, отказывая себе буквально во всем. О визите к психотерапевту она сначала даже и не думала. Только после тяжелых операций она пришла на прием. И тут постепенно выяснилось, что мать постоянно «выпускала пар», отыгрываясь на дочери, ибо не могла одержать победу над отцом-тираном. С самого начала мать возмущенно реагировала практически на любые ее желания. Из-за

этого у девочки любое стремление быть самостоятельной вызывало лишь чувство вины, которое она тщательно скрывала от матери. Самым страстным ее желанием было отказаться от любых «претензий» и «стать скромной». Но одновременно она никак не могла противиться желанию покупать в огромном количестве совершенно ненужные вещи, доказывая тем самым, что мать была не так уж неправа в своих обвинениях. Потребовалось много времени и усилий, прежде чем она смогла избавиться от навязанной ей роли объекта-заменителя отца. Но тут выяснилось, что эта женщина почти не нуждается в материальных благах. Теперь она могла спокойно думать о духовных ценностях, не испытывая чувства вины.

Данный пример подкрепляет следующие тезисы этой главы.

1. Даже если ребенок предъявляет лишь самые элементарные требования, мать все равно может считать, что «маленький тиран зашел чересчур далеко в своих претензиях» и видеть в этом некую опасность. Причина этого заключается, например, в том, что она сама в свое время стала жертвой насилия со стороны родителей.
2. Ребенок может притворяться и таким образом «доказать» отцу и матери, что они «правы», став для них олицетворением их собственных родителей-тиранов. При этом у ребенка развивается ложное Я.
3. Объяснять такое поведение ребенка или взрослого воздействием инстинктов и тем более пытаться научить его «не поддаваться инстинктам» — значит игнорировать историю его детства и оставлять его наедине с собственными проблемами.
4. Не нужно стремиться к «подавлению инстинктов» или к тому, чтобы «инстинкт смерти был сублимирован»: если выявлены истоки агрессивного поведения или даже направленности личности на разрушения себя и других, психическая энергия сама становится креативной. Здесь главное — воздержаться от применения любых воспитательных мер.
5. Основная предпосылка высвобождения творческой энергии — это осознание того, что насилие уже в прошлом, и зарождение чувства скорби.
6. Это чувство в сочетании с переносом и контрпереносом, применяемыми психоаналитиком, приводит к изменениям в структуре психики, а отнюдь не к новым формам социального взаимодействия. В этом психоанализ отличается от транзакционного анализа, групповой или семейной психотерапии.

ПРАВО НА ЗНАНИЕ

Очень важно знать, что во многих случаях *родители жестоко обращаются со своими детьми*, не понимая, что творят насилие. Правда многие, в том числе и психоаналитики, оспаривают это, и потому я считаю необходимым развить свою мысль.

Именно любящие родители должны быть заинтересованы в высвобождении из подсознания воспоминаний о своем детстве. Если же они *ничего не желают знать об этом*, значит, они заботятся не о сыновьях и дочерях, а лишь о соответствии своих поступков нормам традиционной морали. С малых лет они вынуждены думать об этом и потому не в силах позволить любви к своим детям свободно развиваться. Не испытывая любви, они не могут научиться и гуманному отношению к детям. Принципы «черной педагогики» нашли отражение не только на страницах педагогических трактатов прошлых столетий. (В них ее поборники откровенно и вполне сознательно отстаивали свою позицию.) Голоса ее нынешних сторонников звучат гораздо тише, но их влияние по-прежнему велико. Оно чувствуется во всех сферах нашей жизни. Поэтому его так трудно распознать. Оно подобно смертоносному вирусу, уже в детстве проникающему в наш организм.

Мы часто даже не подозреваем, что без него могли бы жить гораздо лучше и счастливее. Если человек не приходит к психоаналитику, он порой даже не догадывается, что ему следовало бы пересмотреть эмоционально окрашенное мировоззрение, унаследованное от родителей в первые детские годы. (Вспомним в этой связи о сыне христианского миссионера, ставшего отцом господина А., о котором я рассказывала в главе «Насилие в бархатных перчатках». Отец господина А. желал своему сыну только добра и обладал незаурядным интеллектом, однако так и не смог разобраться в истории своего детства.) Каких бы демократических убеждений мы ни придерживались, дискриминация детей по-прежнему остается у нас чем-то само собой разумеющимся. Опыт детских лет не позволяет нам по-другому смотреть на эту проблему. Тем более что определенные представления укоренились в подсознании, что полностью гарантирует их неизменность.

Еще более укрепляет возникшую установку следующее обстоятельство. У большинства взрослых есть дети, с которыми они проделывают то же самое, что с ними в свое время делали их родители. Узнав впоследствии, что наибольший вред ребенку наносится в результате использования этих методов в самом нежном возрасте, они испытывают мучительное чувство вины. Для людей, воспитанных в духе «черной педагогики», невыносима даже мысль о том, что они оказались далеко не прекрасными родителями. Это значит, что они совершили ошибку. Но ведь они в долгу перед глубоко почитаемыми родителями, а те, в свою очередь, обязали их не допускать ошибок. Поэтому они не могут внутренне принять новое знание и с еще большим рвением продолжают отстаивать традиционные методы воспитания. Они по-прежнему утверждают, что подавление чувств, неукоснительное выполнение своих обязанностей и послушание — залог честности и порядочности и что если ребенок заставляет себя «стиснуть зубы», то это вполне нормально. Поэтому они изгоняют в подсознание любую информацию об ощущениях, испытанных в первые годы жизни.

Но ведь правдивую информацию иногда получить очень легко. Достаточно понаблюдать за тем, как растут современные дети в тех семьях, где им предоставляют относительно большую свободу, чтобы узнать о подлинных законах внутреннего мира, скрытых от старшего поколения. Возьмем лишь один пример.

На детской площадке стоит молодая мать, за ноги которой с душевнораздирающим плачем цепляется трехлетняя Марианна. Она не хочет играть с другими детьми. Я захотела выяснить причину, и ее мать с полным пониманием и сочувствием объяснила, что они не встретили на вокзале отца. Приехал только отец Ингрид, другой девочки. Я сказала: «Конечно, жаль, представляю, как ты была огорчена!» Девочка посмотрела на меня, слезы еще катились по ее щекам, но через минуту она уже смотрела на других детей и вскоре весело носилась вместе с ними. Она действительно была сильно огорчена, но поскольку ей разрешили открыто выразить свое чувство, оно быстро сменилось гораздо более радостным ощущением.

Если человек, наблюдавший эту сцену, достаточно честен перед самим собой, он будет способен извлечь из нее урок, и тогда он очень опечалится. Он спросит себя: стоило ли ему столько раз жертвовать собой? Ведь гнев и душевная боль быстро проходят, если только их не сдерживать. Нужно ли всю жизнь бороться с такими чувствами, как зависть и ненависть, если в итоге они лишь глубоко укореняются в твоей душе? Может быть, не стоит прилагать такие усилия для того, чтобы научиться «владеть собой»? Может быть, пресловутая «уравновешенность», в сущности, есть не что иное, как эмоциональное обнищание, а вовсе не «достоинство, высоко ценимое обществом»?

Не исключено, что человек, наблюдавший за описанной выше сценой и ранее так гордившийся своим самообладанием, теперь придет в ярость, ибо поймет, что его лишили возможности свободно выражать свои чувства, превращение ярости в скорбь разорвет заколдованный круг, в который его загнал синдром навязчивого повторения. Если человека приучали быть стойким и мужественным, то он никогда не воспримет на эмоциональном уровне бессмысленность самопожертвования, которое *таит в себе опасность отмщения представителям более молодого поколения*. Но тот, кто смог сперва разгневаться, а потом оплакать отказ от собственного Я, поймет, что и он сам, и его родители были принесены в жертву «черной педагогике», и уже никогда не будет жестоко обращаться со своими детьми. Способность испытать по этому поводу чувство скорби незримой нитью свяжет его с ними.

То же самое можно сказать и об отношениях с уже подростками детьми. Как-то я беседовала с юношей, который предпринял уже вторую попытку самоубийства. Он сказал мне: «После пубертатного периода я страдаю депрессией, моя жизнь не имеет никакого смысла. Раньше я думал, что виной всему учеба, ведь столько всякой бессмыслицы приходится изучать. Но вот я сдал экзамены, а в душе еще большая пустота. Но мои депрессии никак не связаны с детскими переживаниями,

ведь, по словам мамы, у меня было счастливое детство и родители обо мне всегда заботились».

Через несколько лет мы снова увиделись. К этому времени его мать прошла уже курс лечения у психоаналитика. Разница между двумя этими встречами была огромная. Молодой человек проявил склонность к творчеству не только в профессиональной сфере, но и вообще в жизни, он жил, *как требовала его душа*. Он рассказал мне следующее: «Когда мама после сеансов психоанализа избавилась от душевного оцепенения, у нее словно пелена с глаз упала. Она вдруг поняла, что она и отец со мной сделали. Мать начала постоянно говорить о том, что в детстве они своим воспитанием, в сущности, просто мешали мне жить. Уж не знаю, то ли она хотела душу облегчить, то ли добивалась, чтобы я ее простил. Сперва я даже слушать ее не хотел, уходил от разговоров и вообще дико разозлился на нее. Но со временем я понял, что *она рассказывала мне чистойшую правду*. Вообще-то, я в глубине души уже знал об этом, но *на такое знание был наложен запрет*. Теперь, когда у матери нашлись силы выдержать тяжесть прошлого, не приукрашивая, не отвергая и не искажая его, ибо она почувствовала, что когда-то сама была жертвой, я также *смог впустить в сознание эмоционально окрашенные воспоминания о своем прошлом*. У меня сразу полегчало на душе, ведь не нужно было больше строить иллюзий. Но самое удивительное состоит в том, что теперь, когда я узнал, какие ошибки допустили отец и мать в процессе моего воспитания, к матери я стал относиться гораздо лучше и любить ее гораздо сильнее. Она стала мне значительно ближе, представ передо мной обыкновенным человеком, которому свойственно ошибаться, а не ангелом во плоти. Да и я сам стал в отношениях с ней честен и чувствовал себя намного свободнее. Ведь не нужно было больше напрягаться во имя ложных целей. Ей же, в свою очередь, уже не требовалась показная любовь для сокрытия чувства вины, не нужно было больше указывать мне, как себя вести. У нас словно гора с плеч свалилась. Она ведет себя естественно и я живу, как мне хочется, начал радоваться жизни, и для этого мне не нужно было проходить курс психоанализа. Но теперь я уже никогда не скажу, что попытки суицида не имели никакого отношения к моему детству. Но тогда я *не мог, не имел права это понимать* и поэтому чувствовал себя совершенно беспомощным».

Молодой человек описывает здесь ситуацию, порождающую у многих душевные заболевания. Теперь уже точно известно, к чему приводит *запрет на подлинные знания о своем детстве*. Джон Боулби в монографии под характерным названием: «О том знании, которым ты, как ожидается, не владеешь и о чувствах, которые ты, как многие думают, не испытываешь» (Boulbi, 1979) обобщил свой опыт лечения пациентов, страдавших соматическими заболеваниями, синдромом навязчивого повторения, невротами и психозами. В этом труде он приходит к выводам, которые созвучны моим.

В связи с приведенным мной выше примером я сделала для себя весьма поучительный вывод. Оказывается, что даже в самых тяжелых

случаях молодым людям можно не обращаться к психоаналитику, если родители сами готовы разрушить стену молчания и сказать своему уже подростку, что симптомы его заболевания вовсе не плод его больного воображения и появились они вовсе не в результате *физического или умственного перенапряжения, воздействия низкопробной литературы или дурной компании, да и слишком изнеженный организм или инстинкты здесь также ни при чем*. Если эти родители не будут больше судорожно подавлять в себе чувство вины, от чего в итоге страдает их ребенок, а научатся трезво оценивать свое прошлое, то и их дети смогут внутренне принять знание о своем детстве. Оно теперь будет незримо присутствовать в их жизни. Эмоциональное знание и «телесная память» спокойно уживутся с рассудочным знанием. Оплаканное прошлое *объединяет* детей и родителей — это известно лишь немногим, ибо далеко не все способны пойти на риск и вникнуть в свое прошлое. Но там, где это оказалось возможным, уже не слышны голоса педагогов: на смену им приходит подлинное знание жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После того как рукопись этой книги была готова и отослана в издательство, у меня состоялся разговор о проблемах воспитания с молодой коллегой, которого я очень ценю. По мнению отца двоих детей, очень чуткого человека, психоаналитики, к сожалению, так до сих пор не разработали методические указания для педагогов, призванные сделать воспитание более гуманным. Я высказала сомнение относительно самой возможности гуманной педагогики как таковой, т. к. на основании достаточно богатого опыта убедилась, что даже самые утонченные формы педагогического воздействия представляют собой манипулирование людьми. Я объяснила коллеге, что, на мой взгляд, любое воспитание совершенно излишне, если рядом с ребенком с раннего детства постоянно находится человек, позволяющий ему спокойно выражать свои чувства. Ребенок не должен бояться потерять его, если он будет откровенным с ним (об этом и писал Винникотт). Если к ребенку относятся с уважением, он может без всякой санкции воспитателя самостоятельно постигать как свой внутренний, так и окружающий мир. Мой собеседник полностью согласился со мной, однако заявил, что для родителей очень важно получить конкретные рекомендации. Тогда я высказала мысль, более четко сформулированную в моей книге в главе «Скрытая логика абсурдного поведения»: «Если родителям удастся отнестись к своему ребенку с тем же уважением, с каким они относились к собственным родителям, тогда не нужно будет заботиться о развитии его способностей. Он все сделает сам».

Мой коллега рассмеялся, а затем, помолчав немного, серьезно сказал: «Но это же невозможно»... «Почему?» — спросила я. «Потому... потому, что дети не предъявляют к нам требований и не грозят нам в случае жестокого обращения уйти из дома. А даже если они и выскажут такую угрозу, мы знаем, что они ее никогда не исполнят...» Коллега снова замолчал, а потом добавил: «Знаете, я вот сейчас спрашиваю себя, а может быть, то, что мы называем педагогикой, есть способ осуществления власти, и, может, лучше не ломать голову, выдумывая новые методы воспитания, а больше писать о скрытых способах осуществления власти?» «Именно это я и попыталась сделать в своей книге», — ответила я.

Трагизм судьбы «воспитанного» человека заключается в следующем: даже в зрелом возрасте он не способен понять, каким образом им манипулировали в детстве и как он теперь манипулирует своим ребенком. Это обстоятельство хорошо используют всевозможные государственные и общественные институты и в особенности тоталитарные режимы. В наш век открылись возможности для использования психологии для подчинения как отдельных людей, так и целых народов. Порой она выступает как оружие, как инструмент власти. И совершенно неважно, какими терминами это маскируется — «воспитание» или «пси-

хотерапия». Ведь за неудержимым желанием захватить власть над людьми и использовать ее в своих корыстных интересах обычно скрывается стремление не дать прорваться в сознание ощущению собственного бессилия, поэтому бесполезно звать к морали и нравственности людей, использующих психологию во зло.

Если в «Третьем рейхе» сумели применить достижения технического прогресса для массовых убийств, то в наше время компьютерную технику и кибернетику вполне можно с успехом использовать для широкомасштабного уничтожения души человека: открывают большие возможности, чем интуитивная психология. Я не знаю, какими средствами можно изменить ситуацию. Психоанализ также не исключение, есть реальная опасность использования его в учебных заведениях в целях манипулирования сознанием воспитанников. На мой взгляд, единственное, что еще можно сделать, — это помочь человеку, подвергающемуся манипуляции, определиться в своих ощущениях, понять, что с ним делают, чтобы он в дальнейшем уже сознательно противостоял угрозе духовного порабощения.

Не секрет, что не психологи, а писатели первыми поднимают те или иные прежде запретные темы. За последние десять лет появилось множество публикаций автобиографического характера, в которых прослеживается довольно любопытная тенденция. Оказывается, чем моложе автор, тем менее он склонен идеализировать своих родителей. Представители послевоенного поколения готовы не только разумом принять правду о своем прошлом, но и справиться с горечью, возникающей в результате его анализа. Ни тридцать, ни даже двадцать лет назад невозможно было описать родителей так, как это, например, сделали в своих книгах Кристоф Мекель (1980), Эрика Буркарт (1979), Карин Штрук (1975), Рут Реман (1979), Бригитта Швайгер (1980). Сюда я также отношу составленные Барбарой Франк и Марго Ланге документальные сборники, вышедшие в 1979 г. Это внушает мне определенный оптимизм. Я очень надеюсь, что мы на правильном пути, на дороге к истине. Одновременно я еще раз убедилась, что даже незначительный отход от педагогических принципов способен принести плоды. Это хорошо видно на примере писателей, от которых, как известно, наука всегда отстает.

В то самое время, когда писатели, поняв все значение детских лет, гневно разоблачают губительные последствия воспитательного процесса, представляющего из себя фактически процесс осуществления власти, студентов психологических факультетов университетов на протяжении четырех лет продолжают приучать рассматривать человека как механизм. Если вспомнить, сколько времени и сил ими было затрачено на то, чтобы, упуская последний шанс юношеских лет, сдерживать, используя научные доводы, особенно бурные в этом возрасте порывы чувств, вряд ли стоит удивляться тому, что люди, привыкшие к самопожертвованию, с легкостью жертвовали своими пациентами, ибо счита-

ли их не самостоятельными творческими личностями, а всего лишь инструментом своего интеллекта. Авторы многих «научных» публикаций, посвященных проблемам психологии, своим рвением и стремлением к последовательному самоуничтожению напоминают офицера из новеллы Кафки «В исправительной колонии», а наивный и доверчивый заключенный схож с современным студентом, думающим, что от него в университете требуют только труд, но не душу.

Громко заявившие о себе в начале нашего века экспрессионисты — как писатели, так и художники — гораздо лучше разбирались в неврозах (во всяком случае, подсознательно), чем почтенные профессора психиатрии, они рассказали о них в своих произведениях. Те лишь бестолково смотрели на истеричных пациенток, не понимая, что причиной их болезненного состояния являются перенесенные в детстве психические травмы. Фрейд сделал доступной для психиатров бессвязную речь пациентов и получил за это не только благодарность, но и неприязнь, ибо отважился коснуться запретной темы.

Детей, понимающих, что с ними обращаются жестоко, обычно наказывают за это понимание, и последствия применения карательных мер бывают настолько серьезными, что, даже повзрослев, дети предпочитают не ворошить прошлое. Однако многие не смогут окончательно избавиться от горестных воспоминаний, и потому все же есть надежда, что, несмотря на превращение психологии в своеобразную отрасль технических знаний, далеко не все сферы нашей жизни станут похожи на описанную Кафкой исправительную колонию. Ведь душу человека нелегко уничтожить, и она в любой момент может воскреснуть, пока живо его тело.

ЛИТЕРАТУРА

- Aries Philippe* (1960), Geschichte der Kindheit. München; Wien: Hanset.
- Bowlby John* (1979), On knowing what you are not supposed to know and feeling what you are not supposed to feel // Journal of the Canadian Psychiatric Association.
- Braunmühl Ekkehard von* (1978), Zeit für Kinder. Frankfurt: Fischer — (1976); Antipädagogik. Weinheim; Basel: Beltz.
- Bruch Hilde* (1980), Der goldene Käfig, Rätsel der Magersucht. Frankfurt: Fischer.
- Burkart Erika* (1979), Der Weg zu den Schafen. Zürich: Artemis F., Christiane (1979), Wir Kinder vom Bahnhof Zoo / Hrsg. von Kai Hermann und Horst Rieck. Hamburg: Stern-Buch.
- Fest Joachim* (1978), Hitler. Band I. Berlin: Ullstein — (1963), Das Gesicht des Dritten Reiches. München: Piper.
- Frank Barbara* (1979), Ich schaue in den Spiegel und sehe meine Mutter. Hamburg: Hoffmann & Campe.
- Handke Peter* (1972), Wunschloses Unglück. Salzburg: Residenz.
- Heiden Konrad* (1936), Adolf Hitler. Wien: Europa.
- Helfer Ray E., Kempe C. Henry* (Hrsg.) (1979), Das geschlagene Kind. Frankfurt: Suhrkamp (stw 247).
- Höß Rudolf* (1963), Kommandant in Auschwitz / Hrsg. von Martin Broszat. München: dtv Dokumente.
- Jetzinger Franz* (1957), Hitlers Jugend. Wien: Europa.
- Kestenberg Judith* (1974), Kinder von überlebenden der Naziverfolgung // Psyche 28, S. 249–265.
- Klee Paul* (1957), Tagebücher. Köln: DuMont.
- Krüll Marianne* (1979), Freud und sein Vater. München: Beck.
- Lange Margot* (1979), Mein Vater. Frauen erzählen vom ersten Mann ihres Lebens. Reinbek: Rowohlt.
- Mäuse de Lloyd* (1977), Hört ihr die Kinder weinen. Frankfurt: Suhrkamp — (1979), Psychohistory. Über die Unabhängigkeit eines neuen Forschungsgebietes // Kindheit 7, S. 51–71.
- Meckel Christoph* (1979), Suchbild. Über meinen Vater. Düsseldorf: Claassen.
- Miller Alice* (1979), Das Drama des begabten Kindes und die Suche nach dem wahren Selbst. Frankfurt: Suhrkamp.
- Moor Paul* (1972), Das Selbstporträt des Jürgen Bartsch. Frankfurt: Fischer (Fischerbücherei 1187).
- Niederland William G.* (1980), Folgen der Verfolgung. Frankfurt: Suhrkamp.
- Olden Rudolf* (1935), Adolf Hitler. Amsterdam: Querido.
- Plath Sylvia* (1975), Briefe nach Hause. München: Hanser — (1978); Die Glasglocke. Frankfurt: Suhrkamp.
- Rauschnig Hermann* (1973), Gespräche mit Hitler. Wien: Europa.
- Rutschky Katharina* (Hrsg.) (1977), Schwarze Pädagogik. Berlin: Ullstein.
- Schatzman Morton* (1978), Die Angst vor dem Vater. Reinbek: Rowohlt.
- Schwaiger Brigitte* (1980), Lange Abwesenheit. Wien; Frankfurt: Zsolnay.
- Stierlin Helm* (1975), Adolf Hitler, Familienperspektiven. Frankfurt: Suhrkamp.
- Struck Karin* (1973), Klassenliebe. Frankfurt: Suhrkamp; Die Mutter. Frankfurt: Suhrkamp.
- Theweleit Klaus* (1977), Männerphantasien. Frankfurt: Roter Stern.
- Toland John* (1977), Adolf Hitler. Bergisch; Gladbach: Lübbe.
- Zenz Gisela* (1979), Kindesmißhandlung und Kindesrechte. Frankfurt: Suhrkamp.
- Zimmer Katharina* (1979), Das einsame Kind. München: Kösel.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	3
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	10
СВЯЩЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ	15
Механизмы «черной педагогики»: отщепление и проекция	27
СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «БЕЛАЯ ПЕДАГОГИКА»?	37
Насилие в бархатных перчатках	37
Воспитывать нужно не детей, а самих воспитателей	40
«ЧЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА»	46
Введение	46
Рассадники ненависти (Обзор педагогических трактатов за два столетия)	50
Выводы	90
ПОСЛЕДНИЙ АКТ БЕССЛОВЕСНОЙ ДРАМЫ — МИР В УЖАСЕ	94
Вступление	94
Беспощадная война против собственного Я.	
Пубертатный период: упущенный шанс	95
Наркомания как форма поисков собственного Я и саморазрушения.	
Жизнь Кристианы Ф.	97
Скрытая логика абсурдного поведения	111
ДЕТСТВО АДЛЬФА ГИТЛЕРА	121
От игры воображения до страшной реальности	121
Вступление	121
Судьба отца и его отношение к сыну	125
Положение матери в семье и ее роль в жизни Адольфа	149
Выводы	160
ЮРГЕН БАРЧ:	
КОГДА КОНЕЦ СТАНОВИТСЯ НАЧАЛОМ ОСОЗНАНИЯ ЖИЗНИ	164
Вступление	164
«Гром среди ясного неба»?	167
Детство убийцы	171
Стена молчания	189
Заключение	196
Любое насилие, даже совершенное без злого умысла, — причиняет боль	199
Сильвия Плат и запрет на выражение чувств	203
К чему приводят скрытая ненависть, чувство вины и невозможность выразить свои чувства	208
Право на знание	214
ПОСЛЕСЛОВИЕ	219
ЛИТЕРАТУРА	222

Научное издание

Миллер Алис

В НАЧАЛЕ БЫЛО ВОСПИТАНИЕ

Компьютерная верстка

К.А. Крылов

Корректор

Е.Ю. Самсонкина

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Мартеповская, 3.
СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

ООО Фонд «Мир»
111399, Москва, ул. Мартеповская, д. 3

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикта»:*

*111399, Москва, ул. Мартеповская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aproject.ru
Интернет-магазин: www.aproject.ru*

Подписано в печать 21.11.12.

Формат 60 × 90/16. Гарнитура MyslC. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2266.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

Автор показывает механизмы скрытой жестокости в воспитании детей и корни насилия. Анализируя ряд жизненных историй — пациентки-наркоманки, убийцы малолетних и Адольфа Гитлера, — Миллер раскрывает истоки крайней личностной деструктивности этих людей в их раннем детстве: будучи детьми, они подвергались жестокому обращению и унижению, что и сказалось на их личностных особенностях. Сформулированы основные принципы «губительной педагогики» — подавляющего и калечащего ребенка воспитания.

Алис Миллер

В НАЧАЛЕ БЫЛО
ВОСПИТАНИЕ

ISBN 978-5-919840-19-0

9 785919 840190

